

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Левандовский Андрей Никитич

**«Сахалин второй половины XIX – начала XX века
в источниках памяти»**

Специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата наук

Научный руководитель:

д.и.н., профессор

Селунская Наталья Борисовна

Москва – 2023 г.

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Методика реконструкции взглядов чиновников-оптимистов на будущее и настоящее острова Сахалин на основе источников исторической памяти	50
Вводные замечания	50
1.1. Проекты освоения Сахалина в правительственном дискурсе	53
1.2. Оценка госслужащими-оптимистами хозяйственного потенциала острова Сахалин	60
1.3. Характеристики отдельных групп населения острова Сахалин и условий их жизни в отражении первичной и опубликованной делопроизводственной документации	75
Глава 2. Методики анализа персональных оценок чиновников-пессимистов опыта колонизации острова Сахалин середины XIX – начала XX в.	93
2.1. Аргументация успехов и неудач опыта развития земледелия, добывающих и рыбных промыслов на острове в отражении архивной делопроизводственной документации и опубликованных свидетельств чиновников	94
2.2. Демографические характеристики населения и условий жизни на острове Сахалин в оценках чиновников-пессимистов	102
2.3. Образ тюремной администрации и ее деятельности в области здравоохранения и образования на острове в записках и наблюдениях чиновников	117
2.4. Характеристика фотодокументов как иллюстративного материала к реконструкции образа острова Сахалин	128
Глава 3. Источниковедческие проблемы реконструкции восприятия острова Сахалин современниками-литераторами	139
Вводные замечания	139

3.1. Интерпретации оценок хозяйственного потенциала острова Сахалин в литературных текстах А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева	141
3.2. Повседневность и условия жизни и быта каторжан, ссыльнопоселенцев и коренных народов в отражении литературных текстов А.П. Чехова, В.М. Дорошевича, И.П. Ювачева	157
3.3. Реконструкция образов чиновников и инфраструктуры острова Сахалин на основе анализа литературных текстов А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева и фотодокументов	172
3.4. Методика изучения влияния политической конъюнктуры и личных мотиваций автора-литератора на формирование ими образа острова Сахалин	188
Глава 4. Реконструкция интерпретаций и оценок учеными острова Сахалин, отраженных в текстовых и визуальных источниках	201
4.1. Интерпретация хозяйственного потенциала и инфраструктуры острова в текстах русских ученых	203
4.2. Повседневность и условия жизни и быта каторжан, ссыльнопоселенцев, чиновников и коренных народов в восприятии русских ученых	214
4.3. Географические и инфраструктурные особенности острова в текстах иностранных ученых	229
4.4. Бытовые и морально-нравственные аспекты жизни каторжан, чиновников, ссыльнопоселенцев и коренных народов в оценках иностранных ученых	242
Заключение	258
Список источников и литературы	267

Введение

Научная значимость и актуальность. Остров Сахалин как особое историческое пространство Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. являлся важным объектом государственной политики «внутренней колонизации». Эта политика включала в себя как условия присоединения данного региона к историческому пространству империи, так и оценку хозяйственного и демографического потенциала острова и перспектив его дальнейшего развития. Споры по поводу оценок современниками результатов и значения колонизации Сахалина велись весьма серьезные, так как у участников дискуссий различного социального статуса и профессиональной идентичности остров представал как в образе «будущей жемчужины Дальнего Востока», так и характеризовался «настоящим адом на земле». На первых этапах во главу угла ставился вопрос об экономическом и оборонном потенциале этой территории. Все изменилось после нескольких резонансных литературных публикаций А.П. Чехова¹ и В.М. Дорошевича², из-за которых фокус публичного и политического дискурса начал смещаться с общих проблем освоения острова на организованную на Сахалине каторгу, которая, согласно планам правительства, должна была создать экономическую и демографическую основу для развития региона. С этого времени все больше начали говорить не столько о возможности поставки угля в Японию и Китай, сколько о тех страданиях, которые переживали ссыльные на «проклятом острове». Эти переплетения мыслей и взглядов современников создали уникальную картину видения ими Сахалина, которая вызывает интерес для историка, в том числе в плане изучения исторической памяти. Для реконструкции объемного образа острова Сахалин второй половины XIX – начала XX в. важно обратиться к источникам разной видовой и типовой принадлежности, в которых содержится зафиксированная в текстах и

---

¹ Чехов А.П. Остров Сахалин. Южно-Сахалинск, 1995.

² Дорошевич В.М. Сахалин: (каторга). В 2-х ч. М., 1903.

изображениях того времени коллективная память современников и которые составляют основу исследования заявленной темы диссертации.

Актуальность и научная значимость диссертационного исследования определяются востребованностью современным историческим сообществом разработки и применения новых методологических подходов к источниковедению такой предметной области истории, как изучение памяти. Предложенная в диссертации методология реконструкции образа острова Сахалин связана с влиянием так называемого мемориального поворота на современную мировую историографию, который изменил угол зрения специалистов на исторические факты, фокусируя внимание на их восприятие представителями разных социальных слоев и этнокультурных групп общества. Актуальность и научная значимость методологии диссертационного исследования проявляются в применении к изучению истории острова Сахалин междисциплинарного подхода, суть которого заключается в системном рассмотрении роли и значения природно-климатических, географических, политических и социокультурных факторов, которые формируют исследуемый регион как «историческое пространство»³. Данная методология впервые применена к изучению Сахалина как региона Российской империи середины XIX – начала XX в. в контексте дискурсивного анализа разных интерпретаций современниками специфических особенностей и перспектив развития острова как социокультурного пространства.

Важным аспектом данного диссертационного исследования, характеризующим его научную значимость и актуальность, является комплексный подход к изучению источников различной видовой и типовой принадлежности, содержащих индивидуальную и коллективную память об острове. При всем многообразии имеющихся книг и статей о Сахалине они в большей своей части сконцентрированы вокруг достаточно ограниченных

---

³ Ведин Ю.А. Культурный ландшафт как хранитель памяти ойкумены // Человек: образ и сущность. 2019. № 1 (36). С. 23.

комплексов документов, например, делопроизводственных материалов⁴ или наследия А.П. Чехова⁵. В диссертации же впервые предпринята попытка сравнительного анализа содержащейся в различных комплексах источников информации о восприятии современниками разных социальных групп острова Сахалин. В этом плане можно назвать лишь единичные заявки на подобного рода работы в зарубежной историографии, которые имеют фрагментарный характер⁶, так как в своей проблематике ограничиваются вопросами государственного восприятия штрафной колонии.

Актуальность темы диссертации связана также и с ростом интереса общества, с одной стороны, к истории регионов, с другой – к истории пенитенциарной системы в Московском государстве и Российской империи. Все это требует расширения источниковой базы и разработки специальных методик анализа источников по указанным темам. Первую тенденцию мы можем отчетливо наблюдать в деятельности современных краеведческих музеев, а также в появлении ряда частных музеев, использующих региональную тематику. Наблюдается рост специализированных научных изданий, изучающих прошлое того или иного исторического пространства России. Все это выливается в стремление пересмотреть те образы и парадигмы, которые сложились вокруг определенных территорий, и изменить их в соответствии с современными реалиями. Эту тенденцию можно отчетливо увидеть и на Сахалине. Местные краеведы и ученые вводят в научный оборот новые источники и постулируют, что Сахалин привлекал

---

⁴ *Гридяева М.В.* Остров Сахалин во второй половине XIX – начале XX века: административное устройство и управление. Южно-Сахалинск, 2008.

⁵ *Теплинский М.В. Бурятов. Б.Н.* А.П. Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1957.

⁶ *Ackeret M.* In der Welt der Katorga. Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München, 2007; *Corrado Sh.M.* The End of the Earth Sakhalin Island in the Russia Imperial Imagination 1849–1906. Ph.D. Dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign, Urbana, 2010.

многих известных людей⁷, в том числе иностранных писателей и ученых⁸, а сам остров был больше, чем просто место каторги и ссылки.

По мнению исследователей Сахалина, освоение острова было амбициозным проектом Российской империи, в результате реализации которого он должен был превратиться в опорный пункт на Дальнем Востоке, что и предопределило создание на нем штрафной колонии⁹. Такой подход соответствует той дискуссии, которая проходила в XIX в., непосредственно в процессе освоения Сахалина, и затрагивала помимо морально-этических еще экономические и военные соображения. Поэтому представляется, что исследование данной проблематики в подобном ключе, на основе изучения развития образа острова середины XIX – начала XX в., может показать, что имперская история Сахалина не сводилась только к истории каторги, но содержала в себе гораздо больше аспектов, которые мало учитываются в современной историографии.

Также стоит отметить, что за последнее время изучение истории пенитенциарных учреждений в Российской империи получило широкое распространения и развитие, был дополнен взгляд на эту проблему, превалирующий в советский период. На тюремную систему историки начали смотреть не только как на карательную институцию или как на проявление колониальной политики правительства, но и как на важную часть

---

⁷ *Латышев В.М.* Предварительный отчет Бронислава Пилсудского // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 1996. № 3. С. 394–398; Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы (конец XIX – начало XX века) / Сост. В.М. Латышев, Г.И. Дударец, М.М. Прокофьев. Южно-Сахалинск, 2011.

⁸ *Гарри В.* Поездка вглубь острова // Вестник сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 2011. С. 222–233; *Хоуз Ч.Г.* На восточной окраине: отчет о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2003.

⁹ *Гридяева М.В.* Дело о Сахалинском колонизационном фонде // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 2013. № 1 (20). С. 66–73.

государственной системы¹⁰. Данный подход был использован в диссертации, что предопределило расширение источниковой базы исследования и разработку новых методологических принципов и приемов.

Объектом исследования в работе является комплекс разнообразных источников по истории острова Сахалин середины XIX – начала XX в., среди которых центральное место занимают письменные и визуальные источники. В первой группе выделяются делопроизводственные материалы, которые исследователи не часто привлекают для реконструкции образа исторического пространства. Для изучения Сахалина же такая разновидность делопроизводства, как доклады государственных служащих, имеет принципиальное значение, поскольку информация, содержащаяся в этих документах, легла в основу позитивного восприятия острова властью, что в дальнейшем повлияло на политику государства и планы по освоению острова. Важной частью структуры объекта исследования являются научные статьи и монографии современников, побывавших на Сахалине в период, когда остров был местом каторги. Проблематика, которая затрагивалась в этих работах, касалась не только истории острова или устройства штрафной колонии, но также была связана с этнографией региона или юридическими аспектами жизни каторжан. Большое значение для диссертационного исследования имеют также источники личного происхождения: частная переписка, дневники, воспоминания, а также публицистика. Визуальные материалы являются второй группой источников, составляющих объект исследования. Это объясняется тем, что авторы привлекаемых нарративных источников часто используют иллюстративный материал, чтобы усилить тот образ острова, который они хотят представить читателю. К этой группе источников относятся фотографии, карты, литографии и рисунки. Комплексное использование письменных и визуальных источников в диссертационном

---

¹⁰ *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012; *Анисимов Е.В.* Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 2019.

исследовании позволит не только глубже раскрыть специфику восприятия острова посетившими его людьми – учеными, литераторами и чиновниками, – но и лучше понять мировосприятие авторов привлекаемых источников.

Предметом исследования является информация, фиксирующая индивидуальную и групповую коллективную память современников (чиновников, ученых и литераторов) о Сахалине второй половины XIX – начала XX в., а также методики систематизации и анализа сведений, которые находятся в использованных источниках, и реконструкция восприятия Сахалина современниками, относящимися к разным социальным и профессиональным группам общества.

Хронологические рамки исследования в целом определяются временем существования сахалинской каторги, которые были установлены двумя указами о создании и закрытии штрафной колонии: 18 апреля 1869 г. – 10 апреля 1906 г. Именно на этот период приходятся основные действия правительства по освоению острова. Однако верхняя и нижняя границы могут быть расширены, поскольку первые каторжане появились на Сахалине за 11 лет до указа о создании каторги, в 1858 г. Кроме того, очевидцы – авторы привлекаемых источников продолжали писать о Сахалине и после того, как там перестала существовать штрафная колония. Так, одна из последних публикаций бывшего каторжанина на эту тему в журнале «Каторга и ссылка» датируется 1926 г.¹¹.

Территориальные границы исследования связаны с его объектом и предметом. Они включают в себя остров Сахалин, Курильские острова, а также Дальний Восток России.

Целью исследования является разработка методики критики и анализа комплекса источников, методологии реконструкции образов острова Сахалина второй половины XIX – начала XX в., созданных представителями

---

¹¹ Госткевич Г. Записки пролетариата // Каторга и ссылка. 1926. № 6 (Кн. 27). С. 122–150.

разных социальных и профессиональных групп общества, и определение общего и особенного в созданных ими образах.

Для достижения этой цели были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

– поиск и выявления источников памяти по истории острова Сахалин середины XIX – начала XX в.;

– классификация и группировка источников согласно их видовым и содержательным характеристикам;

– формирование системы характеристик, отражающих различные аспекты восприятия острова Сахалин чиновниками, учеными и литераторами;

– реализация процедуры реконструкции образов Сахалина середины XIX – начала XX в. на основе интерпретации источников изучения памяти соответственно представителями чиновников, ученых и литераторов;

– сравнительный анализ реконструированных образов острова Сахалин на основе применения интерпретационных методов к информации источников различной видовой принадлежности;

– оценка познавательного потенциала проведенной реконструкции образов Сахалина для понимания этого региона как части исторического пространства Российской империи середины XIX– начала XX в.

Методологической основой исследования стали принципы историзма, и научной объективности, системный подход и структурный анализ. Важную роль в исследовании занимает историко-сравнительный метод, который позволяет выявлять общие и особенные черты в изучаемых образах острова Сахалин. Историко-генетический метод обеспечивает возможность проследить процесс развития штрафной колонии и изменения отношения к ней общественности и правительства на разных этапах ее существования.

Степень изученности проблемы. Интерес к изучению истории острова Сахалин как региона Российской империи середины XIX-начала XX в. у научного сообщества то затухал, то разгорался с новой силой, а используемые исследователями подходы сильно изменялись. Наиболее же

сильные изменения в изучении данной проблематики произошли в 90-е годы прошлого века, что дает нам основания выделить в историографии два основных этапа: советский и постсоветский. Касательно же дореволюционных работ, затрагивающих историю острова, то нами они будут по большей части помещены не в раздел историографии, а в раздел источников. Дело в том, что почти все авторы крупных трудов времен Российской Империи, посвященные истории Сахалина сами были на острове и писали о тех явлениях, которые видели лично, так что их стоит отнести к разряду источников, а не историографии. Единственным исключением является работа Е. Оларта «Проклятый остров»¹², вышедшая в 1913 году в Москве. Но по содержанию она представляет собой во многом компиляцию из «Каторги» Дорошевича и не привносит ничего нового в изучения пенитенциарных учреждений острова. После же начала Первой мировой войны интерес к этой теме затих и до установления советской власти не появилось ни одной крупной работы по данной проблематике.

Со второй половины 20-Х годов в журнале «Каторга и ссылка» начинают публиковаться статьи, которые повествуют о сахалинской штрафной колонии. Но опять же, как и в случае с дореволюционной историографией, их авторы сами были участниками описываемых событий, так что данные труды будут нами также рассматриваться в разделе источников.

Первая крупная историографическая работа советского периода, которая посвящена сахалинской каторге, появляется в 1929 году за авторством Макса Поляновского¹³. Эта книга находится на стыке путевого дневника и исследовательской монографии, так как ее автор лично приехал на остров для того, чтобы сравнить современную жизнь на нем со временами А.П. Чехова и В.М. Дорошевича и конечно это сравнение заканчивается не в пользу последнего. Также для нашей темы интересен и тот факт, что М. Поляновский

---

¹² Оларт. Е. Проклятый остров. М.: Дело, 1913. 127 с.

¹³ Поляновский М. Сахалин после Чехова и Дорошевича. М., 1929. 94 с.

обращается к воспоминаниям местных жителей о временах штрафной колонии и даже находит человека, который лично видел Антона Павловича во время его визита на Сахалин. В данном труде отчетливо видны все особенности, которые будут характерны для последующих работ по данной проблематике советского периода. Первое – это негативное отношение к пенитенциарной системе острова и особый интерес к социальной подоплеке происходящих на Сахалине событий. Второе – это опора, главным образом, на труды Чехова и Дорошевича в ущерб остальным источникам. Это повлияло на то, что внимание ученых было сосредоточено на фигуре двух литераторов и нескольких наиболее известных заключенных острова, что вело к некоторой односторонности их работ.

Все эти характеристики также хорошо просматриваются в трудах советских историков, посвященных острову Сахалин, куда входили, как работы, рассматривающие всю историю острова¹⁴, так и направленные конкретно на изучение штрафной колонии¹⁵. Как мы можем увидеть, заметен серьезный хронологический разрыв между выпуском труда Макса Поляновского и следующей крупной монографии по схожей проблематике за авторством И.А. Сенченко, который на долгие годы станет одним из главных экспертов по истории Сахалина и Южных Курил. Точной причины подобного затухания интереса к теме изучения штрафной колонии назвать довольно сложно, но на наш взгляд, она связана с реорганизацией сахалинского краеведческого музея, которая произошла в середине прошлого века. После окончания войны экспозиция музея была перевезена из северной части острова в южную, что также сопровождалось увеличением финансирования проводимых краеведческих исследований. С этой поры и по настоящее время

---

¹⁴ *Сенченко. И.А.* История Сахалинских и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. И до установления Советской власти). М., 1966. 46 с.

¹⁵ *Сенченко. И.А.* Из истории Сахалинской политической каторги. // Очерки социально-экономического развития и революционного движения в России. Сборник научных трудов. М., 1975. С.323–348.; *Борисов В.Г., Кан Чун Ди.* Политическая каторга и ссылка на Сахалине, 1886-1906. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во. Сахалинское отд-ние, 1979. 86 с.

музей становится центром по изучению истории острова, занимаясь всем: от исследования останков доисторических животных до сбора сведений о современном состоянии региона. Мы вполне допускаем, что в период между изданием работ М. Поляновского и И.А. Сенченко были и другие труды по нашей теме, но из-за недостатка средств они были выпущены очень маленьким тиражом и затерялись в хранилищах библиотек. В свою очередь после оформления и начала функционирования сахалинского музея тираж работ составлял десятки тысяч экземпляров, что сделало эти труды доступными и для наших современников.

Обращаясь же к самим общим работам по истории острова, стоит отметить, что основной свой упор они делают на социально -экономическую сторону вопроса, рассматривая историю Сахалина в общем контексте классового подхода. Надо подчеркнуть, однако, что содержащаяся в трудах советских историков информация весьма полезна для изучения промысловой активности на острове, а также формирования политической каторги на Сахалине, с введением которой в штрафную колонию были привезены заключенные, которые в будущем станут авторами целого ряда источников, на которые мы будем опираться в своей работе.

К вопросу об авторах, стоит сказать, что именно на них было направлено основное внимание исследователей, изучающих историю каторги. Наибольший интерес вызывали, конечно, фигуры А.П. Чехова и В.М. Дорошевича¹⁶. Причем труды, посвященные названным персоналиям, находятся во многом на стыке истории и литературоведения, так как их авторы, М.В. Теплинский и С.В. Бучкин, были по образованию филологами, а не историками. Однако стоит отметить, что это не отразилось негативным

---

¹⁶ *Теплинский М.В.* Бурятов. Б.Н. А.П. Чехов на Сахалине. Сахалин, 1957. 97 с.; *Теплинский М.В.* Влас Дорошевич – автор книги «Сахалин»// Сахалин литературно-художественный сборник. Южно-Сахалинск, 1962. С. 128–134.; *Бучкин С.В.* В.М. Дорошевич. Творческая судьба. Мастерство. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. (10.01.01) / АН БССР. Ин-т литературы им. Я. Купалы. – Минск, 1972. 23 с.

образом на интересе этих работ для историков. Особо хочется выделить работы Михаила Вениаминовича, который провел настоящий источниковедческий анализ «Острова Сахалина» Антона Павловича и «Сахалина Каторги» Власа Михайловича, многие содержащиеся в которых наблюдения актуальны и для современного исследования темы.

От цикла работ, посвященных литераторам А.П. Чехову и В.М. Дорошевичу отличается монография Н.И. Гаген-Торн, в которой она описывает биографию своего учителя Л.Я. Штернберга¹⁷. Личность Льва Яковлевича интересна нам, как автора дневника и серии этнографических работ, посвященных Сахалину. С первых строк видно, что это очень личная работа благодарного ученика о своем наставнике, так что в некоторых местах она носит немного лирический характер. Но несмотря на это, в ней имеется много фактических данных о биографии Л.Я. Штернберга, которые будут использованы позже многими авторами.

Подводя итог по историографии советского периода, надо сказать, что, хотя на этом отрезке времени вышло не так много работ по нашей теме, они во многом составили фундамент для последующих трудов по данной проблематике. Однако к концу двадцатого века стало понятно, что тема штрафной колонии находится только в начальной стадии своей разработки. Все больше и больше исследователей стали осознавать потребность в расширении источниковой базы и новых методологических подходов к изучению истории Сахалина. Эти вопросы как раз и оказались в центре внимания постсоветской историографии.

Уже в монографии А.А. Плотникова 1992 года «Сахалинская каторга»¹⁸, хотя и уделено много внимания социально-экономическим вопросам, однако просматривается переход к более узким проблемам регионоведения, выделение Сахалина, как особого пространства Российской Империи, что будет характерно для всей дальнейшей историографии данного

---

¹⁷ Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975. 235 с.

¹⁸ Плотников. А.А. Сахалинская каторга. Хабаровск, 1992. 96 с.

региона. В то же время наблюдается, например, в монографии С. Федорчука «Поляки на Южном Сахалине»¹⁹ сохранение влияния традиции советской историографии, что проявилось, в частности, в особом внимании к вопросам социальных конфликтов на острове.

Тенденция роста исследований в контексте региональной истории проявилась в появлении целого ряда журналов и сборников, как на Сахалине, так и на Дальнем Востоке, которые направлены на изучения прошлого острова. На их страницах были опубликованы десятки статей, затрагивающие разные аспекты истории и жизни на Сахалине.

В первую очередь, мы говорим о «Вестнике сахалинского музея», который обозначил настоящий ренессанс в изучении истории острова. Он начал свое издание с 1995 года под редакцией М.В. Латышева, который за 10 лет своей работы в Вестнике сделал очень многое для исследования прошлого региона и повлиял на всю последующую российскую историографию по этой проблематике, о чем мы скажем немного позднее. Пока же отметим, что на страницах этого журнала выходили статьи разных школ и направлений, изучающие историю повседневности²⁰, историю властных структур на Сахалине²¹, историю развития медицины на острове²², причем подобное многообразие позволило с нового ракурса посмотреть на многие уже устоявшиеся представления о Сахалине. Так, например, статья М.В. Гриджевой еще раз подняла вопрос о плодородности земель острова, а М.В. Латышев обратил внимание на не всегда обоснованную критику в адрес местных чиновников.

---

¹⁹ Федорчук С. Поляки на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск: Центр документации новейшей истории, 1994. 48 с.

²⁰ Маленков В.В. Особенности семейно-брачных отношений на Сахалинской каторге // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея Южно-Сахалинск, 2000. №7. С. 163–166.

²¹ Латышев В.М. Суровый Генерал // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея Южно-Сахалинск, 1998 №5. С. 97–104; Гриджева М.В. Дело о Сахалинском колонизационном фонде Указ. соч.

²² Дударец Г.И. Первые сахалинские врачи // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея №16. Южно-Сахалинск, 2009. 180–188.

Так же стоит выделить два сборника «История государственности и церкви на Сахалине»²³ и «А.П. Чехов и Сахалин» на пороге третьего тысячелетия»²⁴. Они интересны для нас, в первую очередь тем, что свидетельствуют о расширении того поля исследования, в котором стали работать ученые, так как до этого проблемы изучения архивов и русской православной церкви не поднимались в историографии.

Теперь от общих работ, опубликованных в журналах и сборниках, перейдем к статьям, посвященным отдельным личностям. И тут мы вспомним еще раз М.В. Латышева, который на многие годы задал тренд на написание таких статей. Как мы уже писали выше, на исходе советского периода перед исследователями стояла две основные проблемы: узость исследуемого поля и дефицит введенных в оборот источников и это очень хорошо понимали в редакции «Вестника». Поэтому, как мы видим, на его страницах печатались статьи с использованием разных подходов и методологий. С источниками все обстояло немного сложнее. Перед исследователями стояло две основные задачи: показать, что о Сахалине писал кто-то помимо Чехова и Дорошевича, а также ввести в научный оборот сами тексты этих источников. «Вестник» и еще несколько сборников начали работать над решением этих проблем. Начали выходить статьи, знакомящие читателей с такими ключевыми фигурами в истории острова, как работник министерства внутренних дел А.А. Панов²⁵, начальник тюремного управления М.Н. Галкин-Враской²⁶,

---

²³ Драгунова Л.В. Православие и первые школы каторжного Сахалина // История государственности и церкви на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2001. С.128–133.

²⁴ Костанов. А.И. Архивы Сахалинской каторги // «А.П. Чехов и Сахалин» на пороге третьего тысячелетия». Южно-Сахалинск, 2001. С.64–79.

²⁵ Кудрявцев И.Г. О книге А.А. Панова «Сахалин как колония» //X Чеховские чтения. Ориентиры сахалинского чеховедения в панораме XXI в. (К 60-летию образования Сахалинской области). Южно-Сахалинск, 2007. С.38–44.; Гридяева М.В. Дело о Сахалинском колонизационном фонде. Указ. соч.

²⁶ Гридяева М.В. Михаил Николаевич Галкин-Враской: «Большой тюремщик» или «просвещенный начальник» // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2015. № 12. 180–196 с.

доктор медицины В.Г. Станницкий²⁷ и др²⁸. Причем по многим из указанных персоналий кроме, этих статей не существует никакой другой литературы, что делает их почти незаменимыми при источниковедческом анализе.

Отдельно надо отметить подход В.М. Латышева, который решил не ограничиваться простой биографической справкой о той или иной заметной фигуре, а дополнял ее, где это возможно, вводом в научный оборот источника за авторством этого лица. Начало было положено статьей о Б.О. Пилсудском²⁹. После же были написаны статьи о враче Л.В. Поддубском³⁰ и иностранном путешественнике Гарри де Виндте³¹, после чего шли публикации источников за их авторством. Таким же образом Владислав Михайлович работал и с изданием работ, которые по размеру не подходили в формат журнала, о чем будет сказано немного ниже.

По схожей схеме функционирует и журнал «Известия Института наследия Бронислава Пилсудского». В нем уделяется достаточно много внимания личности Б.О. Пилсудского и людям, которые его окружали в штрафной колонии. Так там помещена статья об И.И. Мейснере³² вместе с его воспоминаниями о каторге, текст которых можно найти только в архиве.

---

²⁷ *Ким Чан Ок* «Не вступая ни в какие компромиссы...» (доктор медицины В.Г. Станницкий на Сахалинской каторге) // XVIII Чеховские чтения Проблемы и перспективы сохранения чеховского наследия. Материалы научно-практической конференции 29–30 января 2015 года. Южно-Сахалинск, 2015. С.123–135.

²⁸ *Лисицина Е.Н.* Вашингтон Вандерлип на Сахалине: впечатления американского горного инженера о пребывании в Корскакове // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2018. 30–36 с.; *Кормилов С.И.* В.М. Дорошевич как неявный продолжатель и неявный оппонент А.П. Чехова в освоении Сахалинской темы // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина (Материалы международной научной конференции. 31 октября – 2 ноября 1991г.Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск, 1992. С.105–111.

²⁹ *Латышев В.М.* Предварительный отчет Бронислава Пилсудского. Указ. соч.

³⁰ *Латышев В.М.* Врач Л.В. Поддубский и его записки о Сахалинской каторге // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея №11. Южно-Сахалинск, 2004. С.141–149.

³¹ *Латышев В.М.* Вступительная статья // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2011. 222–224 с.

³² *Латышев В.М.* Окружение Бронислава Пилсудского. И.И. Мейснер // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск. 2013. С. 100–110.

Можно выделить журналы «Вестник Дальневосточного отделения РАН»³³, «Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке»³⁴, «Успехи современной науки»³⁵ и сборник, посвященный трехсотлетию Тихоокеанского флота³⁶. Хотя в них уделяется не так много внимания штрафной колонии, однако статьи, в них опубликованные, содержат сведения, которые не встретишь даже в сахалинских журналах.

Огромный интерес представляет сборник фотографий, привезенный А.П. Чеховым с острова и вводные статьи к нему³⁷. Они отвечают на весьма важный вопрос об авторстве этих снимков и вводят в оборот целый ряд новых источников до этого не известных широкому исследователю.

К этому надо добавить статью А.А. Сириной и Т.П. Роона в сборнике «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века»³⁸, посвященную Л.Я. Штернбергу. При всех достоинствах работы Н.И. Гаген-Торн по этой теме, в ней было слишком много литературных отступлений, что было исправлено авторами этого труда, которые дали по-настоящему научную биографию известного этнографа.

---

³³ *Кораблин К.К.* Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации. Указ. соч.

³⁴ *Ананьев Д.А.* Сахалинская каторга в оценке современных англо-американских и немецких историков // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2019. №1 55–64 с.

³⁵ *Кораблин К.К.* Исторический опыт ссыльнокаторжной и ссыльнопоселенческой колонизации острова Сахалин (вторая половина XIX – начало XX столетия) // Успехи современной науки. Белгород. 2017. Т. 8. № 3. С. 163–171.

³⁶ *Астахов И.В.* От АО «Добровольный флот» до АО «Дальневосточное Морское Пароходство» // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Выпуск 3. Флот и общество: люди, события, факты. Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300-летию Российского флота (17-20 октября 1996 г.). Владивосток, 1996. 73–77 с.

³⁷ *Орлов Э.Д., Шипова Т.Н.* О «Сахалинской» и этнографической коллекции А.П. Чехова: вместо предисловия // Путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток альбом к выставке. М.: Литературный музей. 2019. 10–14 с.

Орлов Э.Д., Шипова Т.Н. «Я был и в аду... и в раю»: путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток // Путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток альбом к выставке. М.: Литературный музей. 2019. 14–42 с.

³⁸ *Сирина А.А., Роон Т.П.* Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука. 2004. 49–95 с.

После обзора периодических изданий и сборников обратимся к монографиям и разделам в них, затрагивающим исследуемую нами проблематику. Как и в прошлом разделе назовем сначала общие работы по истории Сахалина, а потом уже труды, посвященные отдельным персоналиям.

Как особое направление исследований следует выделить, например, работу Д.А. Ананьева³⁹, рассматривающую труды зарубежных исследователей истории острова. В ней автор знакомит читателя со взглядами иностранных коллег на штрафную колонию и дает краткий обзор их исследовательских позиций. Это крайне примечательная работа, так как в отечественной историографии зарубежные труды часто игнорируются.

Большая группа работ посвящена проблематике, связанной с административным устройством, функционированием и правовым статусом местной пенитенциарной системы. Главные работы по этой проблематике принадлежат перу И.А. Сенченко⁴⁰ и М.В. Гридяевой⁴¹. Монографии за их авторством отлично дополняют друг друга, так как Иван Андреевич вписывает историю сахалинской каторги в общий процесс развития всего региона, а Марина Владимировна берет более приближенный ракурс, досконально описывая все изменения, которые происходили с местными пенитенциарными учреждениями на протяжении всего имперского периода. К этому списку можно добавить монографию с описанием всех сахалинских генерал-губернаторов⁴², для понимания функционирования бюрократической системы на острове.

Помимо подобных специализированных исследований, касающихся истории Сахалина и Курил, есть целый ряд работ, в которых рассказ о системе управления островом вписан в более широкую проблематику. Как пример

---

³⁹ *Ананьев Д.А.* Сахалинская каторга в оценке современных англо-американских и немецких историков // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2019. №1 С. 55–64.

⁴⁰ *Сенченко И.А.* Сахалин и Курилы – история освоения и развития. М.: Моя Россия, 2006. 512 с.

⁴¹ *Гридяева М.В.* Остров Сахалин во второй половине XIX – начале XX века...

⁴² *Губернаторы Сахалина.* Южно-Сахалинск, 2000. 391 с.

можно привести питерский сборник, посвященный экономической политике Империи на «окраинах»⁴³, где помимо рассказа о положении Средней Азии и Прибалтики много места отводится и проблемам Дальнего востока. К этой же группе можно отнести монографию доктора исторических наук А.С. Минакова⁴⁴, хотя в ней основной упор сделан на анализе губернаторского корпуса черноземного центра, однако часто, как примеры используются и другие регионы, в том числе и Сахалин⁴⁵.

Помимо уже указанной проблематики, тема Сахалина встречается и в более специфических сюжетах. Так можно вспомнить книгу Игоря Подшивалова «Анархия в Сибири»,⁴⁶ в которой автор изучает анархические движения на Востоке нашей страны, пользуясь, в том числе, и примерами, относящимися к истории Сахалина. Однако, несмотря на весь интерес подобного авторского подхода, он нам мало дает новых сведений для понимания процессов, протекавших на острове.

Внутри общей проблематики мы отдельно выделим работы, затрагивающие историю и быт коренных народов острова (айнов, ороков и гиляков). Данные сведения нам необходимы для того, чтобы понять то влияние, которое они оказали на формирование образа штрафной колонии. Не претендуя на охват всей историографии по данному вопросу, возьмем основные статьи и монографии, вышедшие за последнее время, посвященные

---

⁴³ Центр и регионы, экономическая политика правительства на окраинах Российской Империи 1894–1917 / Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков (отв. ред.), А.А. Иванов, А.Э. Котов, В.Л. Степанов, А.В. Мамаев, Э.О. Сагинадзе, Е.О. Старовойтова, Б.А. Алимуджанов, Г.М. Слободзян. 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2021. 660 с.

⁴⁴ Минаков А.С. Губернский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел: Издательский дом «Орлик», Издатель Александр Воробьев, 2011. 488с.

⁴⁵ Там же. С. 249, 291.

⁴⁶ Подшивалов И. Анархия в Сибири. Ангарск, 2015. 299 с.

прошлому и культуре айнов⁴⁷, ороков⁴⁸ и гиляков⁴⁹. Единственное, что надо отметить по этому поводу, что большая часть этих работ носит чисто этнографический характер и тема каторги там часто либо не фигурирует вовсе, либо отодвинута на второй план. Так что в контексте нашей проблематики данные исследования будут скорее нам служить для понимания специфики жизни каждого из народов и того, почему те или иные «инородцы» восприняли или не восприняли русское влияние.

Отдельной строчкой хочется еще обозначить работы, посвященные проблеме колонизации Российской Империи, так как они затрагивают, в том числе и вопросы освоения Дальнего Востока. Вообще по этой проблематике написано огромное количество литературы, но по той причине, что эта тема затрагивает лишь косвенно, наше исследование назовем лишь несколько авторов, на которых мы будем опираться в данном вопросе, это Эткинд А.М.⁵⁰ и Миронов Б.Н.⁵¹ Главная идея, которую мы можем вынести из их сочинений состоит в том, что колонизация России носила свои специфические черты, отличные от Запада. Это частично видно и в планах освоения Сахалина и в тех отношениях, которые пыталась выстроить администрация с коренными народами.

---

⁴⁷ Заяц М. О документах по истории Курильских айнов, хранящихся в Сахалинском областном краеведческом музее // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2003. №10 119–137 с.; Осипова М.В. Айны о. Сахалин на страницах книг зарубежных путешественников и исследователей XVI–XIX вв. // Культура: традиции и современность. Сб. научн. статей. Под ред. В.В. Романовой. Хабаровск, 2006. С.136–144.; Осипова М.В. Айны острова Сахалин: традиции и повседневность очерки обрядовой культуры. Хабаровск, 2008. 183 с.; Гонтмахер П.Я., Осипова М.В. Айны историко-этнографические очерки (XIX–XX вв.). Хабаровск., 2009. 128 с.; Щепкин В. Айны глазами японцев. Неизвестная коллекция А.В. Григорьева. СПб.: Арка, 2022. 302 с.

⁴⁸ Старцев А.Ф. Ороки – орочены, а не ульта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток, 2015. 161 с.

⁴⁹ Тэмина М.Г. Изучение нивхов в дореволюционный период // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: российской и монгольской СПб., 2011. С. 256–262.

⁵⁰ Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 441 с.

⁵¹ Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2018. 638 с.

Теперь же перейдем к монографиям, посвященным тем или иным лицам, связанным с историей Сахалина. И тут мы снова вспоминаем фигуру М.В. Латышева, который, занимаясь изданием источников, написал не одну вводную статью⁵², которая знакомит нас с автором, вводимой в научный оборот книги или документа. Причем все эти работы выполнены в подчеркнуто нейтральном тоне, давая возможность читателю самому делать вывод о полученной информации. В похожем формате работала и постоянный соавтор Михаила Васильевича И.Г. Дударец, когда самостоятельно бралась за издание источников⁵³.

Однако этими авторами не ограничивается круг лиц, которые занимаются данным вопросом на Сахалине. Отдельно хочется выделить М.В. Высокова, который написал подробнейший комментарий к «Острову Сахалин» А.П. Чехова⁵⁴, и Е. Драгунову, написавшую монографию о судьбе работника тюремного управления Федора Ливина⁵⁵. И в первом, и во втором случае была проведена обширнейшая работа с источниками и научной литературой, что делает эти монографии обязательными для прочтения при изучении деятельности указанных персоналий на острове.

В заключении стоит отметить, что не только на Сахалине занимаются изучением биографий известных личностей, побывавших на острове. Недавно в Москве был выпущен десятитомный сборник дневников и писем

---

⁵² *Латышева В.М., Дударец Г.И.* Комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова в Амурском крае и на Сахалине (1869–1870 гг.) // Из предыстории сахалинской каторги. Приамурская комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова (1869–1870 гг.). Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2015. С.7–34.; *Латышев В.М.* Сахалинское путешествие Чарльза Хоуза // На восточной окраине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2003. С.5–12.; *Латышев В.М., Дударец Г.И.* Государственный канцлер А.М. Горчаков и решение Сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск: Государственное учреждение культуры «Сахалинский областной краеведческий музей», 2015. 313 с.

⁵³ *Дударец Г.И.* Предисловие // Бронислав Пилсудский дневник 1882–1885. Белгород: Константа, 2019. С.3–19.

⁵⁴ *Высоков М.С.* Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток-Южно-Сахалинск, 2015. 847 с.

⁵⁵ *Драгунова Е.* Федор Ливин: загадка жизни и судьбы. Южно-Сахалинск: КорКи'С, 2019. 139 с.

И.П. Ювачева, снабженный вступительной статьей Н.М. Кавина⁵⁶, которая содержит подробнейшие сведения о жизни и творческом пути Ивана Павловича.

Отдельно надо сказать о зарубежных работах по истории Сахалина, которых за последнее время вышло немало. Первый труд по этой тематике за границей появился в 1971 году из-под пера исследователя Дж. Стефана⁵⁷. Что интересно, так это то, что по своим трактовкам штрафной колонии он очень близок к авторам советских работ тех лет. И в этом нет ничего удивительного, так как источниковая база этих трудов почти идентична, что и предопределило схожесть высказываемых концепций.

После выхода работы Стефана в европейской историографии произошел достаточно серьезный перерыв, и новые труды начали появляться только в начале двадцать первого века. Один из первых современных исследователей этой проблематики был Эндрю Гентс, который в своих статьях⁵⁸ во многом придерживается уже устоявшихся концепций на историю острова. С ним солидарен и сотрудник университета Роял Холлоуэй Дэниэль Биру, который в своей монографии «Дом Смерти»⁵⁹ транслирует идущую еще с Кенанна концепцию об ужасе и полной непригодности имперских пенитенциарных учреждений.

Однако, на наш взгляд, гораздо интереснее и информативнее работы Маркуса Аверта из института Восточной Европы⁶⁰ и американской исследовательницы Шерил Коррадо из Университета Иллинойса⁶¹. В своих трудах они серьезно расширили источниковую базу и рассматривают

---

⁵⁶ *Кавин Н.М.* Летописей эпохи (вступительная статья) // Собрание дневников в десяти книгах. М.: Галеев-Галерея С. 7–93.

⁵⁷ *Stephan J.* Sakhalin. A history. Oxford: Clarendon Press. 1971. 235 p.

⁵⁸ *Gents A.A.* The institution of Russia's Sakhalin policy, from 1868 to 1875 // *Journal of Asian History* 2002. 1–36 p.

Gents A.A. Sakhalin as cause celebre: re-signification of tsarist Russia's penal colony. *Acta Slavica Iaponika*, Vol. 32, 2012. 32–72 p.

⁵⁹ *Beer D.* The house of the dead: Siberian exile under the tsar. London: Penguin Books, 2017 487 p.

⁶⁰ *Ackeret M.* Ibid.

⁶¹ *Corrado Sh.M.* Ibid.

архивные материалы, делопроизводственные документы, которые дают альтернативные точки зрения на некоторые дискуссионные вопросы по истории штрафной колонии.

Стоит сказать еще несколько слов о японской историографии. В ней прослеживается два основных течения. Первое, более критическое, можно проиллюстрировать статьей профессора университета Хоккайдо Цунэко Мотидзуки⁶². В ней политика освоения острова Россией признается совершенно неудачной и даже провокационной по отношению к Японии, что стало одной из причин противостояния в этом регионе в будущем.

Второе направление, представленное историком Т. Акидзуки⁶³ более нейтральное. Придерживающиеся его авторы не пытаются обвинять Россию в развязывании войны, а пытаются взглянуть на вещи более комплексно. В их интерпретации Сахалин – это лишь точка борьбы между странами на Дальнем Востоке, в которой в равной мере повинны оба участника конфликта.

В завершении обзора зарубежных работ осталось сказать о монографиях, которые не занимаются изучением истории Сахалина напрямую, а вписывают его в более обширные рамки своей проблематики. Первая из них является работа Д. Рейфилда «Жизнь Антона Чехова»⁶⁴. Его поездке на остров уделено не так много внимания и сам текст во многом повторяет советский взгляд на штрафную колонию. Однако, так как книга затрагивает всю жизнь Антона Павловича, в ней есть сведения о том, что подтолкнуло писателя на подобную авантюру и как проходила его подготовка к ней, что крайне важно для источниковедческой критики «Острова Сахалина».

---

⁶² Цунэко М. Исторический контекст путешествия Чехова // *Seberia and the Russian Far East in the 21st century*. Хоккайдо: IEDA Osamu, 2005. 13–33 с.

⁶³ Акидзуки Т. Японо-российские отношения и остров Сахалин // *Проблемы Сахалина, Курил и сопредельных территорий Южно-Сахалинск*, 2002. С. 41–129.

⁶⁴ Рейфилд Д. *Жизнь Антона Чехова*. М., 2019. 892 с.

Вторая работа – это «Сибирская эпопея» за авторством Э. Хексли⁶⁵. Хотя в названии и обозначена только Сибирь, речь в книге идет и про Дальний Восток, в том числе, и про Сахалин. Для нас очень важно, что автор показывает, что цель освоения острова крылась не столько в желании отправить куда подальше каторжан и ссыльнопоселенцев, а в объективных военных, экономических и политических причинах, что позволяет понять многие действия правительства во время реализации ими «Сахалинского проекта».

Как мы можем видеть из нашего историографического обзора, в последние тридцать лет работы по истории Сахалина середины XIX – начала XX в. отличаются сильным разнообразием проблематики, а также подходами и оценками сахалинской штрафной колонии. Однако среди них почти не встречается трудов, которые работают в контексте такой достаточно молодой области методологии и историографии, какой является область исследований исторической памяти. Мы же в своей работе попробуем закрыть эту брешь, но для этого нам будет необходимо ознакомиться с теоретическими трудами по данному направлению современных исторических исследований. Так как полный разбор историографии по этой проблематике мог бы стать темой отдельной кандидатской диссертации, мы возьмем только несколько современных работ, посвященных исторической памяти, которые помогут нам ответить на наиболее интересующие нас вопросы. Для удобства мы разбили их на две категории. Во-первых, это теоретические работы, которые проясняют для нас – что такое историческая память⁶⁶, какое место она

---

⁶⁵ Хексли Э. Сибирская эпопея. Москва: Паулсен, 2021. – 800 с.

⁶⁶ Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2014. №2. С. 106–126.; Линченко А.А. Историческая наука как фактор демифологизации исторической культуры: философско-методологический аспект // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2017. С.21–40.; Шнирельман В.А. Социальная память вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–35.

занимает в российской и зарубежной историографии и какой основной диапазон ее применения. Во-вторых, это более практически ориентированные труды⁶⁷, которые акцентируют внимание на работе с теми или иными видами источников или методологическими подходами. На основе знакомства с исследованиями, посвященными проблемам изучения памяти, мы можем еще раз убедиться в возможностях применения данного подхода к выбранной теме, то есть к реконструкции образа Сахалина на основе восприятия этого региона Российской империи современниками, их памяти, их наблюдений, оценок, впечатлений от событий, участниками или свидетелями которых они были и которые они зафиксировали в текстах, изображениях, то есть в различных исторических источниках изучения памяти. Помимо этого, данный подход отличным образом сочетается с выбранными нами историко-сравнительным и историко-хронологическим методом и позволяет с их помощью добиться наибольшего раскрытия потенциала, используемых нами источников.

Говоря о последних, надо еще упомянуть о том, что существует богатая традиция изучения разных типов и видов источников с описанием того, как стоит подходить к тому или иному источнику информации для извлечения из них максимального количества сведений. Не имея возможности обзреть все имеющиеся работы по данной проблематике, отметим несколько трудов по теме, которые содержат в себе последние научные изыскания в этой области.

Основную информацию для нашего исследования мы будем черпать из письменных источников, которые условно можно поделить на периодику, делопроизводственную документацию и источники личного происхождения. Причем, так как основной интерес для нас представляет именно образ

---

⁶⁷ Воробьева О.В. Профессиональная историография и историческая память: аспекты взаимодействия // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2017. С. 9–21.; Святославский А.В. Между вымыслом и реальностью: художественная литература и публицистика, как исторический источник // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2017. С. 49–73.

Сахалина, то именно на источники личного происхождения мы обратим свое особое внимание. Историография по проблеме анализа последних огромна, и историки разных поколений высказывали свои идеи по работе с данным видом источников⁶⁸. Причем дискуссии по этому поводу далеко не закончены. В данный момент все больше историков предпочитает термину источники личного происхождения понятие эго-источники⁶⁹, которое употребляется в мировой историографии.

Помимо источников личного происхождения объемный пласт информации будет взят нами из периодической печати. Причем в ней нас будут интересовать, как единичные статьи, так и повторяющиеся из номера в номер статистические сведения. Для анализа подобного комплексного источников, на наш взгляд, наилучшим образом подходит теория о полифоничности и многослойности периодической печати, которая уже более чем полвека активно разрабатывается в историографии⁷⁰. Она заключается в том, что помимо явной, в источнике содержится еще и скрытая информация, которая может прояснить нам те моменты, описывать которые совсем не входило в намерение автора. Данная методика будет нам очень полезна при работе с источниками реконструкции образа Сахалин.

---

⁶⁸ *Чечулин Н.Д.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб.: Редакция журнала «Библиограф» (Н. М. Лисовского). 1891. 16 с.; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования Москва: Наука, 1987. 753 с.; *Кабанов В.В.* Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века. Москва.; Институт Российской Истории, 2004. 281 с.

⁶⁹ *Биографический метод и эго-источники в исследованиях российской истории XVIII-начала XX в.* / отв. ред. А.Г. Голиков. – СПб. Алтейя, 2021. 210 с.; *Баринова Е.П.* Женщина-дворянка начала XX в. в эго-источниках эпохи // *Клио*. СПб. 2012. N. 4 (64). 122–125 с.; *Петрова О.С.* Гражданская война в России через призму эго-источников (на примере воспоминаний П.С. Уваровой «Былое. Давно прошедшие счастливые дни») // *Гражданская война в России (1918–1922 гг.): [сборник]*. СПб. Алтейя, 2020. 50–63 с.

⁷⁰ *Пушкарёв Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. Москва, 1975. С. 226–227.; *Ковальченко И.Д.* Указ. соч.; *Дергачева Л.Д.* Источниковедческое исследование периодики и теория управления // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. М., 1996. №4 С. 79–89.; *Голиков А.Г.* Комплексное источниковедение с позиций учения об информации (по материалам периодической печати) // *Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко*. М., 2006. С. 217–228.

Пристальное внимание будет уделено делопроизводственной документации. Принципы ее изучения достаточно неплохо разработаны, что отразилось в источниковедческой учебной литературе⁷¹. Однако помимо подобных базовых работ нас интересуют и конкретные примеры применения делопроизводственных документов в историческом исследовании. Как мы можем увидеть, их применение не ограничивается анализом функционирования того или иного учреждения⁷², но также они используются для реконструкции ментальности и взглядов разнообразных групп населения⁷³. Подобный подход будет для нас очень полезен, так как поможет извлечь информацию об «исторической памяти» из такого, казалось бы, форматизированного источника, как делопроизводственные документы.

Помимо письменных источников мы будем привлекать в нашу работу и визуальные источники. И тут сразу хочется сказать пару слов о терминологии. В историографии сейчас используется два основных определения источники изобразительные и источники визуальные. Первое определение является более классическим и присутствует, допустим в учебнике И.Д. Ковальченко⁷⁴. Визуальные же источники являются чуть более широким определением и больше связаны с зарубежной историографией, в том числе с визуальным поворотом. В российской историографии одним из самых известных авторов по данной теме является В.М. Магидов⁷⁵. В рамках

---

⁷¹ Ковальченко И.Д. Указ. соч. 753 с.; Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "История" и направлению подготовки "История". М.: Академия, 2012. 460 с.

⁷² Назаренко К.Б. Делопроизводственная документация как источник по истории Морского министерства России в 1905-1914 гг. // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб.: «КРИСМАС +», 2002. С.109–129.

⁷³ Гагиева А.К. Делопроизводственные документы волостной администрации второй половины XVIII в. как источник по истории правосознания крестьян Европейского Севера России // Информационно-документальные процессы и технологии: история и современность. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. – Вып. 3. – С.5–18.

⁷⁴ Ковальченко И.Д. Указ. соч.

⁷⁵ Магидов В.М. Визуальная антропология и задачи кино-, фото-, фонодокументального источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко, 30 нояб. – 1 дек. 1998 г Москва.; РОСПЭН. 2000. С.336–349.

нашей работы нами будет использована литература, как по изобразительным, так и по визуальным источникам, так как грань между этими понятиями очень тонка и основные приемы работы с ними совпадают. Для удобства же мы будем, в основном, пользоваться термином визуальные источники, если это не имеет принципиального значения, например, в том случае, где автор исследует именно изобразительные источники.

Вообще стоит отметить, что интерес к этой теме растет год от года свидетельством чего может стать совсем недавно вышедший сборник «Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки» под редакцией А.Г. Голикова⁷⁶. В нем поднимаются разнообразные вопросы от определения места изобразительных источников в системе исторического знания⁷⁷, до непосредственных способов анализа тех или иных визуальных материалов⁷⁸. Из более ранних работ мы, конечно же, не можем обойти вниманием деятельность Владимира Марковича Магидова⁷⁹, который во многом создал российскую школу изучения фотографии. Его исследования

---

⁷⁶ Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. – Москва, 2019. 1030 с.

⁷⁷ Алтатов В.М. О звуковых, письменных и визуальных способах передачи и хранения информации // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. – Москва, 2019. С.23–29.; Серов Н.В. Онтология между источниками визуальной и вербальной информации // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. – Москва, 2019. С.29–51.; Мазур Л.П. Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. – Москва, 2019. С.52–62.

⁷⁸ Петрова О.С., Шимбирева О.А. Комплексный подход к изучению визуальной и нарративной информации по истории современного женского движения (по материалам периодической печати) // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. – Москва, 2019. С.812–820.; Рубинзина З.М. Проблемы исследования фотографии, как изобразительного источника // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. – Москва, 2019. С.758–774.

⁷⁹ Магидов В.М. Визуальная антропология и задачи кино-, фото-, фонодокументального источниковедения Указ. соч.; Магидов В.М. Истоки источниковедческого изучения фото- и кинодокументов в России // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на третьей Всерос. конф., 25 – 26 февр. 1999 г. Москва.; Научная книга. 1999. 63–68 с.

затрагивают не только фотографию, как таковую, но и использование ее в этнографических исследованиях. Данные методики окажутся очень полезны для нас при анализе тех изобразительных материалов, что оставили ученые при изучении коренных народов Сахалина.

Подводя определенные итоги развития историографии по нашей проблематике, стоит отметить несколько интересных деталей ее эволюции. Во-первых, долгое время историки были сосредоточены на фигурах А.П. Чехова и В.М. Дорошевича, что мы можем увидеть даже по названию работ, вышедших на первом этапе формирования историографии по данному вопросу. И если даже статья или монография не была напрямую посвящена этим литераторам, то ее основная источниковая база все равно состояла из «Острова Сахалина» Антона Павловича и «Сахалина Каторги» Власа Михайловича. Это все вело к тому, что в литературе сложился достаточно негативный образ острова, что к тому же совпадало с общим направлением советской историографии того времени, подходящей критически к институтам Российской Империи. По нашему мнению, начало перелома в этой ситуации связано с именем В.М. Латышева. Хотя его нельзя назвать противником негативного взгляда на сахалинскую штрафную колонию, однако с 90-х годов он ввел в научный оборот огромное количество ранее практически не используемых источников. Причем многие из них содержали в себе сведения, которые позволяют, с другой стороны, взглянуть на историю острова. Это дало толчок к появлению новых оценок уже устоявшихся положений, что заметно, как в российской, так и в зарубежной историографии. Хотя при этом в литературе преобладает негативный образ сахалинской штрафной колонии, однако он претерпел сильные коррективы и, на наш взгляд, стал гораздо точнее и объективнее по сравнению с работами тридцатилетней давности.

Источниковая база. Как мы уже отмечали выше, информация по нашей проблематике содержится в большом количестве источников, отличающихся между собой по видовой и типовой принадлежности.

1. Начать обзор источников, используемых в диссертации, надо с архивной документации, хранящейся в местных и центральных архивах. Весьма значительный комплекс дел находится в Российском Государственном Историческом Архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) и содержит сведения об Александровской (ф. 1160, 13 д., 1880-1917 г.), Дербинской (ф. 1170, 2д., 1885-1905 гг.), Дуйской (ф. 1151, 47 д., 1873-1904 гг.), Корсаковской (ф. 1138, 22 д., 1880-1892 гг.), Рыковской (ф. 1171, 2д., 1888-1889 гг.), Тымовской (ф. 1186, 4д., 1881-1893 гг.) тюрьмах и Сахалинской области⁸⁰ в общей сложности насчитывающей 30 фондов. То же можно сказать и об архиве Иркутской области, куда в силу административного подчинения был отправлен значительный комплекс материалов по начальному этапу создания штрафной колонии⁸¹.

Нельзя обойти вниманием и Российский Государственный Исторический архив (РГИА), где отложилось достаточное существенное количество материалов и делопроизводственных документов по истории сахалинской каторги⁸². Однако, стоит отметить, что наиболее значимые документы из этого архива были уже опубликованы исследователями штрафной колонии, о чем мы скажем ниже.

Что примечательно, так это то, что в самом архиве Сахалинской области документов по истории каторги почти не осталось, так как большая их часть была уничтожена во время русско-японской и гражданской войн. Однако ряд документов сохранился в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), причем многие из них так и не были опубликованы.

---

⁸⁰ Костанов А. Сахалинские архивы // Сахалинская каторга: (вторая половина XIX – начало XX в.): документы и материалы. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. С. 29.

⁸¹ Там же. С. 26.

⁸² РГИА. Ф. 398. Оп. 33. Д. 12143.; РГИА. Научно-справочная библиотека. Коллекция печатных записок НСБ. №2800/1.; РГИА. Ф. 398. Оп. 35. Д. 12505.

Так, стоит выделить доклад начальника тюремного управления А.П. Саломона⁸³. Важность его заключается в том, что он направлен на развенчание того позитивного образа острова, который создал за время своей работы предшественник Александра Петровича М.Н. Галкин-Враской. После его публикации многие чиновники будут относиться гораздо более скептически к будущему сахалинского проекта. Большой значимостью обладает гораздо менее известный документ «Доклад А.А. Панова правлению общества попечения о семьях ссыльно-каторжан, о необходимости заведения казенных продаж питей на о Сахалин»⁸⁴. Несмотря на свое название, он содержит информацию не только о вино-водочной продукции на острове, но и о некоторых аспектах колонизации Сахалина. Причем автор отстаивает в ней не популярную для рубежа веков идею о необходимости освоения острова, так как, по его мнению, скромные успехи колонизации продиктованы, скорее некомпетентностью некоторых чиновников, чем проблемами самого Сахалина.

В ГА РФ можно обнаружить эго-документы, в которых отражена история Сахалина. Большая их часть принадлежит И.П. Ювачеву. Сохранилось его письмо Б.О. Пилсудскому⁸⁵, а также письмо, в котором он описывает свое присутствие на похоронах сахалинского заключенного А.Л. Карпенко⁸⁶. Помимо этого, удалось обнаружить несколько фото самого И.П. Ювачева, в том числе времен его пребывания на каторге⁸⁷.

Касательно публикации архивных материалов, надо отметить, что в связи с усиливающимся интересом к истории региона сахалинские ученые

---

⁸³ ГАРФ Ф. 1099. Филиппов Третий Иванович, государственный контролер, общественный и литературный деятель. Оп. 1. Опись дел фонда Т.И. Филиппова. 1779–1913 гг. Д. 628. Доклад начальника Главного тюремного управления А. Саломона министру юстиции об условиях отбывания ссылки и каторги в Сибири и на острове Сахалине. Копия. Печатный экземпляр.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2097. Доклад А.А. Панова правлению общества попечения о семьях ссыльно-каторжан, о необходимости заведения казенных продаж питей на о Сахалин.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 1463 Оп.3. Д. 461.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 533 Оп.5. Д. 174. Л. 237.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 533 Оп.6. Д. 4877.

издали значительное количество документов разной видовой принадлежности. Так, был выпущен большой сборник документов из РГИА ДВ и Иркутского архива о штрафной колонии⁸⁸. Помимо этого, существует целая серия «Из предыстории Сахалинской каторги», которая содержит новые источники, в том числе, и из архивов⁸⁹. В частности, материалами для издания документов, касающихся одной из первых комиссий, работавших на острове под предводительством И.Г. Сколкова, были взяты из Российского Государственного Архива Военно-морского Флота (РГА ВМФ⁹⁰) и РГИА⁹¹. Из Российского Государственного Исторического Архива были взяты доклады биографии В.И. Власова⁹² и М.С. Мицуля⁹³. Сами же эти доклады представляют большой интерес, так как это первые комиссии, ставившие своей целью исследования Сахалина, вследствие чего результаты ими полученные лягут в основу представлений о острове на следующие два десятилетия.

Из опубликованных же материалов можно отметить доклад И.И. Мейснера, который он читал за границей во время своей эмиграции⁹⁴. Он был напечатан в 2013 году в журнале «Наследие Бронислава Осиповича Пилсудского» с богатыми комментариями⁹⁵. Опубликованный текст почти

---

⁸⁸ Сахалинская каторга: (вторая половина XIX - начало XX в.): документы и материалы. Южно-Сахалинск; Сахалинская областная типография. 2015. 433 с.

⁸⁹ *Мицунь М.С.* Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. // В.И. Власов, М.С. Мицунь, А.П. Кеппен Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск, 2013. С. 126–257; *Власов В.И.* Отчет по исследованию острова Сахалин и предположения об устройстве на нем пенитенциарных колоний // В.И. Власов, М.С.Мицунь, А.П. Кеппен Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск, 2013. С.58–124; *Сколков И.Г.* Рапорт генерал-адъютанта И.Г. Сколкова императору Александру II // Из предыстории сахалинской каторги. Приамурская комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова (1869–1870). Южно-Сахалинск; Южно-Сахалинск 2015. С. 55–58.

⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4178.

⁹¹ РГИА. Ф. 398. Оп. 33. Д. 12143.

⁹² РГИА. Научно-справочная библиотека. Коллекция печатных записок НСБ. №2800/1.

⁹³ РГИА. Ф. 398. Оп. 35. Д. 12505.

⁹⁴ Остров Сахалин. /Воспоминания политического ссыльного/. Доклад. Машинописный экземпляр Ф. Р 6398. Оп. 1. Д. 7.

⁹⁵ *Мейснер И.И.* Остров Сахалин. Воспоминания политического ссыльного // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск. 2013. С. 143-165.

полностью совпадает с оригиналом, кроме совсем незначительных вещей, так в оригинале написано «Таска бревен и кокор» в печатной же версии «Таска бревен. Кокор». Кроме того, в ссылках неправильно указано название фонда⁹⁶ вместо Р 6398, указано 6398, но в остальном публикация выполнена на хорошем уровне, в своей работе будем пользоваться печатным, а не архивным текстом.

Следующей категорией источников, использовавшихся в диссертации, являются источники личного происхождения, которые представлены письмами, дневниками и воспоминаниями, ярким примером последней из названных разновидностей источников личного происхождения в нашей работе являются воспоминания убийцы Федора Широколобова⁹⁷ и рассказы о поездке по России английского писателя Гарри де Виндта⁹⁸. Приведенные примеры демонстрируют широту диапазона различий, существовавший у авторов мемуаров, а также тот факт, насколько, в целом, разные люди посетили Сахалин в период середины XIX- начала XX в. и написали о своих впечатлениях. Так, Федор Широколов являлся отъявленным преступником, который успел за свою жизнь весьма близко познакомиться с пенитенциарной системой Российской Империи, так что мог со знанием дела говорить о специфических особенностях штрафной колонии, как человек максимально погруженный в эту область изнутри. Гарри де Винд же, напротив, как иностранец был максимально далек от понимания реалией нашей страны, что и отразилось в его книге, показывая, как может различаться взгляд на одно и то же пространство у двух разных людей.

Важное место в нашем исследовании занимает переписка. Особенное значения она приобретает, когда мы пытаемся воссоздать образ штрафной колонии в восприятии российских этнологов Б.О. Пилсудского и Л.Я. Штернберга. Дело в том, что они оба являлись каторжанами и были

---

⁹⁶ Там же. С. 165.

⁹⁷ *Новомбергский Н.* Остров Сахалин с приложением автобиографии и портрета убийцы Федора Широколобова. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1903. С 177–251.

⁹⁸ *Гарри В.* Указ. соч.

ограничены в правах, что вело к тому, что многие темы обходились стороной в их произведениях. Тем более, сама цель значительной части их трудов по изучению коренного населения Сахалина предполагала исследования прошлого этих народов, а не их настоящего, что опять же сказывалось на характере и содержании опубликованной в их трудах информации. Однако, совсем иначе обстояло дело с их перепиской⁹⁹. Даже несмотря на то, что она предварительно прочитывалась, как в общем -то вся переписка каторжан, в ней есть огромное количество информации, которое мы не можем найти в произведениях, предназначенных для печати, начиная от бытовых вопросов, заканчивая конфликтами в администрации на острове.

Оценивая такой комплекс опубликованных источников личного происхождения как переписка с точки зрения информативной ценности для темы диссертации, можно остановиться на примере переписки И.П. Ювачева со своими друзьями и родными «1887-1893»¹⁰⁰, анализ которой убеждает в том, что информация в ней во многом дублирует те идеи, которые мы можем видеть в его книге «Восемь лет на Сахалине». Исключением, наверное, являются только его письма, отправленные с тюремного корабля, так как об этом плавании он практически не упоминает в своей работе.

Гораздо интереснее в этом плане еще одна разновидность источников личного происхождения, а именно, дневники. Особенно это относится, кстати сказать, к дневникам И.П. Ювачева (1890-1896)¹⁰¹. Поскольку они не предполагались к печати, то в них он гораздо более откровенен, чем в своих воспоминаниях. Там он дает немного другие оценки некоторых событий и явлений, связанных с пребыванием на острове, что позволяет по-другому взглянуть не только на штрафную колонию, но и на самого Ивана Павловича.

---

⁹⁹ Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы (конец XIX – начало XX века) Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография. 2011. С. 149.

¹⁰⁰ Ювачев И.П. Собрание дневников в десяти книгах. Книга первая. Письма (1887–1891). Дневники (1890–1892). М.: Галеев-Галерея, 2016. 636 с.

¹⁰¹ Там же.

Меньше расхождений текстов дневников с другими источниками мы видим у Л.Я. Штернберга (1889-1893)¹⁰². Дело, возможно, тут заключается в том, что он использовал свои записи для позднейшего написания научных трудов. Однако все равно в них содержится весьма значительное количество информации, которой мы не можем найти в других текстах.

Теперь перейдем к рассмотрению делопроизводственных документов, которые в нашем исследовании представлены докладами госслужащих, работающих на Сахалине. Большая их часть относится к архивным материалам, однако есть несколько документов, которые издавались для массового читателя. Так, например, доклад врача Л.В. Поддубского «Сахалинские дети»¹⁰³, прочитанного им для привлечения финансирования образовательных учреждений на острове, представляет особый интерес для реконструкции образа семейной жизни в штрафной колонии, а также содержит информацию персонального характера, отлично дополняющую, в частности, образ Б.О. Пилсудского, которого беспокоили и недостаток финансирования школ со стороны государства, и необходимость привлекать частные инвестиции для покрытия бытовых нужд. Тексты отчетов самого Б.О. Пилсудского занимают особое место в источниковой базе исследования темы диссертации, так как содержат информацию, предназначенную для правительства о результатах исследования положения «инородцев»¹⁰⁴. Хотя в обычных условиях Бронислав Осипович не ставил своей целью изучить влияние штрафной колонии на коренное население, в данной ситуации это

---

¹⁰² Штернберг Л.Я. Дневник путешествия к восточным гиялкам и орокам // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского № 5. Южно-Сахалинск, 2001. С. 216–283.

¹⁰³ Поддубский Л.В. Сахалинские дети // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея №11 Южно-Сахалинск, 2004. С. 159–170.

¹⁰⁴ Пилсудский Б.О. Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалин. Б.О. Пилсудского // Записки состоящего под Августейшим Покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича. Общества Изучения Амурского Края. (Владивостокского отделения приамурского отдела Императорского русского географического общества). Т.Х. Владивосток., 1907; Пилсудский Б.О. Предварительный отчет о поездке к айнам о. Сахалина в 1902–1903 гг. Б. Пилсудского // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея №3 Южно-Сахалинск: Изд-во Южно-Сахалинск, 1996. С.398–406.

было прямое поручение от государства, что давало ему возможность открыто высказаться на некоторые темы. Несмотря на официальный характер данных документов, Б.О. Пилсудский в них весьма красочно обозначает целый ряд важных проблем, которые не дают нормально существовать «инородцам» и колонистам, содержание которых дополняет образ коренных народов, которые создают в своих работах русские ученые.

Нельзя обойти вниманием и публицистические произведения, рисующие образ острова Сахалин. Из них стоит выделить, в первую очередь, «Сахалин, Каторгу»¹⁰⁵ В.М. Дорошевича и связанный с ней очерк «Как я попал на Сахалин»¹⁰⁶. В этих работах Влас Михайлович решил «исправить» слишком научное изложение А.П. Чехова и постарался создать наиболее контрастную картину острова, используя для этого рассказ о судьбах местных жителей.

К этому же жанру можно отнести и заметки Л.В. Поддубского о Сахалинской каторге и ссылке¹⁰⁷. Хотя они написаны более сухим языком, чем книга В.М. Дорошевича, однако все-таки мы причислим их к публицистике, так как в них нет достаточного объема статистических сведений и их цель – это скорее донести образ «проклятого острова», а не проводить какую-то научную работу.

К жанру романа надо отнести произведения писателя и бывшего каторжанина Б.И. Еллинского «Под звон цепей»¹⁰⁸. Несмотря на достаточно вольное обращение с фактами, данный источник представляет нам достаточно неплохую демонстрацию образа Сахалина в советской печати того времени.

---

¹⁰⁵ *Дорошевич В.М.* Сахалин. Каторга. Южно-Сахалинск: Изд-во Южно-Сахалинск, 2012. 382 с.

¹⁰⁶ *Дорошевич В.М.* Как я попал на Сахалин. М. 1905. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Как_я_попал_на_Сахалин_\(Дорошевич\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Как_я_попал_на_Сахалин_(Дорошевич)) (дата обращения 29.09.22)

¹⁰⁷ *Поддубский Л.В.* Заметки о Сахалинской каторге и ссылке// Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея №11 Южно-Сахалинск, 2004. С. 149–159.

¹⁰⁸ *Еллинский Б.* Под звон цепей: роман из жизни сахалинских политических ссыльных / Б. Еллинский. - Л.; [М.]: Тип. Коминтерн, 1927. С. 151–192.

Еще одним видом источников по нашей теме являются научные статьи и монографии. Так как научный стиль накладывает определенные ограничения на характер изложения и круг поднимаемых тем, образ острова, во многих из этих работ затушевывается, что требует дополнительных усилий по его определению. Особенно это касается этнографической работы Л.Я. Штернберга¹⁰⁹, в которой он практически полностью сосредоточился на традиционной культуре айнов, орочей, гиляков, негидальцев и гольдов, не уделяя какого-то внимания их взаимодействию с русским населением. В работах, которые специально посвящены сахалинской каторге, это чувствуется в меньшей степени¹¹⁰, однако и тут сказывается некоторая сухость изложения, что затрудняет реконструкцию личного восприятия автором той или иной проблемы.

Теперь, когда мы рассмотрели все вышеуказанные виды источников, надо отметить, что существует целый ряд работ, которые невозможно отнести точно к какой-то одной категории. Это так называемые источники, которые могут в себе сочетать черты разных видов письменных текстовых источников, например, свидетельств очевидцев, воспоминаний и академических текстов аналитического характера. Самым ярким примером подобного рода источников, могут послужить многочисленные книги иностранцев по Сахалину. Это произведения Поля Лаббэ¹¹¹, Бенджамина Ховарда¹¹², Генри Хоуза¹¹³, Генри Лансдэлла¹¹⁴ и Вашингтона Вандерлипа¹¹⁵. Они совмещают в

---

¹⁰⁹ Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. 740 с.

¹¹⁰ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин. (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии) со многими рисунками. Павлоград, 1903. 160 с.; Дриль Д.А. Ссылка во Францию и России. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1899. 175 с.; Панов А.А. Сахалин как каторга. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905.; 234 с.; Кеннен А.П. Указ. соч.

¹¹¹ Labbé P. Ibid. 276 p.

¹¹² Ховард Б. Узники России. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2007. 503 с.

¹¹³ Хоуз. Ч.Г. На восточной окраине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2003. 355 с.

¹¹⁴ Henry L. Through Siberia URL:

<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=njp.32101073007385&view=2up&format=plaintext&seq=718> (дата обращения 19.03.2023)

¹¹⁵ Vanderlip W.B. In search of a Siberian Klondike. New York: The Century Co, 1903 https://www.gutenberg.org/files/41237/41237-h/41237-h.htm#Page_25 30.08.2021

себе черты травелога и академического текста. Так, этнолог Генри Хоуз может на соседних страницах писать, как проводил время со своими друзьями, пересказывая разные смешные и курьезные случаи, а дальше по всем правилам академического текста описывать медвежьей праздник у гиляков. Причем все это еще сопровождается богатым иллюстративным материалом. Для нашего исследования подобные источники на вес золота, так как, с одной стороны, они помогают понять многие бытовые аспекты в жизни штрафной колонии, когда повествования ведется в формате травелога, с другой - увидеть специальный научный взгляд автора, когда текст по содержанию больше приближается к монографии. Это позволяет дополнить образ острова, делая его объемнее и многограннее.

Данное утверждение касается и большого количества работ русских авторов, таких как А.П. Чехов¹¹⁶, И.П. Ювачев¹¹⁷, Ф.Н. Ливин¹¹⁸ и Н.А. Преображенский¹¹⁹. Тут в большей или меньшей степени идет смешение воспоминаний, наблюдений очевидцев и изучения документальных материалов по штрафной колонии. Так, в этих работах постоянно встречаются статистические данные или даже целые документы, а также пространные рассуждения о будущем Сахалина, при этом достаточно много времени уделено рассказам о прошлом и пережитых на острове событиях. Это позволяет воссоздавать восприятие автором острова не только на основе сухих цифр, но и руководствуясь теми оценками и впечатлениями, которые они сами высказывают в своих книгах.

Отдельно стоит упомянуть наличие такой разновидности источников как периодика, которая была представлена выпускавшимся на острове журналом «Сахалинский календарь», содержащий в себе обширные статистические сведения жизни штрафной колонии¹²⁰. Однако из-за того, что

---

¹¹⁶ Чехов А.П. Указ. соч.

¹¹⁷ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. 287 с.

¹¹⁸ Ливин Ф.Н. Записки сахалинского чиновника. Южно-Сахалинск; Корки'С, 2019. 111 с.

¹¹⁹ Преображенский Н.А. Проклятая быль. СПб., 1909. 113 с.

¹²⁰ Сахалинский календарь. Сахалин: Типография Острова Сахалин.

опубликованные в нем научные статьи о Сахалине хаотичны и весьма разнятся по проблематике и авторским предпочтениям, использование этих материалов как основы для реконструкции образа Сахалин современниками затруднительно, что определяет их низкую значимость для диссертации. Значительно больший интерес в этом плане для нас представляют некоторые публикации журнала «Вестник Европы». Так, например, в нем помещена одна из первых статей, рисующих негативный образ сахалинской каторги¹²¹. В ней автор пытается доказать идею, что колонизация острова – эта ошибка и затраченные на нее ресурсы могли бы пойти на развитие центральной России.

Важным журналом является «Тюремный вестник», который был официальным органом печати тюремного управления. В нем содержится знаковая для формирования положительного образа Сахалина статья начальника тюремного управления М.Н. Галкина-Враского¹²². С этой трибуны Михаил Николаевич описывал все перспективы штрафной колонии, с чем потом будет спорить его преемник А.П. Саломон.

Надо упомянуть и журнал «Каторга и ссылка». На его страницах нередко печатали воспоминания разнообразных политических ссыльных, в том числе и тех, кто побывал на Сахалине. Примерами таких публикаций являются статьи Г.В. Госткевича и А.И. Ермакова которые передают их восприятие штрафной колонии. Однако, не стоит забывать, что эти работы были написаны уже в советское время, когда уже сложился определенный канон восприятия царской России, поэтому в историографии принято достаточно критически относиться к данным работам¹²³.

Отдельным комплексом источников по теме диссертации являются фотодокументы, относящиеся к типу визуальных источников, отражающих

---

¹²¹ Тальберг Д.Г. Ссылка на Сахалин // Вестник Европы. Т3. СПб., 1879. С. 219–252.

¹²² Галкин-Враский М.Н. Записки начальника тюремного управления // Тюремный вестник 1895. №5. С. 237–255.

¹²³ От составителей //Сахалинская каторга: (вторая половина XIX - начало XX в.): документы и материалы. Южно-Сахалинск; Сахалинская областная типография. 2015. С. 17.

быт штрафной колонии, количество которых весьма значительно и насчитывает сотни, если не тысячи, фотографий и литографий. Кроме фотодокументов в распоряжении исследователя имеются всевозможные карты, планы. Наконец, из более специфических источников можно назвать медико-физиологические сведения о заключенных, например, такие как диаграммы пульса сумасшедших.

Выявление главным образом иллюстративных визуальных материалов связано с анализом работ исследуемых нами авторов, в которых содержатся такого рода материалы. Хотя конечно, в случае необходимости мы не будем пренебрегать тематическими сборниками¹²⁴, фотографиями из сети интернет¹²⁵. Это даст нам возможность более полно осветить те представления об острове, которые формировались у современников в интересующий нас период.

Таким образом, в распоряжении историка по заявленной теме диссертации есть огромное количество разнообразных источников от фотографий заключенных до научных монографий современников. Причем их авторы совершенно не похожие друг на друга, так как представлены и учеными, и писателями-литераторами, и госслужащими. Авторами текстов и изображений могли быть простые рабочие и даже убийцы. Это дает широкий простор для реконструкции и анализа созданных ими образов острова Сахалин, в том числе, для воссоздания картины штрафной колонии периода середины XIX – начала XX века.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация является первой попыткой реконструкции образа острова Сахалин середины XIX – начала XX в., сохранившегося в памяти современников,

---

¹²⁴ Путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток альбом к выставке. М.: Литературный музей. 2019. С.83.

Klimov O. Calamity Islands Sakhalin and the Kurils – terra incognita of a brutal Russian Empire. Amsterdam: Liberty.Su 2022. 160 p.

¹²⁵ URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/01/24/nado-podsyapat-pod-sebya-porokhu> (дата обращения 18.09.2022)

представляющих различные социальные и профессиональные группы общества: чиновников, творческую и научную интеллигенцию, прежде всего, литераторов и ученых. Столь широкая картина позволяет сосредоточиться не на одном ракурсе, а реконструировать образ Сахалина в комплексе, с разных сторон и углов зрения, сравнить видение острова различными социальными группами и персоналиями. Новизна исследования заключается и в том, что впервые подвергается комплексному анализу широкий круг источников разной видовой принадлежности, в которых зафиксирована индивидуальная и групповая память современников об острове. Это позволило расширить спектр мнений и оценок для более полного раскрытия восприятия обществом Сахалина периода середины XIX – начала XX в.

Теоретическая значимость. Примененный в работе комплексный подход к изучению источников исследования исторической памяти о Сахалине, а также использованные приемы методологии исторической компаративистики к анализу сопоставимых данных, характеризующих восприятие современниками острова, содержащихся в источниках разной видовой принадлежности и авторства, вносят вклад в развитие теоретического источниковедения, источниковедения российской истории и открывают перспективы дальнейшей разработки теоретико-методологических оснований изучения региональной истории, в том числе истории окраин России поздней имперского периода в контексте исследования памяти.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в курсах по источниковедению российской истории, исторической географии, региональной истории России, в том числе, по истории Дальнего Востока.

Достоверность результатов исследования. Степень достоверности подтверждается богатой источниковой базой исследования, которая содержит архивные материалы по истории Сахалина, источники личного происхождения, делопроизводственные документы, литературные произведения, научные монографии и визуальные источники. Также

достоверность исследования повышается при использовании разнообразных методов анализа информации, которые дают возможность максимально полно проанализировать весь информативный потенциал разнообразных по видовой принадлежности и авторству источников исторической памяти.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы изложены в 4 научных работах автора общим объемом 1,22 п.л., в том числе в 4 публикациях общим объемом 1,22 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6. – Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Реконструкция образа Сахалина в памяти современников особенно важна для объективного познания истории Сахалина середины XIX – начала XX в., преодоления политической конъюнктуры в интерпретациях прошлого острова, отождествляющих это историческое пространство с негативным образом штрафной колонии. При этом забывается стратегическая значимость данного проекта, а также те важные изменения, которые он принес для данного региона. Современная историография пытается изменить образ Сахалина середины XIX – начала XX в. и показать, что он не ограничивается только ужасами царской каторги.

2. Проведенный анализ демонстрирует особую роль и влияние профессиональной, социокультурной идентичности авторов текстовых источников в процессе формирования образов Сахалина. Сравнительный источниковедческий анализ сопоставимых данных об оценках острова

современниками показал, что иностранные и русские этнографы, например, гораздо ближе друг к другу по характеру восприятия этого исторического пространства, способам аргументации и системам доказательств, чем русские этнографы и литераторы.

3. Опыт реконструкции образов Сахалина в коллективной и индивидуальной памяти современников убеждает в необходимости для успешного решения этой задачи использования источников разной видовой принадлежности, не ограничиваясь только литературными произведениями и источниками личного происхождения, которые обладают наибольшими средствами выразительности.

4. Феномен исторической памяти играет особую роль в индивидуальном и групповом восприятии прошлого. Особое значение для формирования различными слоями общества восприятия исторического пространства, исторической памяти о Сахалине как «будущей жемчужины Дальнего Востока» или как «мрачной тюрьмы кровавого царизма» имеет исторический контекст, представленный в диссертации реконструированными на основе комплексов делопроизводственной документации правительственных комиссий, докладов и отчетов администрации, характеристик социальных и политических условий истории освоения Сахалина.

5. Особую роль играет фактор известности личности на закрепление образа в общественном сознании. Важно отметить, что от того, кто транслирует то или иное восприятие события, во многом зависит его укоренение в общественном сознании. Для Сахалина середины XIX – начала XX в. такой фигурой является А.П. Чехов. Несмотря на то, что многие идеи, которые он развивал в своей работе, были высказаны и до этого или позже нашли отражение в других трудах, но именно фигура А.П. Чехова из-за своей известности оказывает наибольшее влияние на восприятие острова того времени, что можно видеть даже в названии топонимов современного Сахалина.

Основное содержание диссертации

Во **введении** характеризуются актуальность и научная значимость исследования, определяются его объект, предмет, цели и задачи, хронологические рамки, методологическая основа, степень изученности проблемы и источниковая база, оцениваются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость и формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе**, «Методика реконструкции взглядов чиновников-оптимистов на будущее и настоящее острова Сахалин на основе источников исторической памяти», состоящей из трех параграфов, предпринимается попытка воссоздать образ Сахалина середины XIX – начала XX в. на основе запечатленных наблюдений, оценок и характеристик условий жизни и потенциала острова Сахалин современниками – представителями администрации Сахалина, чиновникам с оптимистическим взглядом на будущее развитие штрафной колонии, определявшей историческое пространство острова

В **первом параграфе** – «Проекты освоения Сахалина в правительственном дискурсе» – рассматривается важная проблема эволюции взглядов правительства на судьбу острова, которые менялись в диапазоне от оценки его как промышленного центра, до восприятия Сахалина как сельскохозяйственной колонии. Понимание этих процессов крайне важно, так как без этого становится непонятно, почему чиновники в своих работах уделяли столько времени плодородности почв острова и богатству каменных копий, часто оставляя за скобками многие аспекты каторжной жизни.

Во **втором параграфе** – «Оценка госслужащими-оптимистами хозяйственного потенциала острова Сахалин» – предпринята попытка на основе анализа комплекса источников, содержащих наблюдения и оценки чиновников, выяснить, как те из них, кто был оптимистом, оценивали промышленный и сельскохозяйственный потенциал острова. Этот образ

особенно важен для понимания государственной дальневосточной политики, так как во многом определил тот факт, что правительство решилось вкладывать средства в освоение Сахалина.

В третьем параграфе – «Характеристики отдельных групп населения острова Сахалин и условий их жизни в отражении первичной и опубликованной делопроизводственной документации» – представлен анализ текстов документов делопроизводства как основы для реконструкции взглядов чиновников на жизнь каторжан и коренного населения острова. В параграфе показаны те надежды и опасения, которые испытывали оптимисты насчет этих групп населения Сахалина, а также те планы, которые чиновники питали относительно них в будущем.

Во второй главе, «Методики анализа персональных оценок чиновников-пессимистов опыта колонизации острова Сахалин середины XIX – начала XX в.», состоящей из четырех параграфов, решается задача проследить, что стало причиной формирования негативного образа штрафной колонии и какие основные черты были ему присущи. Также на основе компаративной методологии проведено сравнение оптимистического и пессимистического образа острова.

В первом параграфе – «Аргументация успехов и неудач опыта развития земледелия, добывающих и рыбных промыслов на острове в отражении архивной делопроизводственной документации и опубликованных свидетельств чиновников» – показывается, как менялся взгляд на сельское хозяйство и природные богатства острова. Основой для этого служат, главным образом доклады и аналитические тексты чиновников, которые прямо противопоставляли свои взгляды на освоение острова лагерю оптимистов в лице М.С. Мицуля и М.Н. Галкина-Враского.

Во втором параграфе – «Демографические характеристики населения и условий жизни на острове Сахалин в оценках чиновников-пессимистов» – рассматривается важная проблема взгляда пессимистов на влияние каторжной

системы на жизнь обитателей острова, не только каторжан, но и его коренного населения: айнов, ороков и гиляков.

В третьем параграфе – «Образ тюремной администрации и ее деятельности в области здравоохранения и образования на острове в записках и наблюдениях чиновников» – показано, как изменения взгляда на развитие Сахалина влияли на отношения внутри чиновников. Пессимисты, критикуя положение дел в штрафной колонии, гораздо более критично оценивали деятельность своих коллег по администрации, чем оптимисты.

В четвертом параграфе – «Характеристика фотодокументов как иллюстративного материала к реконструкции образа острова Сахалин» – применены методы работы с изобразительными источниками для того, чтобы выявить ту дополнительную информацию о восприятии Сахалина чиновниками, представленную иллюстративными материалами, которые встречаются в их докладах, книгах и частных коллекциях.

В третьей главе – «Источниковедческие проблемы реконструкции восприятия острова Сахалин современниками-литераторами», – состоящей из четырех параграфов, ставится задача проанализировать тот образ острова, который создали в своих работах литераторы, как российские, так и иностранные, а также прослеживается эволюция восприятия Сахалина в период от имперской России к Советскому Союзу.

В первом параграфе – «Интерпретации оценок хозяйственного потенциала острова Сахалин в литературных текстах А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева» – показано отношение литераторов, которые сформировали наиболее цитируемый образ штрафной колонии, к сельскому хозяйству и промышленному потенциал.

Во втором параграфе – «Повседневность и условия жизни и быта каторжан, ссыльнопоселенцев и коренных народов в отражении литературных текстов А.П. Чехова, В.М. Дорошевича, И.П. Ювачева» – проанализирован один из важнейших образов штрафной колонии, а именно – образ каторжного и коренного населения острова. Именно это усиленное внимания литераторов

к судьбам людей Сахалина, предопределило изменение дискурса вокруг штрафной колонии и усиление пессимистического взгляда на будущее острова.

В третьем параграфе – «Реконструкция образов чиновников и инфраструктуры острова Сахалин на основе анализа литературных текстов А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева и фотодокументов» – показан пример работы с разными типами источников для реконструкции образа инфраструктуры и чиновничества острова. Данный подход позволяет конкретизировать многие вопросы, так как при помощи иллюстративного материала можно воссоздать картину штрафной колонии и обитающих в ней людей.

В четвертом параграфе – «Методика изучения влияния политической конъюнктуры и личных мотиваций автора-литератора на формирование ими образа острова Сахалин» – предпринята попытка проследить, как уже существующие образы острова и социальный запрос на определенную картину действительности влиял на восприятия Сахалина литераторами. Стоит отметить восприятие острова иностранцами, в той связи, что через их тексты наглядно можно наблюдать изменение образа острова под влиянием новых впечатлений.

В четвертой главе, «Реконструкция интерпретаций и оценок учеными острова Сахалин, отраженных в текстовых и визуальных источниках», состоящей из четырех параграфов, проанализирован тот образ, Сахалина, который можно встретить в научных трудах и докладах российских и иностранных ученых об острове. Также из-за пристального внимания зарубежного научного сообщества к Сахалину важным аспектом главы является сравнение отношения к острову у русских и зарубежных авторов.

В первом параграфе – «Интерпретация хозяйственного потенциала и инфраструктуры острова в текстах русских ученых» – разобраны те аспекты, которые не касаются каких-то конкретных социальных групп на острове, а связаны с его климатическими и инфраструктурными особенностями.

Во **втором параграфе** – «Повседневность и условия жизни и быта каторжан, ссыльнопоселенцев, чиновников и коренных народов в восприятии русских ученых» – рассмотрено восприятие российскими деятелями науки разнообразных групп, проживающих на острове от каторжан, до айнов, ороков и гиляков. Большим подспорьем в последнем являются богатые иллюстративные материалы, которые наработали этнологи во время своей многолетней работы.

В **третьем параграфе** – «Географические и инфраструктурные особенности острова в текстах иностранных ученых» – решается задача изучения восприятия и оценки зарубежными деятелями науки природных богатств, а также инфраструктуры Сахалина. Большое значение имеет привлечение иллюстративных материалов, фотодокументов, так как редкий иностранный путешественник отправлялся на остров без фотоаппарата.

В **четвертом параграфе** – «Бытовые и морально-нравственные аспекты жизни каторжан, чиновников, ссыльнопоселенцев и коренных народов в оценках иностранных ученых» – на основе источников памяти воссоздан образ разных общественных и социальных групп, проживающих на острове. Полученная информация дает возможность сравнить восприятие российскими и иностранными учеными Сахалина.

В **заключении** работы подводятся итоги исследования, а также прослеживается эволюция образа Сахалина и раскрываются те его грани, которые добавляли острову разные социальные группы – от ученых до госслужащих.

Глава 1. Методика реконструкции взглядов чиновников-оптимистов на будущее и настоящее острова Сахалин на основе источников исторической памяти

Начиная разбор взглядов разных социальных групп на Сахалин, необходимо обратиться к такой категории населения, как чиновники. Именно в их среде, во многом, формировался тот образ острова, который будет доминировать в общественном сознании на первых этапах освоения данной территории. Несмотря на то, что для сохранения исторической достоверности будет использоваться термин «чиновники», в некоторых случаях будет применяться такое слово, как «госслужащие». Несмотря на то, что это слово применялось позднее описываемых событий, оно наиболее точно отражает ту группу лиц, о которых пойдет речь в данной работе. Термин «чиновники» слишком узок и исключает из себя целую категорию служащих, которые работали на государство и могли быть в связи со своим служебным положением отправлены на Сахалин. Это, в первую очередь, юристы, врачи, агрономы, которые сыграли важную роль в формировании образа острова как в Российской Империи, так и за рубежом.

Методикой анализа будет общей для всего исследования, так как в каждой из глав мы будем работать с источниками памяти для реконструкции восприятия той или иной группой острова Сахалин. Для этого понадобится в первую очередь выявить эти источники: архивные материалы, монографии, источники с визуальной частью и т.д. После этого приходит время источниковедческой работы с документом и выявления условий его создания и бытования. Следующий этап заключается в анализе источника и извлечения из него информации необходимой для раскрытия темы исследования. В заключении полученные сведения будут проанализированы с целью сделать выводы по интересующей проблеме.

Начнем разбор с той части госслужащих, которая оптимистически оценивала потенциал острова. Причиной этого является положительный образ

Сахалина, который сформировался в трудах первых чиновников, побывавших на острове, лег в основу всех тех надежд, которые возлагало правительство на данную территорию Российской империи. Стоит отметить, что в недалекой перспективе вместе с разрушением этого образа во многом связано сворачивания «сахалинского проекта», который не оправдал возложенных первоначально на него ожиданий. Для подробного рассмотрения процессов, происходивших в это время, необходимо отметить причины, которые побудили российские власти обратить внимание на столь отдаленные земли в Тихом океане.

Правительство начало интересоваться Сахалином еще в конце XVIII в. в контексте возможного моста для налаживания торговых отношений со странами Азии, а также для создания опорного пункта в регионе. Тем не менее в это время основные устремления властей были направлены на Запад, какой-то систематической политики по отношению к острову разработано не было. Стоит отметить, что было выражено беспокойство правительством Российской империи по поводу американских и английских судов, появлявшихся в русских водах, тем самым угрожая экономической активности Империи на Дальнем Востоке¹²⁶. После Крымской войны актуальным стал вопрос безопасности границ России, особенно территорий Аляски, которую в случае вооруженного столкновения было просто невозможно защищать. Это отлично понимал Александр II и новый министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков, которые сразу обратили свое внимание на состояние дел на Дальнем Востоке¹²⁷, в том числе на недавно исследованный Геннадием Ивановичем Невельским Сахалин. На это были достаточно весомые основания. Прежде всего, остров имел весьма выгодное географическое положение. При правильном развитии он мог послужить отличной защитой устья Амура от английских и американских судов, чтобы не дать им возможности войти во внутренние воды России. К этому стоит добавить, что

---

¹²⁶ Хексли Э. Указ. соч. С. 304.

¹²⁷ Там же. С. 317.

на момент обсуждения этого вопроса за Империей были закреплены обширные территории Аляски, которые нуждались как в снабжении, так и в военной помощи в случае военного конфликта, а Сахалин мог стать хорошим подспорьем Камчатке в разрешении этих проблем. Ко всему сказанному стоит добавить, что с каждым годом рос торговый оборот России с Китаем, а Япония к середине XIX века была выведена из своего режима изоляции и начала открывать свои рынки перед иностранными державами. Это потребовало создание мощного торгового узла, который мог бы связать материковую Россию, Азию и колонии в Америке, для чего идеально подходил Сахалин. Он мог служить не только перевалочным пунктом, но и сам стать мощным промышленным центром, что подводит ко второму пункту перечня преимуществ острова. К этому времени стало понятно, что на Сахалине находятся богатые залежи угольных пород, которые могли идти как на продажу, так и для поддержки зарождающегося Тихоокеанского флота. Наконец, стоит сказать о невообразимом количестве рыбных ресурсов, которые при правильной организации легко могли стать предметом торговли, например, с Японией.

Среди первоначальных замыслов вопрос организации каторги не стоял, однако в ходе обсуждения проектов освоения острова он явился почти единственным ответом на главную проблему, которая мешала реализации всех правительственных планов: чьими же руками будет осуществлено преобразование Сахалина из дикого острова с полностью отсутствующей инфраструктурой в новую жемчужину Дальнего Востока. Обратим внимание, как идея торгового и оборонительного узла между Россией, Китаем, Японией и Америкой превратилась в сахалинскую штрафную колонию, кратко рассмотрев ту правительственную дискуссию, которая возникла вокруг планов освоения острова.

1.1. Проекты освоения Сахалина в правительственном дискурсе

Активное обсуждение возможных путей освоения Сахалина возникло во второй половине 60-х годов XIX века. Первый вопрос, который необходимо было решить – это территориальный спор с Японией по поводу границы между ней и Российской Империей. Первый договор по этому вопросу со «Страной восходящего солнца» появился 18 марта 1867 года, содержал пять основных статей и носил временный характер¹²⁸. Наиболее важным из его положений было то, что теперь российские подданные могли передвигаться и жить не только по северной, но и по южной части острова¹²⁹. Было понятно, что подобные полумеры не могли быть достаточными для тех планов, которые правительство имело в отношении этих территорий и А.М. Горчаков продолжил сложные переговоры с Японией по поводу южной части Сахалина.

Пока внешнеполитическое ведомство занималось территориальными вопросами, министерство финансов продумывало варианты возможного освоения острова. Министр финансов М.Х. Рейтерн писал Государственному канцлеру А.М. Горчакову, что есть возможность привлечь для это казаков, отставных нижних чинов и одобрительного поведения ссыльных из Николаевска, Охотска, Гижиги, Камчатки, а также таковых из жителей бывших американских колоний¹³⁰. При этом он подчеркивал, что таким способом вряд ли удастся набрать нужное количество добровольных переселенцев, так как климат и тяжелые условия жизни отпугнут людей от этой авантюры. Если же для этого начать принудительно вывозить на Сахалин обитателей Сибири, то это повлечет за собой расстройство их быта, что нельзя назвать справедливым решением. Заканчивается это размышление следующим образом: «По всем сим соображениям я, со своей стороны, считал бы более осторожным не приступать в настоящие время к искусственной

---

¹²⁸ Латышев В.М., Дударец Г.И. Государственный канцлер А.М. Горчаков и решение Сахалинского вопроса... С. 99.

¹²⁹ Там же. С. 100.

¹³⁰ Там же. С. 229.

колонизации столь отдаленного и дикого края; о чем имею честь передать на благоусмотрение Вашего Сиятельства, присовокупляя, что копия с настоящего отзыва сообщена г-ну управляющему Морским министерством»¹³¹.

Из приведенного примера следует, что на первых этапах формирования образа будущего острова, отраженного в планировании освоения Сахалина, ребром встал вопрос о том, кто же будет заселять эту территорию. Добровольная колонизация казалась более предпочтительным вариантом, но стало быстро понятно, что подобным образом невозможно найти столько людей, сколько требовалось для реализации всех правительственных планов. Окончательно это стало ясно после попытки привести на остров 25 семей добровольцев, которые решились начать хозяйственную деятельность на новом месте¹³². Но из-за плохого снабжения и плохой организации переселенцы быстро разочаровались в своем новом месте жительства и предпочли вернуться на материк.

Тогда правительство решило поменять концепцию освоения острова и вместо добровольного переселения колонизировать Сахалин при помощи каторжан, тем более к тому времени на острове уже находилось некоторое количество заключенных. Дело в том, что еще в 1858 году на острове появился первый каторжанин по имени Иван Лапшин¹³³. Он сам попросил отправить его на Сахалин, так как, по его мнению, только в подобном глухом и отдаленном месте он сможет искупить свой грех отцеубийства. Иван трудился на совесть, что дало основание правительству продолжить эксперимент и посылать каторжан на остров для работ в каменноугольных шахтах, но до 1869 года их количество было незначительным. Этот год стал переломным в истории Сахалина, так как 18 апреля 1869 года вышло высочайшее утверждение Положения Комитета об устройстве каторжных работ, по которому на остров

---

¹³¹ Там же. С. 229.

¹³² Чехов А.П. Указ. соч. С. 272.

¹³³ Новомбергский Н.Я. Указ. соч. С 13.

должно было быть направлено до 800 человек ссыльнокаторжных¹³⁴. При разработке этого положения Комитетом был выдвинут целый ряд обоснований подобного решения, которые выделялись в статье юристом Д.Г. Тальбергом и касались важных аспектов. Ниже приводится их перечень:

1. географическое положение острова Сахалин, отделенного морем от крайних пределов России, обеспечивает материк со стороны побегов, так как последние крайне затруднены и почти невозможны;

2. наказание получает надлежащую репрессивную силу, так как ссылка на Сахалин может быть признана безвозвратною;

3. остров Сахалин представляет местность не заселенную, обширную пространством и даст простор деятельности каждого из ссыльных каторжан, решивших начать новую трудовую жизнь;

4. с точки зрения государственной пользы сосредоточение ссыльнокаторжных на Сахалине представляется залогом для упрочнения нашего обладания островом посредством ссыльнокаторжной колонизации, тем более на добровольное заселение острова «при незначительных размерах колонизационного движения на Востоке» почти нельзя надеяться;

5. обширнейшие и богатейшие залежи могут быть с выгодой эксплуатируемы, ввиду громадной потребности в угле для портов китайских и истощения японских рудников;

6. сосредоточение всего контингента ссыльнокаторжных на острове обещает значительное сокращение расходов на их содержание¹³⁵.

Выбрав путь принудительной колонизации острова, правительство попыталось решить две проблемы. С одной стороны, заселить Сахалин, с другой – разрешить тот кризис каторжной системы, который возник в Сибири. Дело в том, что к середине XIX века традиционные места ссылки уже не представляли столь глухие уголки, как было за век до этого. К этому времени

---

¹³⁴ Сахалинская каторга: (вторая половина XIX – начало XX в.): документы и материалы / отв. сост.: М.В. Гридяева. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография. 2015. Т.1. С. 41.

¹³⁵ Тальберг Д.Г. Указ. соч. С. 220–221.

на Востоке России появилось несколько крупных городов со своими журналами, театрами, светскими салонами, поэтому отправка преступников, особенно политических, в подобные области не приводила их к изоляции от внешнего мира. Кроме того, развитая дорожная сеть облегчала побег заключенных, что не могло не тревожить сибирское начальство. Еще одной проблемой являлось то обстоятельство, что, несмотря на увеличение количества жителей региона, местные предприятия все меньше и меньше нуждались в каторжных работниках. Их эффективность труда была ниже, чем у вольнонаемных сотрудников, что часто вынуждало промышленников держать на одном заводе ссыльных и свободных людей¹³⁶.

Ссылка на Сахалин должна была решить вышеперечисленные проблемы, так как остров был достаточно удален от материка, что усложняло контакты с внешним миром и возможные побег. Стоит отметить, что на Сахалине имелись богатые запасы разнообразных ресурсов, разработкой которых было некому заниматься. Эти положения базировались не только на теории. Для первичной разведки местности в 1869 году на остров был направлен генерал-адъютант Иван Григорьевич Сколков. Общие его наблюдения были скорее обнадеживающие¹³⁷, однако еще нуждались в уточнении. В связи с этим было решено отправить на Сахалин более представительную комиссию, состоящую из специалистов разных отраслей, развитие которых было необходимо для создания штрафной колонии. В 1871 году на остров прибыла комиссия В.И. Власова, которая должна была удостовериться в возможности организации на Сахалине каторжной колонии¹³⁸. Ее участники составили несколько докладов, затрагивающие наиболее интересующие правительство области. В процессе работы с материалами делопроизводства комиссии В.И. Власова выяснилось, что

---

¹³⁶ Оларт. Е. Указ. Соч. С. 1.

¹³⁷ Сколков И.Г. Указ. соч. С. 57.

¹³⁸ Власов В.И. Краткий очерк неустройств, существующих на каторге. // В.И. Власов, М.С.Мицуль, А.П. Кеппен. Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск: Изд-во Южно-Сахалинск, 2013. С. 26–57.

наиболее интересны тексты докладов горного инженера А.П. Кеппена¹³⁹ и агронома М.С. Мицуля¹⁴⁰, анализ которых позволил выявить итоговую оценку чиновников. В ней содержался вывод о том, что на острове имеются подходящие условия для создания штрафной колонии.

После этого план освоения острова приобрел свои финальные очертания. Теперь направление работ должны быть смещены с развития промыслов на сельское хозяйство, что должно помочь решить несколько наиболее насущных задач. Первая из них – это заселить значительную территорию острова русскими людьми, которые могли бы в случае необходимости взять в руки оружие для защиты границ Дальнего Востока. Вторая состояла в том, чтобы попытаться решить проблему с продовольствием, так как жители Сахалина без помощи извне не могли обеспечить сами себя продуктами. Третья же причина носила морально-этический характер и подразумевала попытку через труд облагородить каторжан, вновь сделать их членами общества, а не превращать их в бандитов и уголовников долгим пребыванием в тюрьме.

Для полной реализации данной стратегии необходимо было решить последнюю проблему, которая не давала правительству развернуться на полную мощь. Дело в том, что наиболее плодородные южные территории Сахалина к этому времени принадлежали японцам, которые использовали воды острова для ловли рыбы. Еще в 60-х годах XIX века продумывались разные стратегии по приобретению южной части острова¹⁴¹, и настало время осуществить задуманное.

В 1875 г. после напряженных переговоров между Россией и Японией был заключен Петербургский договор, который закреплял за Империей

---

¹³⁹ *Кеппен А.П.* Остров Сахалин его каменноугольные месторождения и развитие на нем каменноугольной промышленности // В.И. Власов, М.С. Мицуль, А.П. Кеппен Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск: Изд-во Южно-Сахалинск, 2013. С.325–444.

¹⁴⁰ *Мицуль М.С.* Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении...

¹⁴¹ *Латышев В.М., Дударев Г.И.* Государственный канцлер А.М. Горчаков и решение Сахалинского вопроса. С. 243.

южную часть Сахалина в обмен на гряду Курильских островов. Он был положительно встречен правительством обеих держав¹⁴². Россия наконец-то смогла закрепить за собой самые плодородные части Сахалина, а также получить удобные места для рыбного промысла, которые теоретически должны были стать отличным источником питания для ссыльнопоселенцев. Япония получила возможность для более успешного освоения Хоккайдо. Крайне важным был тот факт, что все эти изменения были достигнуты путем мирных переговоров, а не военной агрессии, что позволило сохранить и развить торговые и культурные контакты между двумя странами¹⁴³.

Теперь правительство могло действовать в соответствии с намеченным планом и приступить к активному освоению острова, не боясь возможных конфликтов с японскими рыбаками. Для облегчения этой задачи после заключения Петербургского договора были расширены полномочия местной администрации, которая получила возможность решать самостоятельно наиболее насущные бытовые вопросы без обращения к Приморскому генерал-губернатору¹⁴⁴.

Дальнейшие серьезные изменения в управлении Сахалином произошли в 1879 г. с образованием структуры Главного тюремного управления¹⁴⁵. На острове эта структура взяла на себя ответственность не только контролировать пенитенциарные учреждения острова, но и колониционную политику в регионе. Во главе этой структуры встал Михаил Николаевич Галкин-Враской, который был ярким сторонником «сахалинского проекта» и всячески в своих работах подчеркивал потенциал острова¹⁴⁶. Не без его влияния правительство попыталось форсировать освоение Сахалина, расширив штат работников и увеличив выделяемое финансирование¹⁴⁷. Однако оставалась еще одна важная

---

¹⁴² Там же. С. 154.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ *Гридяева М.В.* Остров Сахалин во второй половине XIX – начале XX века... С. 24.

¹⁴⁵ Там же. С. 27.

¹⁴⁶ *Галкин-Враский М.Н.* Указ. соч. С. 245.

¹⁴⁷ *Гридяева М.В.* Остров Сахалин во второй половине XIX – начале XX века... С. 30.

проблема, которая тормозила реализацию намеченных планов. Дело в том, что в административном плане положение Сахалина было весьма плохо отрегулировано, при этом из-за необходимости решать существенные вопросы через Приморскую область, которой он был подчинен, сильно снижалась скорость принятия решений. В 1884 г. остров был выделен в отдельную административную единицу и подчинен генерал-губернатору Восточной Сибири, что расширило возможности действия чиновников на местах¹⁴⁸. Теперь можно было сосредоточиться на реализации намеченных планов по освоению Сахалина, для чего требовались новые люди. В связи с этим усилился поток отправки каторжных на остров, так с периода с 1885 по 1890 гг. на Сахалин было отправлено более 6 тыс. человек¹⁴⁹. Но время шло, а поставленные цели так и оставались далеки от реализации.

В 90-х гг. XIX века отношение правительства к штрафной колонии сильно изменилось. На это был целый ряд причин. Одна из наиболее заметных проблем была в том, что Сахалин перестал быть предметом интереса только правительственных структур. Дискуссии вокруг острова начали вестись и в публичной сфере. Во многом это произошло из-за публикации А.П. Чехова «Остров Сахалин», где он в подробностях рассматривает положение местной пенитенциарной системы. Эта книга очень пришлась ко времени, так как на содержание острова уходили ежегодно миллионы рублей, но итоговые результаты разительно отличались от изначальных прогнозов. К этому в 1894 г. добавилась отставка с должности начальника тюремного управления главного идеолога развития штрафной колонии М.Н. Галкина-Враского¹⁵⁰. Его наследник на этом посту А.П. Саломон гораздо критичнее относился к идее освоения острова Сахалина, что возможно проследить по архивным материалам ГА РФ фонда 1099. Так, в «Докладе начальника Главного тюремного управления А.П. Саломона министру юстиции об условиях

---

¹⁴⁸ Там же. С. 39.

¹⁴⁹ Там же. С. 44.

¹⁵⁰ Там же. С. 51.

отбывания ссылки и каторги в Сибири и на острове Сахалине»¹⁵¹ под сомнение была поставлена сама возможность колонизации острова. Как отмечается некоторыми чиновниками, с этого момента были во многом оставлены все амбициозные планы по освоению Сахалина¹⁵². Уже ближе к началу русско-японской войны правительство еще предприняло определенные шаги к укреплению острова, но подобные полумеры уже не могли кардинально изменить ситуацию в регионе. Это во многом предопределило провал в обороне острова во время активных боевых действий русско-японской войны. После же подписания 5 сентября 1905 года Портсмутского мирного договора и отторжения от Российской Империи южного Сахалина, все первоначальные планы правительства по колонизации острова пошли прахом. К этому стоит добавить потерю значительной части КВЖД и как итога крушения всех надежд на создания незамерзающего порта в Желтом море. Все это привело к серьезному пересмотру всей стратегии развития на Дальнем Востоке и свертыванию целого ряда проектов в пользу стратегии удержания уже имеющихся территорий. По этой причине идеи «сахалинского проекта» были отложены в долгий ящик и интерес к острову снова проснется только уже в советское время, которое выходит за рамки нашего исследования.

1.2. Оценка госслужащими-оптимистами хозяйственного потенциала острова Сахалин

Как уже отмечалось, первая глава посвящена разбору оптимистического образа Сахалина, так как он сформировался раньше и во многом определил то направление развития штрафной колонии, которого она будет придерживаться на протяжении всего своего существования.

Оптимизм в восприятии острова определялся тем, что его образ начал формироваться при самом зарождении штрафной колонии, когда остров

---

¹⁵¹ ГАРФ Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628.

¹⁵² Панов А.А. Указ. соч. С. 9.

представлял собой только малопроезжимые леса и болота с несколькими небольшими русскими поселениями. В это время результаты освоения Сахалина еще не были видны, а госслужащие по большей части писали лишь о том, что может появиться на этом месте и рисовали будущее острова в самых светлых тонах, хотя не забывали при этом отметить актуальные для них проблемы. Позже эта концепция немного изменится: чиновники будут писать о том, что на Сахалине существует целый ряд вопросов, которые необходимо решить, но они по большей части не столь серьезны и над ними уже ведется плодотворная работа, которая приведет остров к тому состоянию, которое изначально запланировали власти.

Еще одной отличительной чертой оптимистического взгляда будет тот факт, что он зарождался на страницах делопроизводственных документов и по этой причине не был известен широкому кругу читателей. Частично ситуация начала меняться в 90-х годы, когда начал выходить журнал «Тюремный вестник» с положительными статьями о Сахалине¹⁵³. Но продлится это недолго, так как к этому времени пессимистичный взгляд на будущее острова станет преобладать среди госслужащих. Оптимисты еще будут пытаться переубедить своих коллег, а также общественное мнения, выпуская специальные монографии и брошюры по данному вопросу¹⁵⁴, но стоит признать, что такого влияния, как в 70-90 годы, они уже иметь не будут.

Переходя к вопросам методики реконструкции оптимистического образа будущего сахалинской каторги, будет более уместно структурировать «образы будущего» Сахалина в восприятии госслужащих, выделив шесть основных пунктов, отражающие все грани этих представлений.

Первая тема связана с сельским хозяйством на Сахалине и является одной из самых дискуссионных из шести. Это не удивительно, ведь от качества почв и получаемого урожая напрямую зависела возможность

---

¹⁵³ Галкин-Враский М.Н. Указ. соч.

¹⁵⁴ Панов А.А. Указ соч. 32 с.

освоения острова по средствам выделения земельных участков ссыльнопоселенцам, что составляло всю основу «сахалинского проекта».

Второй вопрос, который влиял на формирование образа острова, это организация промысловой деятельности. Ситуация во многом схожа с сельским хозяйством, так как добыча каменного угля и рыболовство во многом должны были способствовать складыванию сахалинской штрафной колонии, что первоначально и являлось одной из главных причин, побудивших правительство обратить внимание на Сахалин.

Третий пункт касается положения каторжан и ссыльнопоселенцев на острове. Причем он распадается на два крупных блока. Первый из них связан с бытовой стороной жизни заключенных: их едой, их одеждой, их жильем и т.д. Второй же затрагивает их морально-нравственный облик, так как правительство ставило своей задачей перевоспитание бывших преступников по той причине, что лишь истинные граждане своего отечества могут сформировать фундамент нового общества, а не воры и убийцы, которые думают только о своих интересах.

Четвертый аспект затрагивает проблему компетентности местной администрации с ответами госслужащих на вопрос о том, способны ли они были справиться с теми задачами, которые поставило перед ними правительство или они рассматривали Сахалин лишь как возможность обогащения, не вникая в нужды доверенных им людей.

Пятый пункт частично связан с предыдущим и направлен на то, чтобы узнать, как виделась авторам инфраструктура острова. Сюда входят такие проблемы, как обустройство путей сообщения, школ, больниц, музеев и других общественных мест.

Шестая часть процедуры реконструкции образа Сахалина, будет нацелена на изучение взгляда на коренных жителей острова. Как, по мнению авторов, проходит включение новых народов в состав Российской Империи, выиграли они или проиграли от реализации «сахалинского проекта».

Начнем разбор с такого немаловажного аспекта, как сельское хозяйство, которое являлось тем фундаментом, на котором должна была стоять вся штрафная колония. Взгляд на Сахалин как на один из самых плодородных регионов Дальнего Востока складывался постепенно.

Начало он берет с рапорта главы первой комиссии по изучению острова генерал-адъютант И.Г. Сколкова. Ко времени этой поездки Иван Григорьевич уже был состоявшимся человеком, который успел сделать весьма успешную карьеру. Причем И.Г. Сколков проявил себя как военный, принимая участия в Синопском сражении, так как и царедворец: с 1866 по 1877 гг. в его обязанности входило сопровождение принцессы Дагмары для ее отдыха в Крым¹⁵⁵. Он как никто другой подходил для этого задания. Дело в том, что в конце 60-х в правительстве велись активные споры по поводу освоения Дальнего Востока, в том числе Сахалина, а разрешить эти сомнения должен был во многом Иван Григорьевич.

Основной его задачей было исследование Амурского края. Сахалин являлся важной целью, но скорее в контексте его помощи в защите материковых территорий. Неудивительно, что Ивана Григорьевича интересовали в первую очередь обороноспособность острова и его каменноугольные шахты, а вопросы сельского хозяйства стояли для него на втором плане. При этом он сделал несколько важных замечаний, которые повлияли на задачи следующей после него комиссии В.И. Власова.

Во-первых, он отметил, что при местный климат, несмотря на переменчивость, подходит для выращивания сельскохозяйственных культур, распространенных в материковой России¹⁵⁶. Во-вторых, Иван Григорьевич уточнил, что он сомневается в возможности освоения Сахалина добровольными переселенцами, так как на острове еще не создана подходящая инфраструктура, которая могла бы привлечь подобных людей¹⁵⁷. Исходя из

---

¹⁵⁵ *Латышев В.М., Дударев Г.И.* Комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова в Амурском крае и на Сахалине ... С. 19.

¹⁵⁶ *Сколков И.Г.* Указ. соч. С. 57.

¹⁵⁷ Там же.

вышеперечисленного И.Г. Сколков предлагал колонизировать Сахалин при помощи каторжан, которых можно использовать и при добыче угля. В этом докладе прослеживался отход от идеи восприятия острова как строго промышленного региона в пользу штрафной колонии.

Сведения из рапорта И.Г. Сколкова будут дополнены информацией, извлеченной из материалов работы комиссии В.И. Власова, прибывшей на Сахалин в 1871 году. Данные, собранные одним из ее участников, агрономом М.С. Мицулем, были положены в основу концепции правительства по освоению острова путем создания сельскохозяйственной штрафной колонии. В историографии существует мнение, что при подготовке своего доклада Михаил Семенович проявил достаточную небрежность или из-за своего непрофессионализма, или из-за желания угодить начальству зависил полученные им во время работы результаты¹⁵⁸. Несмотря на то, что историка при анализе образов, в первую очередь, интересуют представления автора о том или ином аспекте действительности, все-таки хочется сказать несколько слов об участниках комиссии Власова и о их компетентности при решении поставленных задач. Подобного рода анализ важен и для определения степени достоверности материалов комиссии для возможности их использования в более широком спектре исторических исследований.

Начнем с Василия Ивановича, который на момент организации экспедиции был уже опытным чиновником, который служил в органах судебной и исполнительной власти¹⁵⁹. Его заслуги были отмечены орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 3-й степени, а также темно-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память о Крымской войне¹⁶⁰. Знакомый как с российской пенитенциарной системой, так и с особенностями

---

¹⁵⁸ Gents A.A. The institution of Russia's Sakhalin policy, from 1868 to 1875 Ibid. 9 p.

¹⁵⁹ Латышев В.М., Дударец Г.И. Комиссия В.И. Власова на Сахалине (1871-1872 гг.) // В.И. Власов, М.С. Мицунь, А.П. Кеппен. Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск, 2013. С. 11.

¹⁶⁰ Там же. С.11.

государственного управления В.И. Власов как никто другой подходил для должности главы подобной экспедиции.

Вторым по важности человеком в этой поездке был агроном М.С. Мицуль, так как именно от его анализа сахалинских почв зависел дальнейший план правительства на организацию штрафной колонии. Надо отметить, что Михаил Семенович был не любителем, а человеком с большим стажем работы и прекрасным образованием. Он окончил Главное училище садоводства в Одессе, а также имел диплом Горыгорецкого земледельческого института¹⁶¹. Кроме того, М.С. Мицуль побывал в Швейцарии, Англии и Франции, где знакомился с иностранными методами ведения сельского хозяйства. Это был профессиональный интерес, так как после поездки в Европу выходит целый ряд работ Михаила Семеновича, где он разбирает вопросы лесоводства¹⁶², земледелия¹⁶³ и садоводства¹⁶⁴. Помимо теоретических знаний М.С. Мицуль имел и практические навыки, так как по долгу службы работал в Департаменте земледелия и сельской промышленности, где зарекомендовал себя наилучшим образом¹⁶⁵.

Стоит отметить, что обвинения Михаила Семеновича в недобросовестно выполненной работе на Сахалине¹⁶⁶ кажутся не совсем обоснованными. Так, из отчета В.И. Власова можно увидеть, сколько всего сделал агроном для сельскохозяйственного развития региона¹⁶⁷. Стараясь лучше разведать местность, М.С. Мицуль забирался в самые отдаленные уголки острова, причем иногда даже с риском для собственной жизни.

---

¹⁶¹ Латышев В.М. Дударец Г.И. Комиссия В.И. Власова на Сахалине... С. 15.

¹⁶² Мицуль М.С. О произведениях лесоводства и лесных продуктов на Парижской всемирной выставке 1867 года. СПб., 1869. 127 с.

¹⁶³ Мицуль М.С. Североамериканские земледельческие школы (Очерк). СПб., 1869. 55 с.

¹⁶⁴ Мицуль М.С. Хозяйственный плодовый сад. СПб., 1870, VIII, 350 с. С илл.

¹⁶⁵ Латышев В.М. Дударец Г.И. Комиссия В.И. Власова на Сахалине (1871–1872 гг.) Указ. соч. С. 16.

¹⁶⁶ Gents A.A. The institution of Russia's Sakhalin policy, from 1868 to 1875 Ibid 9 p.

¹⁶⁷ Власов В.И. Отчет по исследованию острова Сахалин и предположения об устройстве на нем пенитенциарных колоний // В.И. Власов, М.С. Мицуль, А.П. Кеппен Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск, 2013. С. 70.

Например, во время одного из переходов он с командой сбился с маршрута и был вынужден съесть бежавшую с ними собаку, чтобы не умереть от голода¹⁶⁸.

Теперь после знакомства с теми людьми, которые были ответственны за изучения почв Сахалина в 1871 г., посмотрим каким им представляется остров в сельскохозяйственном отношении. Основная информация по этому вопросу содержится в документе, названном «Отчет по исследованию острова Сахалин и предположения об устройстве на нем пенитенциарных колоний», подготовленным В.И. Власовым на основе информации, собранной М.С. Мицулем. В нем даны не просто какие-то усредненные цифры, а собрана статистика за несколько лет, включая урожайные и неурожайные годы¹⁶⁹. По ходу повествования делается вывод о плодородности сахалинских почв, правда, преподнесен он достаточно неоднозначно: «Вглядываясь ближе в быт этих обывателей, невольно возникает вопрос: каким образом, при отсутствии инвентаря, рабочего скота и даже необходимых земледельческих орудий, возможно ведение хозяйства. Очевидно, что это могло случиться при особенно благоприятных климатических и почвенных условиях, а также при некотором содействии со стороны властей и личной энергии самих поселенцев, которые, в первые годы вынуждены были расчищать и обрабатывать землю ручным способом, что сопряжено с чрезвычайно большими затруднениями»¹⁷⁰. Таким образом, Сахалин не предстает здесь как какая-то земля обетованная, а указывается, что положительных результатов удалось достичь путем координации действий поселенцев и правительства. Причем дальше Василий Иванович отмечает, что в будущем плодотворно вести сельскохозяйственную деятельность будет возможно лишь при наличии хорошего инвентаря и запаса удобрений по той причине, что почва имеет свойство истощаться и не может много лет подряд давать высокий урожай¹⁷¹.

---

¹⁶⁸ РГИА, Ф. 398. Оп. 35. Д. 12505. Л. 37–39.

¹⁶⁹ Власов В.И. Указ. соч. С. 64–70.

¹⁷⁰ Там же. С. 65.

¹⁷¹ Там же.

Похоже описывает ситуацию и М.С. Мицуль. Он пишет о потенциальной плодородности сахалинской земли¹⁷². Причем он дает при этом подробный анализ разновидностей почв, встречающихся на острове, и выделяет их плюсы и недостатки. Таким образом, нельзя сказать, что образ Сахалина как сельскохозяйственной колонии, созданный В.И. Власовым и М.С. Мицулем, был столь однозначным, как думают некоторые исследователи¹⁷³. Василий Иванович и Михаил Семенович указывали на сложные климатические условия острова и подчеркивали, что только при слаженной работе правительства и ссыльнопоселенцев, которые при этом будут снабжены необходимым инвентарем, можно будет достичь поставленных правительством целей. Однако в общественном сознании закрепился только их общий положительный вывод в то время, как сделанные ими критические замечания практически не рассматриваются в литературе. Это и дало повод закрепить за ними идею о плодородности почв острова, хотя общий посыл, сделанного ими доклада был немного другой.

Подобный оптимистический взгляд на будущее сельского хозяйства на Сахалине только развивался в кругу чиновников. Особенно после вступления в должность М.Н. Галкина-Варского, который стал начальником недавно образованного Главного тюремного управления. Скажем несколько слов об этом человеке, чья воля и энтузиазм направляли развитие Сахалина все время его пребывания на посту с 1879 по 1896 г. Михаил Николаевич Галкин-Враской происходил из обеспеченного дворянского рода, что помогло получить ему прекрасное образование и окончить юридический факультет Казанского Университета¹⁷⁴. После обучения М.Н. Галкин-Враской работал чиновником по дипломатической части и в рамках своих должностных обязанностей посетил Хиву, Бухару и берег Каспийского моря. Однако из-за болезни жены он был вынужден оставить службу и перебраться в Европу, где

---

¹⁷² *Мицуль М.С.* Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении С. 145–147.

¹⁷³ *Gents A.A.* The institution of Russia's Sakhalin policy, from 1868 to 1875. Ibid.

¹⁷⁴ *Гридяева М.В.* Михаил Николаевич Галкин-Враской: «Большой тюремщик» или «просвещенный начальник» С. 181.

и заинтересовался местной пенитенциарной системой¹⁷⁵. Он побывал в тюрьмах Англии, Франции, Пруссии, Бельгии и выяснил все тонкости их работы и устройства. Вернувшись в Россию, Михаил Николаевич начал использовать свои знания на практике, и вскоре был принят в Петербургский тюремный комитет. Там он участвовал в создании экспериментальной тюрьмы, которая ставило своей целью исправление арестантов через трудовую деятельность, что по своей концепции очень похоже на те идеи, которые в будущем будет высказывать М.Н. Галкин-Враской относительно Сахалина. Его успехи не остались незамеченными, и он был назначен сначала Эстляндским, а затем Саратовским губернатором, где зарекомендовал себя, как деятельного и ответственного человека¹⁷⁶. И когда правительство начало искать кандидата, который должен был занять пост начальника Главного тюремного управления, что предполагало, в том числе, и изучение вопроса Сахалина выбор был очевиден. Михаил Николаевич сочетал в себе качества талантливого администратора со знанием тюремной системы, с опытом дальних путешествий, который он приобрел на дипломатической службе. М.Н. Галкин-Враской сразу загорелся «сахалинским проектом» и для этого раздела на страницах подконтрольного ему органа печати – «Тюремный вестник» всячески продвигал идею плодородности почв острова¹⁷⁷. Притом он напрямую связывал их с процессом освоения этой территории, подчеркивая, что на данный момент на Сахалине существует 79 новых поселений, часть из которых могут уже обеспечивать себя полностью самостоятельно.

Таким образом, к 90-м годам среди госслужащих уже всюю формировалось представление о плодородности почв острова, этому способствовали, как отчеты специальных комиссий, так и активная деятельность М.Н. Галкина-Враской, который всячески старался продвигать в правительстве «сахалинский проект». Хотя у подобного представления и

---

¹⁷⁵ Там же. С. 182.

¹⁷⁶ Там же. С. 183.

¹⁷⁷ *Галкин-Враский М.Н.* Указ. соч. С. 243–244.

находилось немало противников. Однако если говорить именно о чиновниках, то самые сильные споры велись по этому поводу на начальном этапе формирования планов по освоению Сахалина¹⁷⁸. После комиссии В.И. Власова основная часть госслужащих заняла оптимистическую позицию по этому вопросу.

Именно во время пребывания на посту М.Н. Галкина-Враского образ острова как плодородного региона получил наибольшую силу из-за ограниченности поступающей с Сахалина информации и всесторонней поддержки властей. После ухода Михаила Николаевича по этому представлению об острове был нанесен серьезный удар, о чем будет говориться в анализе пессимистического образа Сахалина. Необходимо отметить, что до конца существования штрафной колонии оставались люди, которые пытались отстоять представление об острове как о возможном сельскохозяйственном центре, но с оглядкой на уже имеющуюся по этому поводу критику.

В этом плане стоит вспомнить Александра Александровича Панова, который был одним из наиболее последовательных поздних защитников позитивного образа острова. К сожалению, известно очень мало об этом человеке. Исследователям удалось выяснить, что он провел на Сахалине 14 месяцев с 1881 по 1882 год¹⁷⁹. Чем же он конкретно занимался на острове пока точно не понятно. Единственное, что известно – это была работа на министерство внутренних дел. Кажется наиболее вероятным, что его деятельность была связана с питейным промыслом, об этом свидетельствует доклад А.А. Панова, хранящийся в ГАРФ «О необходимости заведения казенных продаж питей на о. Сахалин»¹⁸⁰. Первый из известных высказываний

---

¹⁷⁸ *Латышев В.М., Дударец Г.И.* Государственный канцлер А.М. Горчаков и решение Сахалинского вопроса. Указ. соч. С. 299.

¹⁷⁹ *Кудрявцев И.Г.* А.А. Панов о колонизации Сахалина: либеральные иллюзии и реальные факты. // XIII Чеховские чтения. Антон Павлович Чехов и книга «Остров Сахалин» в движении эпох: век XIX – век XXI. Южно-Сахалинск; Южно-Сахалинск, 2010. С. 54–59.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2097.

Александра Александровича на Сахалинскую тему произошло в 1889 году в журнале «Русский вестник», но не встретила там положительного отклика¹⁸¹. Вернется же он к этому сюжету только уже в XX веке, когда начнет отстаивать важность «сахалинского проекта» для Российской Империи. При этом стоит отметить, что делал он это весьма основательно и во всех своих работах привлекал богатые статистические материалы, чтобы подтвердить свою точку зрения. Даже после перехода южной части острова под власть Японии А.А. Панов старается привлечь внимание общественности к Сахалину, подчеркивая как его природные богатства, так и его выгодное стратегическое положение¹⁸².

Возвращаясь к вопросам сельского хозяйства в освещении А.А. Панова нельзя сказать, что на тему плодородности почв он написал что-то новое по сравнению со своими предшественниками. При этом Александр Александрович активно опровергает тот тезис, что чиновники первой волны совсем не разбирались в данной проблематике. Он пишет о том, что М.С. Мицунь весьма успешно работал в области земледелия и даже создал колонизационный фонд, который должен был помочь ссыльнокаторжным обосноваться на новом месте¹⁸³. Однако после смерти агронома его начинание не было должным образом продолжено, а капитал фонда пустили в нецелевое русло, что стало одной из причин тех проблем в сельском хозяйстве, которые зафиксировал в своем отчете А.П. Саломон. В этом случае вина за медленное освоение Сахалин ложится на приемников первых чиновников, а не на В.И. Власова и его подчиненных.

Стоит отметить деятельность Алексея Александровича фон Фрикена, который хотя и критически относился к сельскому хозяйству острова, но предлагал возможные стратегии, которые могли бы поправить существующие положение. К советам Алексея Александровича вполне можно было

---

¹⁸¹ Кудрявцев И.Г. Указ. соч. С. 54.

¹⁸² Панов А.А. Указ. соч. 32 с.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2097. С. 3.

прислушиваться, так как он не только получил образование на сельскохозяйственном отделении Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства, но и проработал несколько лет по специальности на Сахалине¹⁸⁴. Предложение А.А. фон Фрикена состояло в развитии идей М.С. Мицуля по созданию фермерских хозяйств на острове¹⁸⁵. Они должны были иметь в своем распоряжении современные орудия труда, богатый семенной материал и породистый скот, что должно было помочь интенсифицировать процесс выращивания агрикультур. При этом всеми процессами на этих фермах должны заведовать опытные агрономы, которые будут предостерегать их работников от возможных ошибок¹⁸⁶.

Отметим, что позитивное представление о сельскохозяйственном потенциале острова прослеживается в работах чиновников до самых последних дней существования штрафной колонии. Представляется, что подобное положение вещей было связано в первую очередь с надеждами госслужащих на реализацию изначального плана властей по освоению Сахалина. Даже скептики отмечали, что эти идеи были не так безнадежны и земля на острове не сильно отличается от почв материковой России¹⁸⁷. Тем не менее в современном образе Сахалина безраздельно господствует пессимистическая оценка, о чем будет сказано в следующей главе.

Переходя к вопросу о возможных промыслах на острове, надо отметить, что позитивный и негативный образ острова больше размыт, чем в случае с сельским хозяйством. Дело в том, что оба представления подчеркивали невероятные рыбные и ископаемые богатства Сахалина, оба указывали на целый ряд проблем, которые мешают развиваться на полную мощность этим промыслам. Основное различие двух образов будет заключаться в том, что оптимисты верят в возможность легко преодолеть

---

¹⁸⁴ Рыхляковский В.Н. Род фон Фрикенов в России. СПб: Лебедушка, 2012. С. 193.

¹⁸⁵ Фон Фрикен А.А. Записка инспектора сельского хозяйства на Сахалине // Тюремный вестник СПб, 1895. С. 271.

¹⁸⁶ Там же С. 271–272.

¹⁸⁷ Новомбергский Н. Указ. соч. С. 44.

преграды, пессимисты же считают, что необходима полная перестройка системы, чтобы от ресурсов острова была хоть какая-то польза.

Пример такого позитивного подхода можно видеть еще в Высочайшем утвержденном комитете о преобразовании системы каторжных работ, где были вынесены следующие положения о каменноугольных запасах Сахалина.

«Постоянно представляемые высшему правительству заявления местного начальства Восточной Сибири о чрезмерном богатстве каменноугольных залежей на острове Сахалине, в связи с заявлениями о громадной потребности угля в китайских портах, дали комитету полное основание предполагать, что каменноугольные работы на Сахалине, при надлежащем развитии их, обеспечат на долгое время и для значительного числа рабочих рук производительное и выгодное занятие.

По заявлению местного сибирского начальства крайние затруднения при нагрузке угля в Дуэ и отсутствие натуральных бухт на острове Сахалин составляют главное препятствие к распространению сбыта сахалинского угля. В связи с этим комитет признал полезным употребить значительное число рабочих рук на устройство удобных пристаней при сахалинских каменноугольных залежах и на разные содействующие развитию местного каменноугольного производства гидротехнические сооружения»¹⁸⁸. При всей своей заманчивости данное положение нуждалось в уточнении, так как находилось немало скептиков, которые ставили его под сомнение¹⁸⁹.

Исходя из подобных задач одной из целей, которая стояла перед экспедицией В.И. Власова, было изучение геологических богатств острова. Конкретно же ее реализация возлагалась на плечи А.П. Кеппена, на основе работы которого и будет подготовлен финальный отчет, который ляжет на стол правительства. Причем в отличие от других докладов он будет подготовлен только к 1873 году, так как для ясности всей картины были

---

¹⁸⁸ *Кеппен А.П.* Остров Сахалин. Его каменноугольные месторождения и равнивающаяся на нем каменноугольная промышленность Указ. соч. С. 401–402.

¹⁸⁹ *Сколков И.Г.* Указ. соч. С. 48.

необходимы разведывательные работы, которые требовали значительного времени.

Касательно же качества проведенного анализа, то в компетенции Алексея Петровича сомневаться не приходится: за его плечами был Корпус горных инженеров, который он окончил с малой золотой медалью в чине поручика¹⁹⁰. Помимо этого А.П. Кеппен обладал и весьма обширной полевой практикой, работая от Сызрани до хребтов Урала¹⁹¹. После тщательного изучения угольных пластов Сахалина Алексей Петрович пришел к выводу, что скептики ошибались в своих прогнозах, и сахалинский уголь имеет большой потенциал для разработки¹⁹². Причем это были не просто слова помимо всего прочего А.П. Кеппен провел тщательный анализ угольного рынка того времени и с цифрами в руках, показывал, насколько прибыльными могут быть для торговли развивающиеся рынки Китая и Японии¹⁹³.

Единственные минусы, которые видел Алексей Петрович в местном угле это проблемы его транспортировки и добычи, которые организованы совершенно примитивным образом, что непосредственно влияет, как на качество, так и на количество, добываемого на острове угля¹⁹⁴.

Этот доклад являлся в определенной мере важной вехой в истории формирования образа Сахалина, как острова богатого полезными ископаемыми. Теперь это представление укрепилось окончательно и уже не подвергалось какому-то сомнению. Однако после этого пессимисты начали указывать на то, что все эти бесчисленные ресурсы добываются с нарушением всех возможных технологий, что приводит к значительной потере выгоды. Эта точка зрения вскоре возобладала во всех работах, посвященных Сахалину. Наверное, наибольшим оптимистом в этом вопросе является А.А. Панов,

---

¹⁹⁰ *Латышев В.М. Дударец Г.И.* Комиссия В.И. Власова на Сахалине (1871-1872 гг.) Указ. соч. С. 19.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² *Кеппен А.П.* Указ. соч. С. 432.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. С. 354.

который указывает на огромный потенциал угольных и нефтяных месторождений, но и он подчеркивает, что максимальную пользу из них можно будет получить, только при грамотном управлении¹⁹⁵.

Приблизительно в таком же ключе велся разговор об еще одном богатстве острова Сахалин, а именно о рыбе. Тут, в отличие от каменноугольных ресурсов, никогда не возникало вопроса о потенциале данного промысла, так как невероятное количество кеты, осетра и т.д. можно было увидеть невооруженным глазом. И это заметили еще первые комиссии, отправленные на исследования острова¹⁹⁶. И с этого времени образ Сахалина, как места, просто кишашего рыбой, плотно войдет в русское сознание, и будет оставаться в нем и по сей день. Однако и тут нашлось место для критики, о чем более подробно будет описано в следующей главе.

Подводя итоги анализу положительного образа промысловой деятельности на Сахалине, отметим, что он, как и в случае сельского хозяйства, устремлен в будущее. Сначала он заключался в том, что остров невероятно богат ресурсами и стоит лишь правильно организовать их добычу, тогда на штрафную колонию польются огромные богатства. Когда же стало понятно, что этот процесс идет не по плану, риторика немного изменилась, но так и осталась направленной в будущее. Теперь предлагалось наладить добычу полезных ископаемых и рыбы, но при этом еще разобраться с теми, кто мешает это сделать. Например, с угольной компанией «Сахалин» или японскими рыболовами, тогда все сразу наладится. Учитывая, что об этой идее пишет в 1905 году А.А. Панов¹⁹⁷, то можно сделать вывод, что позитивный образ хоть и потерял часть своей силы, но оставался актуальным вплоть до последних дней существования штрафной колонии.

Проведенный анализ текстов делопроизводственной документации, специальных монографий и статей позволил реконструировать представления

---

¹⁹⁵ Панов А.А. Указ. соч. С. 39.

¹⁹⁶ Мицунь М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении С. 223.

¹⁹⁷ Панов А.А. Указ. соч. С. 39.

группы оптимистически настроенных чиновников относительно возможностей развития различных направлений хозяйственного потенциала острова Сахалин.

1.3. Характеристики отдельных групп населения острова Сахалин и условий их жизни в отражении первичной и опубликованной делопроизводственной документации

Среди вопросов, которые необходимо рассмотреть в этом разделе, особое место занимает восприятие госслужащими такой значимой и представительной группы населения острова как ссыльнокаторжные. Именно им уделяется значительное внимание практически во всех материалах, посвященных острову, за небольшим исключением. Дело в том, что очень многое в плане освоения Сахалина держалось на превращении бывших преступников в будущих колонистов. Для этого они должны были пережить духовное перерождение и искупить свои грехи в трудовой деятельности, но даже в самом начале проекта было понятно, что создать необходимые условия для этого будет весьма трудно. Причем, чем больше проходило времени, тем становились яснее те проблемы, которые будут с этим сопряжены. Особенно остро этот вопрос поставили литераторы, которых интересовали не геополитические планы правительства, а обычные люди и их страдания. Чиновники же были вынуждены, так или иначе учитывать эту критику, соглашаясь с ней или высказывая свои возражения, поэтому данная тема является одной из основных в подавляющем количестве трудов по теме. Из-за этой дискуссии было невозможно продвигать полностью идеальный образ каторги, которая меняет каждого человека. Таким образом, даже в позитивном образе признается наличие проблем на Сахалине и предлагаются пути их возможного разрешения. Речь пойдет о том, есть ли на острове подходящие условия для того, чтобы исправить заключенных, или пребывание на нем лишь только больше их развращает.

Одну из наиболее интересных картин по данному вопросу можно увидеть в «Кратком очерке неустройств, существующих на каторге» В.И. Власова¹⁹⁸. В нем Василий Иванович рассказывает о двух заключенных Иване Лапшине и Айзике Шапире. Первый предстает «идеальным» заключенным. После убийства своего отца Иван искал искупления грехов и сам попросил отправить его в 1858 году на Сахалин, тем самым став первым каторжанином на острове. Все свои дни он проводил в труде и молитве, чем заслужил уважение со стороны всех знавших его людей. Вот как заканчивает рассказ об этом труженике В.И. Власов: «Личность Лапшина не должна исчезнуть из истории сахалинской каторги, не потому что она является одним из типов наших народных легенд и преданий, представляющих разбойника кающимся в уединении, в посте, труде и молитве, а потому что этот ивой образ человека ищущего в уединении и труде примирения со своей совестью, должен постоянно носиться перед глазами наших каторжников и постоянно вдохновлять их на подвиг искреннего раскаяния, на что у него доставало терпения и удивительной силы воли»¹⁹⁹.

В свою очередь Айзек Шапира был полной противоположностью Ивану. Никто в точности не знал, за что он угодил на Сахалин, но ходили слухи, что причиной этого служила его деятельность в качестве контрабандиста²⁰⁰. Причем, как говорили для того, чтобы уходить от полиции Айзек пользовался накладными волосами, срезанными им со скальпов попавшихся ему на пути жертв. Попав на каторгу, Шапира совсем не растерялся и продолжил совершать свои злодеяния уже на острове. К том же он получил право на торговлю водкой, что дало ему весьма неплохой доход. На эти деньги Айзек подкупал чиновников и тюремных смотрителей, чем приобрел практически полную свободу²⁰¹. Все его махинации развращали

---

¹⁹⁸ Власов В.И. Указ. соч. С. 28.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же. С. 32.

²⁰¹ Там же.

окружающих его арестантов, чем он непосредственно вредил колонизации острова.

Подобные различия в поведении двух заключенных натолкнули Василия Ивановича на размышления о сильной неоднородности в составе арестантов. И хотя В.И. Власов верил, что можно так организовать штрафную колонию, что большая часть преступников пойдет по стопам Ивана Лапшина, однако в его труде присутствуют два образа, которые в той или иной вариации будут встречаться почти у всех чиновников: каторжанин, ищущий исправления и каторжанин преступник, которому не место в цивилизованном обществе.

Схожие мысли можно видеть и у А.А. Панова. Так, Александр Александрович подчеркивает, что более 60% процентов арестантов попали на остров, убив в процессе самообороны или состояния аффекта, поэтому не являются ужасными злодеями и негодьями²⁰². Делая этот вывод, А.А. Панов указывает, что на каторге находятся и 26% бродяг, которые по своей сути являются рецидивистами и разбойниками²⁰³. Даже если они и не совершали тяжких преступлений, то сам факт их бродячей жизни делает их плохими кандидатами на роль колонизаторов Сахалина. Поэтому Александр Александрович предлагает закрыть им доступ на остров, что, по его мнению, поможет оздоровить общий нравственный климат штрафной колонии. Прослеживается тот образ каторги, которая может исправить своих заключенных, но ей мешает некое меньшинство закоренелых преступников, с удалением которых все начнет работать, как это было задумано изначально.

Подобные же мысли, но чуть в измененном виде высказывает и тюремный смотритель Федор Никифорович Ливин. Но, прежде чем рассмотреть его точку зрения по этому вопросу скажем в двух словах о биографии этого интересного человека, который вместе с М.Н. Галкиным-Враским был известен, как один из главных защитников штрафной колонии.

---

²⁰² Панов А.А. Указ. соч. С. 183.

²⁰³ Там же. С. 103.

Причем, как смотритель тюрьмы он акцентировал основное внимание именно на положении заключенных и их морально-нравственных качествах. Сам же Ф.Н. Ливин был фигурой далеко не однозначной. На Сахалин он попал в 1884 году, имея за плечами долгую карьеру на государственной службе, где он успел поработать в телеграфном и артиллерийском ведомстве, а также в Петербургской полиции²⁰⁴. За время пребывания на острове, которое длилось до 1893 года Федор Никифорович успел поработать в Рыковской, Александровской, Мало-Тымовской, Дуйской тюрьме и даже временно исполнял должность начальника Корсаковского округа²⁰⁵. По долгу службы он пересекался со многими известными заключенными такими как: Л.Я. Штернберг, Б.О. Пилсудский и И.П. Ювачев, которые оставили о нем не самые лестные воспоминания. Так Иван Павлович писал, что «Л-н не может выпить чаю утром, не перепаров предварительно десятка полтора-два каторжных»²⁰⁶.

Несмотря на такую оценку, стоит сказать, что Федор Никифорович в своей работе, пытается ответить критикам на обвинения в жестокости. Он старается показать, что только такими мерами можно держать каторгу в подчинении, ведь стоит дать им волю, как тут же наиболее испорченные из арестантов этим воспользуются. Наиболее ярко он иллюстрирует этот тезис во время рассказа о покушении на себя, совершенным каторжником Маркелом Фалумовым, который по приказу «Иванов» (наиболее авторитетных заключенных) нанес ему три ножевых ранения²⁰⁷. Ливин показывает, что, если бы не твердость, проявленная им по отношению к арестантам, он не смог бы навести порядок в Рыковской тюрьме, а может быть даже и погиб.

Переходя же к тому, как Федор Никифорович рисовал в своем труде арестантов, то надо отметить, что его образ очень похож на те идеи, которые

---

²⁰⁴ Грідяева М.В. «Возмущенный неправдой, проникшей в печать» // Ливин Ф.Н. Записки сахалинского чиновника. Южно-Сахалинск: Корки'С, 2019. С.9.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине... С. 8, 10–12.

²⁰⁷ Ливин Ф.Н. Указ. соч. С.52–55.

встречаются у А.А. Панова. Причем Ф.Н. Ливин обращает особое внимание на важность человеческого достоинства для ссыльнокаторжных и то, что если не унижать его понапрасну, то многие из заключенных могут показать себя, как хорошие работники. Этот тезис он раскрывает на основе рассказа о старостах, которых выбирали из лучших арестантов. Федор Никифорович пишет, что они очень гордились своей должностью, а другие каторжане гораздо усерднее работали под их присмотром, так как не ощущали на себе того нравственного давления, которое они испытывали, трудясь под надзором полиции²⁰⁸.

Вообще идея исправления через труд была близка Ф.Н. Ливину. Он считал, что одна из основных его задач состоит в том, чтобы подготовить ссыльных к освоению Сахалина, вернув им привычку к труду и самодисциплине²⁰⁹. Федор Никифорович при этом признавал, что кому-то надо для этого больше времени, а кому-то меньше. Можно сказать, что он тут выступает даже большим гуманистом, чем А.А. Панов давая право на искупление всем, не исключая из этого списка бродяг и рецидивистов.

Несколько слов надо сказать и о материальной составляющей жизни каторжан, так как она оказывает непосредственное влияние на тот образ ссыльных, который создают госслужащие. Причина этому проста, чем лучше живет заключенный, тем меньше у него будет соблазнов преступить закон для удовлетворения своих потребностей.

Начнем с вопроса питания. Понятно, что положительный образ нацелен на то, чтобы показать, что ссыльнокаторжные едят разнообразно и получают все нужные элементы для своего организма. Примечательно, что подобное восприятие можно увидеть практически только в одной работе. Так, например, тюремный надзиратель Ф.Н. Ливин всячески подчеркивает, что во время его службы заключенные имели сбалансированный пищевой рацион из мяса, рыбы, овощей и хлеба²¹⁰. Причем те, кто должен был отправиться на тяжелые

---

²⁰⁸ Там же. С. 57.

²⁰⁹ Там же. С. 35.

²¹⁰ Там же. С.31.

работы, получали к этому с утра дополнительную порцию рыбы, картофеля и капусты для поддержания своих сил²¹¹. Стоит думать, что это не пустые слова, потому что через несколько страниц Ф.Н. Ливин приводит документ, где качество подаваемой в его Рыковской тюрьме пищи и хлеба названы превосходными²¹².

Федор Никифорович подчеркивает, что многое менялось в тот момент, когда преступник выходил из тюрьмы. В это время помощь от государства сильно сокращалась, ссыльнопоселенец должен был рассчитывать на свои силы в обеспечении своего пропитания. Для этого ему выделялся земельный надел, который должен был стать его кормовой базой и средством для дальнейшего освоения острова. Тут повторяется идея, которая была высказана Ф.Н. Ливиним до этого: на Сахалине можно жить хорошо, но для этого надо трудиться, а не прозябать в лени, как делают многие арестанты.

С одеждой все еще сложнее, если касательно еды еще можно было найти образ близкий к идеалу, то тут даже у Федора Никифоровича есть много нареканий по этому вопросу. Чтобы хоть как-то решить проблемы с нехваткой формы в своей тюрьме, он перешивает старые армяки и вещи умерших, а также холщовые мешки, что снабдило заключенных дополнительными куртками. Такие действия позволили ему хоть как-то выйти из положения²¹³, но это скорее похоже на экстренные меры, чем на идеалистическую картину изобилия. Можно отметить, что положительный образ и признавал проблемы с одеждой, и указывал, что при определенной смекалке их можно, если не разрешить, то хотя бы серьезно облегчить.

Схожий нарратив виден по вопросу жилищного строительства на острове. Он распадается на две части, касающиеся заключенных и ссыльнопоселенцев. Если говорить о состоянии тюремных помещений, то надо сказать, что их положительный образ встретить достаточно трудно. Даже

---

²¹¹ Там же. С. 34.

²¹² Там же. С. 40.

²¹³ Там же.

М.Н. Галкин-Враской, один из главных идеологов сахалинского проекта весьма скупое освещает этот вопрос, просто перечисляя то, что необходимо сделать для улучшения условий содержания заключенных. Приведем пример одного из таких пунктов: «Необходимо возвести во всех тюрьмах внешнюю ограду (в некоторых ее вовсе нет), а также обнести забором помещения, отделенные под тюремные больницы»²¹⁴. Ф.Н. Ливин в своих записках отмечает, что с началом его вступления на должность многие из существующих зданий были улучшены²¹⁵. Так, Федор Никифорович подробно пишет о том, как готовил материалы и проводил перестройку тюремных бараков для их расширения и увеличения удобства каторжан²¹⁶. Очень гордится Ф.Н. Ливин и устройством в своей тюрьме отхожих мест с хорошей вентиляцией, что помогло, вместе со строгим графиком уборки помещений поддерживать чистоту тюрьмы на должном уровне. Но стоит отметить, что, всячески подчеркивая свои достижения, Федор Никифорович достаточно критично относился к состоянию пенитенциарных учреждений на острове, так он даже отселял прибывших из других тюрем, заключенных в отдельные камеры, пока они не отмоются и не выучат основные правила гигиены²¹⁷.

С позитивным образом жилищ ссыльнопоселенцев все достаточно трудно. Наиболее оптимистический взгляд на этот вопрос встречается у М.Н. Галкина-Враского. Он пытается показать Сахалин, как развивающуюся колонию, которая привлекает все большее количество населения. Михаил Николаевич хвастается увеличением количества поселений и их благоустройством²¹⁸.

Схожую картину можно видеть и у В.И. Власова. Однако он подчеркивает, что, несмотря на развитие новых хозяйств, ссыльные часто не могут воспользоваться всеми предоставленными им возможностями и часто

---

²¹⁴ Галкин-Враский М.Н. Указ. соч. С. 240.

²¹⁵ Ливин Ф.Н. Указ. соч. С. 27.

²¹⁶ Там же. С. 28–30.

²¹⁷ Там же. С. 39.

²¹⁸ Галкин-Враский М.Н. Указ. Соч. С. 244.

случается, что даже поставленное в хорошем месте жилье быстро приходит в негодность из-за нерадивого владельца²¹⁹.

Подводя итоги анализа жилищного вопроса, стоит отметить, что положительные оценки представлены достаточно слабо. Скорее говорится о том, что этот вопрос находится в стадии своего разрешения, и при удачном стечении обстоятельств через несколько лет Сахалин заполнят процветающие поселения, жители которых будут трудиться на благо острова.

Рассматривая оценки чиновников оптимистов условий жизни населения острова, надо упомянуть об их взглядах на инфраструктуру Сахалина. Дело в том, что, изучая разные источники, можно наткнуться на два совершенно противоположных представления об острове. Отчетливее всего это видно на примере дорог, которые описываются, либо как одни из лучших на Дальнем Востоке, либо, как непролазные болота. Однако, такие категоричные суждения встречаются, главным образом у иностранных литераторов или авторов, которые не столь долго пробыли на острове. У госслужащих, которые немало поездили по Сахалину, картина скорее более смещенная. Вот, что по этому поводу пишет начальник тюремного управления А.П. Саломон «В долине Арково, затем по переезде через Камышинский перевал от Армудана на Дербинское и Рыковское, едешь по превосходной дороге, которая местами сделала бы честь окрестностям столицы. Мосты через речки построены солидно с прекрасными раскосами. Все до балясины включительно носит на себе отпечаток тщательной работы²²⁰». Однако сразу после этого Александр Петрович замечает, что вторая половина дорог находится в абсолютно ужасном состоянии. И из некоторых населенных пунктов выбраться можно только по болотам на ходулях²²¹. И чем дорога находится дальше от глаз начальства, тем она, обычно, прибывает в худшем состоянии. Особенно это фатально для новообразованных поселений, которые

---

²¹⁹ Власов В.И. Указ. соч. С. 64.

²²⁰ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 177.

²²¹ Там же.

нуждаются в огромном количестве вещей от продовольствия до строительных инструментов. Но из-за форсированного освоения Сахалина многие из них находились в настолько удаленных уголках острова, что добраться до них можно было только речным транспортом²²². Таким образом, значительную часть года жившие там ссылки оставались без помощи. И нет ничего удивительного, что при первой же возможности они старались вырваться хотя бы в Александровск или Корсаков, что приводило к быстрому запустению новообразованных поселений и ухудшению их дорожной сети.

Единственный чиновник, который полностью воссоздает положительный образ, это М.Н. Галкин-Враской, который настаивает, что дороги между населенными пунктами на острове лучше, чем в большей части континентальной России²²³, однако остальные госслужащие склоняются больше к взглядам А.П. Саломона.

Если перейти к вопросам таких важных общественных учреждений, как школы и больницы, то у чиновников нет идеального образа этих важных инфраструктурных объектов. Максимум можно увидеть смешанные образы, которые отмечают, что постепенно финансирование увеличивается, и возможно в будущем при правильной политике можно будет преодолеть имеющиеся проблемы²²⁴. Авторы об этом пишут не очень уверенно, поэтому можно констатировать, что образа Сахалина, как места с развитой инфраструктурой, в трудах чиновников практически не существует.

Важной частью жизни заключенных являлись каторжные работы. В идеальном образе, который создают чиновники принудительный труд должен был не сколько наказывать преступника, сколько способствовать его исправлению²²⁵. К этому добавлялось то соображение, что, постоянно находясь в тюрьме, арестант деградирует физически и морально, утрачивая способность к продолжительному труду. Каторжные же работы позволяют

---

²²² Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 124.

²²³ Галкин-Враской М.Н. Указ. соч. С. 244.

²²⁴ Панов А.А. Указ. соч. С. 86.; ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 222.

²²⁵ Власов В.И. Указ. соч. С. 28.

держат заключенного в тонусе, чтобы по выходу на поселение он мог успешно приступить к ведению своего хозяйства, что было основой плана правительства по освоению острова.

Сами работы делились на два основных типа урочные и безурочные. Последние должны были выполнять каторжники, которые обладали знаниями какого-либо ремесла необходимого колонии. Время их работы нормировалось от времени года. И составлял от 8 до 14 часов с часовым и трехчасовым перерывом соответственно²²⁶. Исключение из этого списка составляют только портные и сапожники, которые имели определенные уроки, то есть фиксированный объем работы. Первые должны были сшить за день армяк или четверо шаровар, или три рубахи, четверо порт, пять шапок и пять пар рукавиц. Вторые одну пару котов или одну пару бродней²²⁷.

Те же, кто не знает никаких ремесел, должны выполнять работу чернорабочих. Главным образом, она заключается в транспортировке разнообразных грузов, основными из которых являются: вода, уголь, кирпич, дрова и бревна. Последние, представляют наибольшую сложность, так как перед тем, как доставить его в поселение было необходимо еще найти и срубить, что было весьма непросто. И с каждым годом эта задача только усложнялась, так как граница леса все дальше и дальше удалялась от поселения.

Сыльнокаторжных отправляют на работу в каменоломни и для строительства дорог, а также для уборки улиц и помещений от снега и мусора. В этом случае какой-то строгой нормы не существует и определение урока ложится на плечи начальства²²⁸.

В оптимистическом образе подобную вариативность рассматривали положительно, так как каждый мог заниматься тем, к чему имел физическую и духовную склонность. К тому же тщательное выполнение своих

---

²²⁶ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 49.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. С. 50.

обязанностей всячески поощрялось. Так, Федор Никифорович пишет, что при распределении уроков, он старался поддержать инициативность и трудолюбие своих заключенных. Так перед раскомандировкой на работу при построении выносилась благодарность хорошим работникам, а плохим устраивался выговор. Особо отличившиеся могли даже стать тюремными старостами, что давало им больше прав по сравнению с другими арестантами²²⁹. Это, по мнению Ф.Н. Ливина, должно мотивировать каторжан ценить свой труд, что может им помочь при выходе на поселения.

Вообще в восприятии госслужащими рассматриваемой группы каторжные работы оцениваются ими лишь как начальный этап, который должен подготовить будущих колонизаторов острова²³⁰. К этому нередко добавляется сравнение обычного заключенного и бродяги. Первый пытается наладить свою судьбу и искупить совершенные грехи, второй же ведет лишь деструктивный образ жизни, уваливает от работы и занимается воровством, что в итоге пагубно отражается на всем сахалинском проекте.

Переходя к вопросу об образе работающих на острове чиновников, надо отметить, что позитивная его часть скорее строится на опровержении критики, которая появлялась в прессе после публикации «Острова Сахалин» А.П. Чехова. До этого вопрос о компетентности кадров ставился вскользь и очень редко кто-то из чиновников удостоивался особой похвалы. Хотя и бывали такие случаи, так в докладе В.И. Власова отмечается усилия М.С. Мицуля по устройству сельскохозяйственных ферм на Сахалине²³¹.

Но, как было сказано выше, после обрушившейся на чиновников критики они были вынуждены противопоставить что-то тому негативному образу, который начал складываться в общественном сознании. Так «Записки сахалинского чиновника» Ф.Н. Ливина создавались, во многом для того, чтобы ответить А.П. Чехову на его замечания о местных госслужащих.

---

²²⁹ Ливин Ф.Н. Указ. соч. С. 35.

²³⁰ Власов В.И. Указ.соч. С. 28; Ливин Ф.Н. Указ. соч. С. 37; Панов А.А. Указ. соч. С. 103.

²³¹ Власов В.И. Указ соч. С. 70.

Причем Федор Никифорович, соглашается с некоторыми замечаниями, приведенными на страницах «Острова Сахалин», но подчеркивает, что данные перегибы результат не злой воли, а простой необходимости. Тем самым он создает образ чиновника, который предан своей работе, но вынужден применять непопулярные меры для наилучшего разрешения возникающих проблем. Отчетливее всего эта позиция проявляется в вопросе о телесных наказаниях.

Ф.Н. Ливин считает, что как поощрение, так и наказание служат важными инструментами для того, чтобы держать заключенных в повиновении. Причем, по его, мнению, на арестантов больше действует даже не сама физическая боль, а позор от проводимой публично экзекуции²³². Нередки были случаи, когда каторжане просили заменить им наказание на более жестокое, главное, чтобы это не видели другие люди. Система же поощрений дает ссыльным почувствовать результаты своего труда, что дает им дополнительную мотивацию для работы. Последняя же была очень важна, так как Федор Никифорович ставил своей основной задачей воспитать из заключенных будущих колонистов, которые активно включатся в процесс освоения острова²³³.

И дисциплина в этом случае была очень важна, так как без нее арестант очень быстро отучается от регулярного труда и по выходу на поселения уже не может создать крепкое домохозяйство. Более того, по мнению, Ф.Н. Ливина без должного контроля каторжане легко снова становятся на путь преступления и потом их сложно заставить подчиняться приказам. Как подтверждение своих слов Федор Никифорович рассказывает о покушении, совершенном на него во время его работы в Александровской тюрьме. По приходу на должность он нашел это пенитенциарное учреждение в полном беспорядке и начал наводить в нем необходимую дисциплину²³⁴. Это не

---

²³² Ливин Ф.Н. Указ. соч. С. 37.

²³³ Там же. С. 35.

²³⁴ Там же. С. 53.

понравилось местным «Иванам» (авторитетным сидельцам), и они подговорили заключенного Маркела Фолумова напасть на Ф.Н. Ливина с ножом. Последний хотя и получил несколько ранений смог убить нападавшего. После же выписки из больницы он продолжил свои реформы и привел Александровскую тюрьму к порядку. Удалось же ему это сделать по той причине, что он не уступил и показал каторжным силу своего характера, что очень ценится в арестантской среде. Поэтому, хотя Федор Никифорович и пишет о том, что дисциплинировать ссыльнокаторжных надо не только грубой силой, однако, в некоторых случаях, это единственное средство, которое помогает держать тюрьму в повиновении²³⁵.

Остальную часть образа положительного сахалинского чиновника можно достроить на основе решения ими тех проблем, которые разбирались выше. Так, например, предлагалось, в случае если не было одежды, решить эту трудность таким образом: перешить армяки умерших. Если каторжанам не хватало сил для работы, то выдать им дополнительный паек и т.д. По итогам проведенного анализа, чиновник предстает скорее в образе строгого, но справедливого человека, готового решать трудности при ограниченных средствах.

Еще один образ чиновника, который можно найти в источниках, нельзя назвать ни положительным, ни отрицательным, так как в нем наблюдается строгая критика и похвала некоторых госслужащим. Наиболее характерный пример подобного подхода – это рассказ А.А. Панова о судьбе колонизационного фонда²³⁶. В ней он отмечает, что пока заведовал им преданный своему делу М.С. Мицуль, все шло как по маслу, но стоило ему умереть, как на смену Михаилу Семеновичу пришли нерадивые коллеги, которые развалили все начинание агронома.

---

²³⁵ Там же. С. 37.

²³⁶ ГАРФ. Ф. 730 Оп. 1. Д. 2097.

Схожая дискуссия ведется вокруг М.Н. Галкина-Враского и А.П. Саломона²³⁷. Наиболее открыто пишет об этом Н.Я. Новомбергский, посвящая этому вопросу значительную часть своей книги. Другие авторы также затрагивают косвенно эту проблемы²³⁸, ведь любое рассуждение о плодородности почв или успехах в заселении Сахалина заставляет вспомнить совершенно противоположные мнения по этим вопросам глав тюремного управления. В подобных разборах фигура М.Н. Галкина-Враского, как ответственного за развитие Сахалина на протяжении последних лет подвергается серьезной критике. Михаил Николаевич предстает увлеченным человеком, который решил преобразить остров, но выбрал для этого неправильную тактику, следуя которой он гнался за формальными показателями и внешним благополучием, не обращая внимания на внутренние проблемы, которые сводили на нет практически все его усилия. Поэтому, когда М.Н. Галкин-Враской покинул свой пост его приемник, настроенный к «сахалинскому проекту», сразу увидел целый ряд важных недоработок, тормозящих развитие Сахалина.

Таким образом, подводя итоги реконструкции представлений госслужащих-оптимистов о чиновниках разного ранга и профиля, можно сказать, что практически нигде Сахалин не предстает островом под контролем профессиональных управленцев, которые ведут его к процветанию. Что-то подобное можно увидеть в представлениях М.Н. Галкина-Враского и Ф.Н. Ливина, но и то с очень большими допущениями. В основном же, сколько-нибудь позитивный образ чиновника строился на отрицании негативных представлений о них. Можно сделать вывод, что авторы пытались доказать, что на Сахалине не все так плохо и среди чиновников есть много грамотных специалистов, которые могут направить процесс развития острова в правильное русло.

---

²³⁷ Новомбергский Н.Я. Указ. соч. С. 41.

²³⁸ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин С. 116; Дриль Д.А. Ссылка во Францию и России. СПб. Издание Л.Ф. Пантелеева., 1899. С. 71.

Последняя часть представлений чиновников-оптимистов о различных группах населения и условиях их быта и жизни связана с их восприятием коренного населения острова (айнов, ороков, гиляков). Надо сказать, что по этой проблеме чиновниками написано не так много, однако представление об «инородцах», как о естественных союзниках русского населения было достаточно популярно еще в 60-70 гг. XIX века. Одним из первых эту идею высказал лейтенант Николай Васильевич Рудановский. Он попал на остров на подготовительном этапе его освоения в 1853 году в составе экспедиции Г.И. Невельского и был оставлен на Сахалине вместе с майором Н.В. Буссе для укрепления Муравьевского поста и разведки территории²³⁹. В его задачу входило вступить в контакт с местными жителями и расположить их к себе.

Николай Васильевич отмечает подчиненное положение айнов по отношению к японцам и недовольство некоторых из «инородцев» подобным состоянием дел²⁴⁰. К этому еще добавляется высокомерие японцев, которые не желают делиться с «варварами» своей культурой, в том числе и письменностью, что только усиливает противоречия между ними и коренными жителями Сахалина. Но ситуация может измениться, так как «Империя восходящего солнца» все больше становится обеспокоена нарастающим влиянием России на Дальнем Востоке, что может подтолкнуть ее на изменение политики взаимодействия с айнами. Чтобы привлечь последних на свою сторону Н.В. Рудановский предлагает закупить целый ряд товаров для обмена с «инородцами». Главным образом это разнообразные инструменты и украшения, а также продукты питания, которые могли бы конкурировать с японской продукцией²⁴¹.

---

²³⁹ Латышев В.М., Дударец Г.И. Н.В. Рудановский – пионер изучения Южного и Среднего Сахалина // Н.В. Рудановский. Записки об острове Сахалин и его коренных жителях 1853-1857 гг. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2020. С.7.

²⁴⁰ Рудановский Н.В. Записки об острове Сахалин и его коренных жителях 1853-1857 гг. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2020. С.7.

²⁴¹ Там же. С. 58.

И хотя к 1853 году еще не планировалось открытого противостояния с Империей восходящего солнца, подобны настроения среди айнов, не остались без внимания со стороны правительства.

Схожие мысли с Николаем Васильевичем высказывает и В.И. Власов. Он отмечает эксплуатацию айнов со стороны японцев, которые за незначительные подарки покупают их труд для помощи в вылове рыбы и добыче даров моря²⁴². Этот промысел очень важен для Империи восходящего солнца, так как используется не только в пищу, но и для удобрения и при правильном ведении дел, русские колонисты вместе с «инородцами» вполне могли бы извлечь из данного положения вещей прибыль.

Помимо айнов Василий Иванович пишет еще о гиляках и ороках. Последние, по его мнению, находятся под влиянием японцев, обменивая свои товары на спирт и sake²⁴³. Гиляки же, так как живут на севере больше находятся под влиянием русского населения и ведут с ним активную торговлю. Главным образом их интересуют товары, которые могли бы пригодиться им на охоте и рыбалке²⁴⁴, что можно было использовать для налаживания с ними отношений.

Можно сказать, что на первых порах чиновники верили в образ освободителей коренных народов, которые должны были в благодарность помочь русским обжиться на Сахалине. К этому добавлялись широкие возможности по развитию торговли с «инородцами», которые достаточно легко могли расстаться с ценными мехами в обмен на промышленные товары. Однако, чем дальше шло освоение острова, тем яснее становилось, что в этом вопросе очень много подводных камней, которые очень сильно повлияли на положительный образ, который создавался вокруг отношений русского и коренного населения острова, о чем будет сказано в следующей главе.

---

²⁴² Власов В.И. Отчет по исследованию острова Сахалин и предположения об устройстве на нем пенитенциарных колоний... С. 85.

²⁴³ Там же. С. 84.

²⁴⁴ Там же. С. 85.

Подводя выводы по первой главе диссертации надо отметить основные аспекты, которые определяют формирование и становление положительного образа Сахалина в трудах госслужащих. Важной его чертой является то, что он по большей своей части был направлен на описания не настоящего, а будущего острова. Так чиновниками уделялось много внимания тем перспективам, которые могла получить Российская Империя при правильном освоении Сахалина. Особенно сильна эта идея в восприятии первых госслужащих, побывавших на острове. Им представлялось, что надо сделать совсем еще немного, чтобы воспользоваться богатыми ресурсами сахалинской земли, начиная от посевов пшеницы, заканчивая нефтью и золотом. Этот взгляд диктовал и практические шаги правительства, которое хотело как можно скорее реализовать эти планы, поэтому на остров направлялся все больший поток рабочих рук, вкладывались все большие деньги, так как, казалось, что лишь этого не хватает для воплощения в жизнь «сахалинского проекта».

Однако проходили года, а идеальный образ Сахалина, так и был далек от завершения, но он все еще был устремлен в будущее, правда его риторика немного поменялась. Теперь госслужащие писали, что на острове существуют объективные проблемы, но их можно решить и тогда Сахалин станет важной опорой для страны на Дальнем Востоке. Наиболее ярко это мировоззрение можно наблюдать в трудах Ф.Н. Ливина и А.А. Панова, которые предлагают разнообразное решение тех проблем, которые существуют на острове. Однако, надо признать, что к началу XX века подобную риторику разделяло не так много чиновников. Отчетливо видно, что негативный образ Сахалина начинает превалировать в сознании госслужащих. Это обернулось разочарованием в «сахалинском проекте» и становилось все меньше людей, которые готовы были жертвовать свои силы и время на развитие штрафной колонии. И даже, когда в начале XX века на острове начали происходить положительные изменения, многие чиновники смотрели на это, как на

«сизифов труд» по спасению уже провалившейся инициативы²⁴⁵. В их рассуждениях все большее место начинал занимать пессимистический образ Сахалина, о чем будет идти речь в следующей главе.

---

²⁴⁵ *Панов А.А.* Указ. соч. С. 9.

Глава 2. Методики анализа персональных оценок чиновников-пессимистов опыта колонизации острова Сахалин середины XIX – начала XX в.

Переходя к этой главе, стоит отметить, что она отличается от предыдущей тем, что в первой части анализировались «проекты» будущего Сахалина в восприятии и ожиданиях госслужащих, то есть, по большей части, в оставленных ими текстах показано, каким Сахалин мог бы стать. В данной же главе речь пойдет об особенностях восприятия опыта самого процесса колонизации острова так называемыми пессимистично настроенными чиновниками, которые концентрировали внимание на том, каким остров являлся на тот момент, когда они там находились и были очевидцами происходящих процессов. В задачи главы входит показ процедуры выявления из текстов источников и реконструкции системы персональных оценок, аргументов и мнений о процессе колонизации острова по уже сформулированной схеме, включающей аспекты хозяйственного потенциала острова и социальные характеристики населения Сахалина.

Стоит указать, что пессимисты, в отличие от оптимистов были больше настроены донести свою точку зрения до читателей. По этой причине они не ограничивались делопроизводственными документами, а писали специальные работы и статьи, нацеленные как на своих коллег – госслужащих, так и просто на интересующихся темой людей. Хотя надо отметить, что их произведения носили скорее научный и в некоторой мере полемический характер. Это отличает их от трудов литераторов, которые мог читать неподготовленный человек и хорошо понимать суть происходящего. Для пессимистов же характерно обращение к другим работам по «сахалинскому проекту» без знания которых некоторые их рассуждения могут ускользнуть от читателя.

2.1. Аргументация успехов и неудач опыта развития земледелия, добывающих и рыбных промыслов на острове в отражении архивной делопроизводственной документации и опубликованных свидетельств чиновников

На первых этапах освоения Сахалина господствовал оптимистический взгляд на сельскохозяйственный потенциал острова, но к 90-м годам позапрошлого века в восприятии чиновников—произошли существенные изменения. Приведем название главы из труда работника министерства внутренних дел Николая Яковлевича Новомбергского, которая ярко иллюстрирует те вопросы, по поводу которых в то время велось оживленное обсуждение: «Глава III. Мнение г. Галкина-Враского о колонизации острова и ее успехах; его аргументация и действительность; мнение о том же гг. Саломона и фон-Фрикена; общие условия земледелия и их значение урожайности, и ее отношение к обеспеченности населения»²⁴⁶.

Обратим внимание на ту оппозицию, которая обозначена в этом названии между старым и новым начальником тюремного управления г. Галкиным-Враским и гг. Саломоном. Скажем несколько слов о последнем, чтобы понять, что за человек сменил на посту Михаила Николаевича. Александр Петрович Саломон, как и его предшественник, происходил из дворянской семьи. Получил престижное образование в Императорском Александровском лицее²⁴⁷, но дальше он избрал более привычную для дворян траекторию и поступил на военную службу. Участвовал в русско-турецкой войне, где был награжден орденом Анны 4 степени за храбрость и орденом св. Станиславом 3 степени с мечом и бантом²⁴⁸. После окончания войны получил должность в министерстве внутренних дел и вскоре дослужился там до секретаря совета по тюремным делам. После этого был назначен секретарем

---

²⁴⁶ *Новомбергский Н.Я.* Указ. соч. С 41.

²⁴⁷ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 1198.

²⁴⁸ Там же.

Ее Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской²⁴⁹. А непосредственно перед тем, как сменить в 1896 году М.Н. Галкина-Враского на посту начальника Тюремного управления два года занимал должность в кустарном комитете земледелия и государственных имуществ. Александр Петрович, как и Михаил Николаевич, обладал богатым опытом в разных сферах, которые были необходимы для работы на Сахалине от тюремного дела до вопросов земледелия. И все эти навыки пригодятся ему во время исполнения свои новых должностных обязанностей.

А.П. Саломон, сменив на посту своего коллегу, отправился на Сахалин для того, чтобы проверить положение дел на острове. И для этого у него были весьма веские основания. Во-первых, правительство было недоволено тем, что при огромных вложениях в развитие Сахалина он так и не достиг того уровня развития, на который рассчитывали изначально. Во-вторых, сильное недовольство исходило от общественности, которая после «Острова Сахалин» А.П. Чехова и начала отправки политических преступников на каторгу стала все сильнее интересоваться положением дел на острове.

По результатам своей поездки А.П. Саломон составил доклад, который по своим выводам в корне отличался от того, что написано у М.Н. Галкина-Враского. Посмотрим, какие же проблемы, связанные с вопросами земледелия, выделил Александр Петрович после посещения Сахалина.

Прежде всего, они касаются отправки на остров людей не пригодных к земледельческому труду и нуждам колонизации. В этом последнем отношении особенно вредной представляется ссылка на Сахалин бродяг. Для Кавказских горцев и уроженцев Туркестанского края такая ссылка, во многих случаях, равносильна приговору к медленной смерти. Далее следует отметить проблему, связанную с количеством годной к посадке сельхоз культур земли, обрабатываемой существующими хозяйствами, крайне недостаточно. Точных сведений о размерах запаса таких земель для будущих поселений не имеется.

---

²⁴⁹ Там же.

Кроме того, климатические условия острова неблагоприятны для ведения хозяйства традиционными способами, привычными для русского крестьянства, а специальных, пригодных для Сахалина приемов хозяйства не было выработано. Наконец, А.П. Саломон особо выделил проблему, связанную с тем, что общественная организация поселений, условия землепользования, права собственности на недвижимое имущество и вообще гражданский быт поселенцев не нормированы²⁵⁰.

Каждый из этих пунктов непосредственно направлен на разрушение того образа, который старательно формировался вокруг Сахалина за последние четверть века. Если посмотреть на то, как позиционировался остров до этого, то увидим, что в центре всего была идея экстенсивного развития. Это объяснялось тем, что пригодной земли на Сахалине много, а опасность со стороны Англии, США и Японии никто не отменял. Было необходимо заселить как можно больше территорий в самое короткое время. В этом пункте совпадали стремления сторонников колонизации и чиновников министерства иностранных дел. Тем более после отчетов М.Н. Галкина-Враского и М.С. Мицуля препятствий к такому развитию событий не было. Недаром Михаил Николаевич в своей статье хвастался 79 созданными на острове поселениями²⁵¹. Но что происходит через несколько лет? Эти 79 новых населенных пунктов ставятся уже не в заслугу, а в укор бывшему начальнику тюремного управления. Начинает формироваться новый образ, который отражает не быстро развивающуюся колонию, а остров с суровым климатом, заселение которого носит во многом насильственный характер и происходит без какого-то плана и стратегии. К этому добавляется и правовая необеспеченность поселенцев, которые из-за всяческих бюрократических условностей не могут почувствовать себя полноправными хозяевами своей земли.

---

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 222–224.

²⁵¹ *Галкин-Враский М.Н. Указ. соч. С. 243–244.*

Важным отличием является еще одно расхождение между двумя планами освоения Сахалина. Если в первом случае была дана установка на привлечение максимального количества людей для ускорения колонизации, то у А.П. Саломона эта идея вызывает скепсис. Он указывает на то, что многие из отправленных на остров никак не подходят для ведения сельского хозяйства и только тормозят освоения земель, так как занимают и без того немногочисленные плодородные территории.

Тезис же о суровом климате Сахалина не является чем-то новым по сравнению с докладом В.И. Власова, просто на этом акцентируется больше внимание, из-за чего сложилось мнение, что до этого подобные замечания почти не высказывались, что совершенно не верно.

Негативную картину сельскохозяйственного развития на острове дополнил уже упомянутый Н.Я. Новомбергский. Но перед тем, как познакомиться с его взглядами на данную проблематику познакомимся поближе с этой примечательной личностью. Хотя материал о сахалинской каторге Николай Яковлевич собирал, будучи на государственной службе, однако по своему характеру он был скорее ученый и писатель, чем чиновник, что ярко видно по его биографии. Так, закончив в варшавском университете курс юридических наук Н.Я. Новомбергский активно начал сотрудничать с разными изданиями публикуя там свои статьи по юриспруденции и этнологии²⁵². У него выходили и отдельные работы, в том числе, «Остров Сахалин» из-за которой он даже был отстранен с должности. Но это не сильно его опечалило, и Николай Яковлевич смог заняться наукой и преподаванием, что его гораздо больше привлекало²⁵³. Н.Я. Новомбергский при сравнении с другими группами современников по своему мировоззрению был ближе к литераторам и ученым, чем ко многим чиновникам, что сильно отразилось на его работе, которая была написана достаточно в критичном тоне.

---

²⁵² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Новомбергский,_Николай_Яковлевич. (дата обращения 19.06.2022)

²⁵³ Там же.

Однако, несмотря на это, нельзя сказать, что Николай Яковлевич концентрируется только на негативе. Так он отмечает, что почва Сахалина ничуть не хуже, чем во многих регионах России²⁵⁴, однако тут Н.Я. Новомбергский подчеркивает одно важное отличие. Если в каком-нибудь Якутске местные жители знают, как возделывать подобные земли и какие культуры надо для этого использовать, то в штрафную колонию свозятся заключенные со всей страны, которые до этого могли совсем не заниматься сельским хозяйством, что приводит к ошибкам в посевных работах, а как итог – к незначительным урожаям. Помимо этого, он добавляет, что при схожести почв Сахалину очень вредит переменчивый климат с большим обилием осадков, который не пригоден для выращивания таких стандартных для центральной России культур, как рожь и пшеница²⁵⁵.

Рассмотрев эти два основных взгляда и две оценки сельскохозяйственного потенциала Сахалина, может сложиться впечатление, что они диаметрально противоположны друг другу. И идея о том, что В.И. Власов и М.Н. Галкин-Враской только хвалили почвы острова, а их противники только их ругали достаточно плотно войдет в общественное сознание. Подобная дихотомия наблюдалась уже в названии глав у Н.Я. Новомбергского. Но, на наш взгляд, все авторы писали об одном и том же, только они по-разному расставляли акценты в своих работах. Так, Василий Иванович прямо говорил в своем докладе, что для правильной посадки урожая «требуются более обстоятельные знания по сельскому хозяйству, чем те, которыми обладают местные распорядители²⁵⁶». Что это, как не предвосхищение мыслей Н.Я. Новомбергского и А.П. Саломона о разработке той системы земледелия, которая будет подходить именно для условий Сахалина?

---

²⁵⁴ *Новомбергский Н.Я.* Указ. соч. С 44.

²⁵⁵ Там же. С. 45.

²⁵⁶ *Власов В.И.* Отчет по исследованию острова Сахалин и предположения об устройстве на нем пенитенциарных колоний Указ. соч. С. 68.

Переходя к анализу оценок чиновниками возможностей развития разнообразных промыслов на Сахалине, надо повторить, что если в огромном количестве рыбы не было никаких сомнений, то касательно наличия полезных ископаемых, в отсутствии геологоразведочных данных, не было единого мнения и велась определенная дискуссия.

Так, например, как следует из текста рапорта генерал-адъютанта Ивана Григорьевича Сколкова, возглавлявшего одну из первых комиссий по исследованию Сахалина императору Александру II, был настроен по этому поводу весьма скептически. Он указывал на то, что возведение шахт – это сложный и дорогостоящий процесс, который требует для своего функционирования достаточно больших денежных вложений²⁵⁷. Это усугубляется к тому же островным положением Сахалина, из-за чего требуется дополнительное финансирование для строительства погрузочных портов. В связи с этим И.Г. Сколков сомневается в том, что прибыль от добычи угля сможет покрыть все необходимые расходы. Хотя при всех этих критических замечаниях указывается, что на данный момент многое из того, что касается угольных залежей Сахалина, остается неисследованным, и не исключается возможность того, что новые месторождения сделают эти выводы несостоятельными²⁵⁸. Что во многом и произошло после доклада А.П. Кепенна, который на основе своих данных показал всю возможную выгоду от добычи полезных ископаемых.

После этого вопрос об огромных запасах угля на острове уже не обсуждался. И даже непримиримый критик А.П. Саломон не только не ставил это положение под сомнение, но и добавлял к этому, что последние разведывательные работы указывают на наличие на острове богатых залежей нефти и золота²⁵⁹. Но, несмотря на все это Александр Петрович весьма скептически относился к перспективе развития региона в этом направлении.

---

²⁵⁷ Сколков И.Г. Указ. соч. С. 48.

²⁵⁸ Там же. С. 49.

²⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 194.

Дело в том, что все упирается в этот, казалось бы, легко преодолимый недостаток, как непосредственная добыча ископаемых из недр острова. И что примечательно из года в год эта проблема только усугублялась.

Наиболее сильную критику существующего положения вещей можно найти у А.А. Панова, тексты которого, в прошлой главе, использовались для иллюстрации оптимистического взгляда на промышленное хозяйство острова. Но делая в итоге обнадеживающие выводы, Александр Александрович при этом рисует такую картину настоящего, которая скорее характеризуется как пессимистическая. И это еще раз подчеркивает сложность восприятия этого вопроса госслужащими.

А.А. Панов пишет, что хотя прогнозы А.П. Кеппена и были весьма обнадеживающими, у правительства не было достаточных ресурсов для их полной реализации. Тогда было решено отдать шахты в распоряжение американской компании для того, чтобы она, пользуясь своими технологиями, начала централизованную добычу угля на острове²⁶⁰. Однако через какое-то время правительство обеспокоилось тем, что это может привести к усилению иностранного влияния в регионе, поэтому оно начало создавать максимальные препятствия американцам в их деятельности²⁶¹. Понятно, что это сократило количество добываемого угля и тем самым снизило количество рабочих мест, которые так необходимы для начинающей развиваться колонии. Тогда было решено попробовать передать добычу угля русскому предпринимателю Бутаковскому и организованному им обществу «Сахалин». Но и из этого ничего толкового не вышло. В погоне за сверхприбылью общество перестало платить арестантам за работу и приостановило вложение в развитие инфраструктуры острова, что они были обязаны делать, согласно подписанному с правительством соглашению²⁶². Это привело к его задолженности перед казной на сумму в 104 тыс. рублей. И судя по

---

²⁶⁰ Панов А.А. Указ. соч. С. 28.

²⁶¹ Там же. С. 29.

²⁶² Там же. С. 32.

дальнейшей истории Сахалина, эта проблема так и не будет окончательно решена до последних дней существования штрафной колонии. Подобное положение дел заставило А.П. Саломона весьма нелестно отозваться об угледобывающей отрасли в своем докладе: «Рудничные, строительные и дорожные работы развиты в крайне недостаточной степени»²⁶³.

Схожий образ был создан пессимистами относительно рыбных промыслов. Хотя на первый взгляд тут все кажется гораздо проще, чем с разработкой полезных ископаемых, но это далеко не так. Дело в том, что для правильной добычи рыбы необходимо выходить в открытое море, что совершенно не допустимо для каторжного населения, которое может воспользоваться данной возможностью для побега. Поэтому администрация вынуждена отправлять заключенных на лов рыбы по берегам рек, где, в основном, плавают особи уже после нереста, то есть гораздо худшего качества, чем те, которые еще находятся в море. Это даже породило идею жесткого разделения добычи полезных ископаемых и рыбы с каторжными работами, но она так и не была реализована²⁶⁴.

Еще высказывались идеи широкого сотрудничества с японскими компаниями²⁶⁵, однако это партнерство вскоре стало причиной для всяких злоупотреблений. По этому поводу А.А. Панов в своей работе сначала с восторгом описывает все разнообразие рыб, которые обитают вокруг острова, но свой рассказ он вынужден закончить на грустной ноте: «Вся почти рыбопромышленность на острове находится в руках японцев. До такой степени незначительно участие русского населения в рыбных промыслах видно из того, что в 1901 году в Корсаковском округе на 6053 японца приходится всего 170 русских рабочих»²⁶⁶.

Таким образом, в оценке госслужащими рыбного промысла воспроизводится образ, схожий с тем, что был связан с добычей полезных

---

²⁶³ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 224.

²⁶⁴ Там же. С. 194.

²⁶⁵ Мицур М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении... С. 223.

²⁶⁶ Панов А.А. Указ. соч. С. 43.

ископаемых и где Сахалин изображается регионом, богатым разнообразными ресурсами, которые, однако, утекают из рук правительства из-за некомпетентности местных властей, которые находятся под влиянием японцев и частных промышленных компаний.

2.2. Демографические характеристики населения и условий жизни на острове Сахалин в оценках чиновников-пессимистов

Переходя к вопросу о положении ссыльнокаторжных на Сахалине, следует сказать, что оценки пессимистически настроенных госслужащих более или менее одинаковые. Все они настаивают на том, что жизнь на острове не только не исправляет, а наоборот, только развращает заключенных, так как вся обстановка, созданная вокруг них, подталкивает на совершение преступлений. И если и случаются такие эпизоды, как с Иваном Лапшиным, то они происходят скорее не благодаря, а вопреки штрафной колонии.

Этот образ достаточно легко просматривается в восприятии сахалинских врачей Николая Степановича Лобаса и Леонида Васильевича Поддубского. Скажем несколько слов об этих занимательных личностях. Начнем с последнего. Л.В. Поддубский с 1892 по 1899 год работал заведующим медицинской частью острова Сахалин, а также старшим врачом в Александровском посту²⁶⁷. Леонид Васильевич зарекомендовал себя, как честный и понимающий специалист, который старался всеми силами помочь своим пациентам. Он активно пытался повлиять на порядки на острове, что вылилось в конфликт с местными чиновниками²⁶⁸. В итоге Л.В. Поддубский был вынужден покинуть свой пост, но он не оставил своего стремления

---

²⁶⁷ Дударец Г.И. Первые сахалинские врачи. URL: [http://old.sakhalinmuseum.ru/ufile/83_180-187.pdf#:~:text=Поддубский%20Леонид%20Васильевич%20\(р.%201853\),c%201880%20г.%20С%20статский%20советник](http://old.sakhalinmuseum.ru/ufile/83_180-187.pdf#:~:text=Поддубский%20Леонид%20Васильевич%20(р.%201853),c%201880%20г.%20С%20статский%20советник) (дата обращения 14.07.2022)

²⁶⁸ Латышев В.М. Врач Л.В. Поддубский и его записки о Сахалинской каторге// Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. №11 Южно-Сахалинск, 2004. С. 141.

облегчить судьбу сахалинских ссыльнокаторжных. Практически сразу после своего приезда в Петербург Леонид Васильевич познакомился с меценаткой Е.Н. Нарышкиной и активно начал вместе с ней разрабатывать проект по открытию детских приютов на Сахалине²⁶⁹. Была даже попытка привлечь к этому начинанию А.П. Чехова, но успеха это предприятие не имело, так как писатель сослался на занятость и плохое самочувствие²⁷⁰..

Обращение к личности Антона Павловича далеко не случайно. К этому времени уже вышла его книга «Остров Сахалин», в которой на заключенных смотрели как на жертву среды и обстоятельств, а не как на закоренелых преступников. Данной риторике во многом придерживается и Л.В. Поддубский. В публикациях своих наблюдений за жизнью на острове, призванных привлечь средства на помощь обездоленным Сахалина, он показывает, как нищета и невежество толкают жителей острова на путь разврата и преступления²⁷¹. Хотя данная мысль встречается и у других чиновников²⁷², однако она у них находится на втором плане и относится скорее лишь к некоторым арестантам, а не ко всей штрафной колонии, в целом. Подобные идеи были характерны как раз для литераторов, о чем будет сказано позднее.

Кажется, что это пересечение идей было использовано Леонидом Васильевичем целенаправленно, так как апелляция к нашумевшей книге и развращающему влиянию среды могли гораздо легче привлечь пожертвования, чем более критически настроенные по отношению к ссыльнокаторжным концепции.

Весьма интересное видение данной проблемы принадлежит другому сахалинскому врачу Николаю Степановичу Лобасу. Ко времени своего прибытия на остров в 1893 за его плечами было несколько лет обучения в

---

²⁶⁹ Там же. С. 143.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ *Поддубский Л.В.* Заметки о Сахалинской каторге и ссылке...; *Поддубский Л.В.* Сахалинские дети...

²⁷² *Галкин-Враский. М.Н.* Указ. соч. С. 246.; ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 224.

Харьковском университете, а также законченный курс в Императорской Военно-медицинской академии в Петербурге²⁷³. Находясь в интеллигентской среде, Николай Степанович был знаком со всеми передовыми течениями мысли того времени. Вот что он сам писал об этом позднее в своей автобиографии, хранящейся в архиве Института Русской Литературы (ИРЛИ): «Воспитание и образование происходило под влияние Писарева, Добролюбова, Тургенева, Достоевского, писателей-народников, Щедрина, «Отечественных записок» и реакции 80-х годов»²⁷⁴. Неудивительно, что с таким культурным багажом Н.С. Лобас на Сахалине быстро сходится с Л.В. Поодубским, тем более что имеются сведения о том, что они могли быть знакомы еще до своей службы на острове²⁷⁵. Проведя на Сахалине семь лет, Николай Степанович написал на основе своих впечатлений и профессионального опыта несколько весьма примечательных трудов, которые были оценены широкой общественностью, в том числе, такой видной фигурой как В.М. Дорошевич²⁷⁶. Касательно рассматриваемого вопроса, Н.С. Лобас во многом схож с Леонидом Васильевичем Поддубским и обвиняет сложившуюся неблагоприятную социальную среду на Сахалине как в разращении каторжан, так и в провале колонизационной политики правительства²⁷⁷. Однако есть одно серьезное отличие между двумя этими работами. Надо сказать, что Николай Степанович был сторонником теории Чезаре Ломброзо, которая постулировала склонность того или иного человека к криминалу на основе его наследственности. Чтобы подтвердить эту гипотезу, Н.С. Ломбас тщательно изучил биографию 80 наиболее опасных заключенных Сахалина. Эти исследования совпали с выводами итальянского ученого, но, несмотря на такие результаты, Николай Степанович делает

---

²⁷³ Латышев В.М., Дударец Г.И. Доктор Н.С. Лобас и сахалинская каторга // Лобас Н.С. Сахалинская каторга: (записки тюремного врача). Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2012. С.8.

²⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 377. Оп.7 Д.2179. Л.4.

²⁷⁵ Латышев В.М., Дударец Г.И. Доктор Н.С. Лобас и сахалинская каторга Указ. соч. С.9.

²⁷⁶ Там же. С. 21.

²⁷⁷ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 150.

несколько оговорок. Во-первых, он практически полностью отвергает физиогномическую теорию Ломброзо, согласно которой по внешнему виду человека можно определить, насколько он склонен к совершению преступлений²⁷⁸. Во-вторых, Н.С. Лобас хотя и соглашается с тем, что наследственность имеет влияние на предрасположенность к криминальной деятельности, но он также подчеркивает важность социальной среды как катализатора антисоциального поведения²⁷⁹. По этой причине заключение подобных индивидов на Сахалине только озлобляет этих людей, а не ведет к исправлению, как планировалось изначально.

Особняком среди всех этих работ стоит биография убийцы Федора Широколобова, опубликованная сотрудником министерства внутренних дел Н.Я. Новомбергским²⁸⁰. И по вопросу морального взгляда на личность преступника она полна серьезных противоречий. Николаю Яковлевичу принадлежит только вступление к данным воспоминаниям, где он частично перекладывает ответственность за поведения Федора на пенитенциарную систему, которая, по его мнению, несмотря на тяжелые наказания, только развращает преступников²⁸¹. Однако при этом Н.Я. Новомбергский не может отрицать и порочность натуры самого Широколобова, который, в отличие от своих поделщиков, отметил все возможности вернуться к честной жизни и вновь и вновь становился на дорогу преступлений²⁸². Поэтому так и остается непонятным, верит ли Николай Яковлевич в возможность изменения таких людей, как Федор или считает их потерянными для общества.

Переходя к оценкам госслужащих материальной стороны быта и условий существования заключенных, надо отметить, что образ сахалинской каторги, как места, где заключенным невозможно получить ни нормальное

---

²⁷⁸ Лобас Н.С. Сахалинская каторга: (записки тюремного врача). Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2012. С.169.

²⁷⁹ Там же. С. 53.

²⁸⁰ Новомбергский Н.Я. Указ. соч. С 175–251.

²⁸¹ Там же. С. 177.

²⁸² Там же. С. 178.

питание, ни нормальную одежду встречается гораздо чаще, чем противоположный. Так, например, когда Н.С. Лобас анализирует рацион заключенных, то он приходит к выводу, что, несмотря на то что в нем содержится достаточно белков и углеводов, в нем очень мало жиров, что плохо сказывается на здоровье арестантов. К этому он добавляет, что многие продукты, ими употребляемые, отличаются плохой усвояемостью, а это ведет к разнообразным заболеваниям желудка и кишечника²⁸³. Правда, Николай Степанович отмечает некоторые улучшения в качестве продуктов. По его словам, заключенные сейчас едят просто чуть подгнившую рыбу в то время, как раньше из нее, в прямом смысле лезли черви²⁸⁴.

Тезис о том, что после выхода на поселение ссыльные смогут питаться со своего хозяйства, подвергается серьезной критике. Приведем разговор мирового судьи Н.А. Преображенского, который у него состоялся с только что вышедшим на волю ссыльнопоселенцем, который был оправдан после подозрения в преступлении. «Ваше благородие, куда же я теперь пойду! На дворе зима, а у меня ни кола, ни двора. Посадите хоть на три месяца. Я задал ему стереотипичный вопрос: отчего же ты не поступишь куда-нибудь на работу? Да куда же я поступлю? Я маляр, а кому здесь нужна моя работа²⁸⁵».

Особо в сложную ситуацию попадали люди семейные, которым помимо себя надо было кормить свою жену или сожительницу, а также своих детей. Хотя правительство и помогало таким семьям, этого было явно недостаточно для полного обеспечения всем необходимым²⁸⁶. Это отлично осознавала администрация и даже жертвовала свои деньги для помощи наиболее обездоленным, но и этого было мало.

Если переходить к восприятию чиновниками одежды каторжан, то по этому поводу мнения авторов были очень схожими: ее катастрофически не хватало, и она не очень подходила к условиям Сахалина. Основной

---

²⁸³ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 37.

²⁸⁴ Там же. С. 41.

²⁸⁵ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 34.

²⁸⁶ Ливин Ф.Н. Указ. соч. С. 45.

арестантский набор состоял из халата серого сукна, шаровар и шубы, выдаваемых на год. Иногда к этому еще прибавлялись две куртки²⁸⁷. Но учитывая интенсивность их носки, этого было явно недостаточно. Арестант ходил в этой одежде на работы, проводил в ней свое время в тюрьме, а ночью использовал в качестве одеяла. Если же халат промокал, то, не имея альтернативы, каторжане, часто сидели голышом пока он сушился²⁸⁸. К этому надо добавить и частое воровство, и экономию материала, выделяемую для пошива одежды и обуви. Это вело к тому, что даже новые вещи невозможно носить, и они быстро расходятся по швам²⁸⁹. С обувью, по словам, Н.С. Лобаса все обстояло еще хуже. 3 котов и 2 бродней на год физически не могли пережить влажный климат Сахалина²⁹⁰. К тому же они были сделаны из очень плохого материала, что часто приводило к обморожению конечностей.

К этой оценке условий быта ссыльнокаторжных пессимисты добавляли характеристики тюремных помещений острова, где слишком сыро и грязно, чтобы можно было хоть как-то поддерживать чистоту одежды. Приведем тут пример Александровской тюрьмы, которая считалось одним из наиболее обустроенных пенитенциарных учреждений на Сахалине. Она состояла из двух больших блоков, один из которых предназначался для испытуемых (кандальных) преступников, второй для исправляющихся²⁹¹. Сами по себе здания представляют из себя деревянные бараки без фундамента. Стыки плохо проконопачены, что приводит к задуванию ветра в образовавшиеся щели. Отверстия есть и в полу, а из-за большой влажности вся скопившаяся грязь и жижа после мытья полов образует под зданием целые клоаки. Из мебели в камерах присутствуют только нары. Так как помещение плохо вентилируется, то в нем всегда стоит смрад и копоть от местной печки.

---

²⁸⁷ Там же. С. 42.

²⁸⁸ Ливин Ф.Н. Указ. соч. С. 43.

²⁸⁹ Саломон А.П. Остров Сахалин // Тюремный вестник. СПб. 1901. №1 с.30–31.

²⁹⁰ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 44.

²⁹¹ Там же. С. 28.

С остальными тюрьмами, по словам Н.С. Лобаса, дела обстоят еще худшим образом²⁹². С ним в этом вопросе согласен сахалинский мировой судья Н.А. Преображенский²⁹³. Помимо сырости, духоты и отвратительного состояния самих зданий, он отмечает, что на Сахалине тюрьмы могут использоваться каторжанами совсем не по их прямому назначению. Так, контроль над арестантами в некоторых пенитенциарных учреждениях настолько низок, что уйти оттуда или наоборот проникнуть внутрь может практически каждый желающий²⁹⁴. Это становится причиной многих побегов. Но и это еще не все: некоторые бродяги скрываются после побега в таких тюрьмах, пережидая ненастную погоду. Доходит до того, что в камерах обустраиваются целые игорные дома, где каторжане могут перекинуться в карты и выпить подпольно изготовленной водки²⁹⁵.

Недалеко от этого образа ушло восприятие личных хозяйств ссыльных, вышедших на поселение. Обратимся к сведениям Дмитрия Андреевича Дриля, известного российского криминалиста и магистра права, который посетив Сахалин, написал работу, где уделяется значительное внимание положению ссыльнопоселенцев на острове. Но перед этим скажем пару слов о тех причинах, которые привели его на Сахалин. Обладая отличным набором знаний, после окончания юридического факультета Московского Университета и зарубежных командировок Д.А. Дриль направил свои силы на изучения мировых пенитенциарных систем и криминалистики²⁹⁶. Будучи назначенным на должность чиновника по особым поручениям V класса, он побывал в Новой Каледонии (колония Франции), Сибири и Сахалине. По результатам поездки Дмитрий Андреевич написал работу, в которой сравнивал пенитенциарные системы Франции и Российской Империи. Примечательно, что Д.А. Дриль в

---

²⁹² Там же. С. 34.

²⁹³ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 105.

²⁹⁴ Там же. С. 118.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Бахеров Д.В. Д.А. Дриль как представитель уголовно-антропологического направления в криминологии // Вестник Югорского Государственного Университета. Ханты-Мансийск, №7 2007. С. 23.

своим труде заимствует многие идеи Чезаре Ломброзо²⁹⁷, что характерно для целого ряда авторов, писавших о Сахалине. Главный тезис, который Дмитрий Андреевич перенял от итальянского криминалиста – это важность социальной среды, которая окружает человека и может его направить как по пути добродетели, так и поставить на путь преступления.

В этом ключе Д.А. Дриль рассматривает и проблему «домообзаводства» на острове. Первое, что он подчеркивает, это ту тяжесть, с которой бывший заключенный может стать владельцем собственной недвижимости. Причина тут заключается в необходимости материальных и трудовых вложений, которые может себе позволить не каждый поселенец²⁹⁸. Особенно это касается городских жителей, которые специализировались на какой-то узкой деятельности, которая не нужна на Сахалине.

В этой связи можно вспомнить уже упомянутый рассказ мирового судьи Н.А. Преображенского с местным маляром, который просил посадить его в тюрьму, чтобы не умереть с голоду²⁹⁹.

Правительство пыталось решить эту проблему, выделяя земельные участки для того, чтобы ссыльные с одной стороны могли прокормить себя, с другой, чтобы они через культивацию земли способствовали освоению острова. Но, как отмечали пессимисты, эта инициатива была не лишена нескольких важных минусов. Во-первых, только получив участок, бывший заключенный не сможет сразу питаться с него, так как его еще надо будет обработать, засадить семенами и дожидаться урожая. Во-вторых, многие из ссыльнопоселенцев до этого не занимались сельским хозяйством и не имели достаточных навыков необходимых для подобного рода деятельности³⁰⁰. Все это приводит к тому, что в некоторых регионах больше 50% ссыльнопоселенцев не имели собственного жилья. Чтобы получить статус

---

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. СПб. Издание Л.Ф. Пантелеева., 1899. С. 66.

²⁹⁹ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 34.

³⁰⁰ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 66.

домовладельца, достаточно было иметь хоть что-то, напоминающее жилое помещение.

Пессимисты продолжают рассуждать о том, что если у бывшего заключенного и хватило бы ресурсов на постройку собственного жилища, то перед ним вставал еще один важный вопрос, где оно, собственно, будет размещено. Так расчищенных и удобных земельных участков на острове было не так много, что приводило к очень плотной застройке. И, как это ни странно, от поселенцев на острове можно было часто услышать фразу: «На Сахалине тесно живется»³⁰¹. Подобная скученность приводит к быстрому истощению земли и проблемам в сельском хозяйстве, от чего страдал уже весь проект колонизации острова.

Те же, кто отваживается взять участки в отдалении от основных центров, таких как Александровск и Корсаков сталкиваются с другими трудностями. Для получения необходимых припасов и инструментов для строительства и пропитания им приходится либо ждать доставки грузов пароходом, либо преодолевать расстояния в сотни километров для того, чтобы добыть необходимые вещи³⁰².

Сыльнопоселенцев с наиболее пригодными для сельского хозяйства участками было меньшинство, это были заключенные первой волны колонизации острова, которые успели зарезервировать себе лучшие земли³⁰³. Хотя для новоприбывших имелась возможность получить неплохой участок рядом с крупными центрами, но для этого надо было договориться с чиновниками, что требовало денег.

Переходя к вопросу о каторжных работах заключенных, надо отметить, что госслужащие-пессимисты рассматривают то влияние, которое оказывает принудительный труд на арестантов, правда их выводы по этому вопросу сильно расходятся с оптимистами. Так, пессимисты указывают, что все

---

³⁰¹ Там же. С. 67.

³⁰² Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 124.

³⁰³ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 67.

каторжные работы устроены так, что подталкивают заключенных к всяческому обману или нарушению закона. Или же травмируют их физически и морально в том случае, если им попадет жестоким надзиратель. Первое, на что указывают авторы, это тот огромный простор для злоупотреблений, который открывается перед чиновниками, заведующими каторжным трудом. Так, например, была распространена практика, когда за небольшую мзду арестант мог получить у надзирателя легкую работу по уборке снега или мусора, а не урок по тасканию бревен. Об этой проблеме еще в 70-х годах пишет В.И. Власов, вспоминая о проделках Айзека Шапиры, который таким образом практически выкупил себе право вообще не приходить на каторжные работы³⁰⁴. В заключение своего пассажа Василий Иванович пишет, что надеется, что подобная практика на Сахалине будет уничтожена. Однако даже по прошествии десятка лет все осталось по-старому. И уже в начале XX века Н.С. Лобас рассказывает, как арестанты подобным образом уходят от наказания³⁰⁵. Это очень сильно задевало его, как врача, так как Николай Степанович, в силу своих должностных обязанностей, давал рекомендации администрации, кого из арестантов надо отправить на легкие работы, а кто справится и с более сложным уроком. Но почти всегда эти рекомендации оставались без внимания, а порой и сознательно нарушались, так как тюремные чиновники считали подобные указания вторжением в свою работу³⁰⁶. Это приводило к тому, что слабосильные арестанты направлялись на те работы, которые они физически не могли выполнить, за что получали наказания от надзирателей. Подобное отношение лишь только сильнее подрывало их здоровье, и они заканчивали свои дни в богадельне. Случалось, что уроки давались и душевно больным людям, что приводило к целому ряду эксцессов. Так, приводится жуткий пример того, как один из арестантов предпочел выколоть себе глаза, чем идти на каторжные работы³⁰⁷.

---

³⁰⁴ Власов В.И. Краткий очерк неустройств, существующих на каторге ... С. 32.

³⁰⁵ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 52.

³⁰⁶ Там же. С. 53.

³⁰⁷ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 85.

Были нередки случаи, когда представители администрации превышали свои полномочия, что приводило к травмам и даже смертям среди заключенных. Наиболее известным происшествием стало Онорское дело, когда на строительстве Онорской дороги смотрителем Хановым было замучены десятки ссыльнокаторжных. Подобные инциденты только укрепляли пессимистический образ, который рисовал принудительный труд на Сахалине в самых мрачных красках.

Отдельно стоит поговорить об образе каторжанок, который можно найти практически в каждой работе, посвященной наблюдениям госслужащих за повседневной жизнью на острове. Причем этот образ, который охватывает бытовые и нравственные характеристики, практически одинаков у авторов с совершенно разными позициями по остальным вопросам развития Сахалина, таких, например, как М.Н. Галкин-Враской³⁰⁸ и А.П. Саломон³⁰⁹.

Дело в том, что на Сахалине не было как таковой женской тюрьмы, вместо этого к прибывшим на остров каторжанкам применялась так называемая система «сожительства». Она состояла в том, чтобы женщин вместо того, чтобы сажать в тюрьму или направлять на каторжные работы, выдавали ссыльнопоселенцам для помощи в введении хозяйства. Оптимисты оправдывали подобный подход нуждами колонизации, так как в одиночку ссыльному было бы очень сложно организовать домохозяйство, каторжники должны были помогать в этом нелегком деле. К этому добавлялся расчет на увеличение рождаемости на острове, что должно было способствовать его освоению³¹⁰. Но даже сторонники сахалинского проекта признавали, что это лишь теория, а на практике данная система показала свою полную несостоятельность³¹¹. Злоупотребления начинаются еще на этапе распределения женщин по сожителям. Осуществляется эта процедура надзирателями полностью по их прихоти, без учета каких-либо объективных

---

³⁰⁸ Галкин-Враский. М.Н. Указ. соч. С. 246.

³⁰⁹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 222-224.

³¹⁰ Галкин-Враский. М.Н. Указ. соч. С. 246.

³¹¹ Там же.

факторов³¹². Причем чиновник мог в любое время изменить свое решение. Так, например, зафиксированы в текстах очевидцев-госслужащих случаи, когда уже беременную девушку, которая хотела повенчаться со своим кавалером, отдали другому сожителю³¹³.

Это усложняло создание хоть каких-то крепких отношений между сожителями, так как они оба осознавали, что в любой момент могут быть разделены друг с другом. Из-за этого оба участника этого союза смотрели на него скорее, как на что-то утилитарное и старались извлечь для себя наибольшую выгоду, даже, если это могло навредить второму партнеру. Об этом пишут многие авторы, в особенности применительно к занятию проституцией³¹⁴. Дело в том, что, как и во всех местах каторжной ссылки, на Сахалине существовала серьезная диспропорция по соотношению мужчин и женщин, поэтому услуги подобного характера пользовались весьма значительным спросом. Как указано выше, поселенцы часто испытывали дефицит средств, что заставляло их толкать свих сожительниц, а часто и добровольно последовавших за ними жен, на путь разврата. Причем, в этом случае, женщины свободного состояния находятся в худших условиях, чем каторжанки. Дело в том, что они, в отличие от последних, почти не получают помощи от казны. Им полагается лишь один рубль пятьдесят копеек в месяц, что невероятно мало. Поясним для сравнения, что мука на Сахалине отпускалась по цене один рубль тридцать копеек за пуд³¹⁵. К этому еще стоит добавить, что добровольно последовавшие жены, часто брали с собой еще и своих детей, которые нуждаются в пропитании и, хотя они получают подачки из казны, этого явно было мало для обеспечения растущего организма всем необходимым. Это ставило мать перед выбором: либо идти на «фарт» (так на острове называли проституцию), либо смотреть, как ее дети буквально

---

³¹² Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 106.

³¹³ Там же. С. 107.

³¹⁴ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 93.; Поддубский Л.В. Сахалинские дети. Указ. соч.; Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 112.

³¹⁵ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 94.

умирают от голода. Понятно, что подобное положение вещей все больше и больше развращает прибывших на остров свободных женщин и в скором времени они полностью маргинализировались, что не могло пройти бесследно для семейных отношений.

Из-за подобных социальных условий институт семьи и материнства претерпевал на острове серьезную деградацию, и часто людей держала вместе только необходимость. Это отражалось и на детях подобных пар, которые втягивались в занятие проституцией с самого юного возраста³¹⁶. И нет ничего удивительного, что подобные дети, рано познакомившиеся со взрослой жизнью, начинают идти по преступному пути, становясь не основой новой колонии, а очередными обитателями сахалинских тюрем³¹⁷. Вот записи за день о поведении учеников одной из местных школ, выписанные Н.А. Преображенским: «ученик Сидоров делал руками неприличный жест – оставлен в школе на полчаса, ученик Иванов нецензурно бранился, ученик Петров, насеив на девочку Семанову, делал неприличные движения»³¹⁸. Хотя надо отметить, что дальше мировой судья отмечает, что местный учитель из каторжных прилагает все усилия для того, чтобы воспитать этих детей и даже организовал на новый год елку для того, чтобы дать своим подопечным ощущение праздника³¹⁹.

Подобная неэффективность системы сожительства была замечена правительственными чиновниками. В своем докладе А.П. Саломон предлагал пересмотреть некоторые из основных ее положений³²⁰. Первое, на что он указывает, что все же необходимо построить на Сахалине нормальную женскую тюрьму, чтобы провести четкие различия между добровольно последовавшими женщинами и каторжанками. Второе, что предлагает Александр Петрович – это ограничить пребывание ссыльных женщин только

---

³¹⁶ Там же. С. 93.

³¹⁷ Поддубский Л.В. Сахалинские дети Указ. соч.

³¹⁸ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 67.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 205.

сельскохозяйственными участками и дать им право свободного выбора занятий и передвижения внутри этих участков. Эта мера должна была решить несколько основных задач. Для начала поселение в обжитых земледельческих районах должно было уберечь девушек от принуждения поиска для себя сожителя. Как пример подобного инцидента, можно вспомнить историю каторжанки из удаленного селения Пильво, зафиксированную в записках своих наблюдений за жизнью штрафной колонии Н.С. Лобасом. Эта каторжанка была единственной женщиной на тридцать мужчин. Ее днем и ночью осаждали кавалеры, а когда она наконец-то сделала свой выбор, ее избранник был убит менее удачливым соперником³²¹. Право же свободного передвижения и занятий внутри отведенной территории дадут женщинам возможность искать для себя другой способ существования, кроме сожительства. В-третьих, А.П. Саломон предлагал прекратить ссылку на Сахалин девушек, отбывающих свое наказание в Нерчинском округе. Связано это было с сомнениями Александра Петровича в успешности колонизационной политике на острове, которая предполагала постоянный приток каторжных на Сахалин. Новый начальник тюремного управления хотел замедлить его, для приведения в порядок дел на острове. Четвертый пункт содержал предложения по облегчению судьбы добровольно последовавших за своими мужьями жен³²². Это было необходимо по той причине, что из-за непроработанной данной системы свободные женщины испытывали на Сахалине больше лишений, чем каторжанки. Про денежную помощь от государства уже говорилось выше. К этому стоит добавить, что были случаи, когда находящуюся в замужестве девушку отдавали в сожительницы, пока ее супруг не освободится из тюрьмы. Причем часто за время такого совместного житья эти женщины рожали детей, что не самым благоприятным образом сказывалось на их воссоединении с мужем³²³. Все эти

---

³²¹ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 111.

³²² ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 205.

³²³ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 112.

меры выглядят весьма разумно, но, к сожалению, до конца существования штрафной колонии они так и не были реализованы.

Как следует из вышесказанного, большинство женщин, привезенных на остров, не отличается извращенной морально-нравственной стороной, которая заставляет заниматься разными непотребствами, забывая о своей семье. Наоборот – именно любовь к своим близким часто заставляет женщину идти на «фарт». В других случаях причина подобного поведения лежит в поиске защиты в экстремальных условиях каторги или просто желания приспособиться к новым жизненным условиям. Представительницы прекрасного пола тут скорее жертвы обстоятельств, чем злостные преступницы. Причем подобный образ виден у авторов самых разных занятий и мировоззрений. Если по другим вопросам у чиновников был достаточно широкий разброс мнений, то система «сожительства» везде воспринималась в качестве чистого зла, которое надо ликвидировать.

Необходимо сказать несколько слов об образе коренного населения острова. Надо отметить, что когда стало понятно, что планы правительства относительно «инородцев» далеки от реальности, то эта тема практически исчезает из внимания чиновников. Можно предположить, причиной тому послужило то, что критически настроенные госслужащие сосредоточили свое основное внимание на ссыльнокаторжных, занимаясь ороками, гиляками и айнами по остаточному принципу. В конце XIX – начале XX века начали выходить специализированные научные работы по культуре «инородцев», в которых этот вопрос разбирался гораздо подробнее, о чем еще будет написано в главе об ученых.

Если же попытаться обрисовать в общих чертах негативный образ отношений с «инородцами», то одной из самых популярных тем становится торговый обман коренного населения в погоне за ценным мехом³²⁴. Самыми популярными товарами для таких операций становятся спирт и табак, к

---

³²⁴ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 67.

которым «инородцы» имеют особое пристрастие. Что примечательно надзиратель Ханов, упоминавшийся выше в связи со своими противозаконными действиями на строительстве Онорской дороги, до этого промышлял как раз такой неравноценной торговлей³²⁵. И если добавить к этому общие повышение опасности жизни на острове из-за бродяг и ссыльных, то картина складывается весьма безрадостная.

Если в начале освоения острова в трудах чиновников айны, ороки и гиляки представлялись попавшими в зависимость от японцев «малокультурными» народами, нуждающимися в помощи России, и возможно даже желающих перейти под ее подданство, то со временем эта риторика изменилась. Теперь «инородцы» уже не обязаны заниматься рыбным промыслом на благо японцев и даже начали выходить из их экономической зависимости, но попадают при этом в экономическую зависимость от русского населения, продавая им за бесценок ценные породы меха. Помимо этого, в их жизни появилась новая опасность в лице ссыльнопоселенцев, с которыми у них возникали разнообразные конфликты, о чем будет более подробно писать этнолог Б.О. Пилсудский, отправленный правительством в экспедицию для изучения жизни коренного населения Сахалина.

2.3. Образ тюремной администрации и ее деятельности в области здравоохранения и образования на острове в записках и наблюдениях чиновников

Перейдем теперь к негативному образу сахалинского чиновника, который, во многом, был создан литераторами, но нашел свое развитие и у госслужащих. Одним из главных пунктов критики была невероятная жестокость, с которой относились тюремные и административные работники к каторжанам. Самым громким инцидентом, касающимся произвола властей

---

³²⁵ Лобас Н.С. Онорское дело // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Из-во Южно-Сахалинск, 2012. №19 С. 251.

острова, стало Онорское дело, которое было настолько вопиющим, что даже люди, работающие на Сахалине, не могли остаться в стороне от всего произошедшего. Вот, как о нем пишет врач Н.С. Лобас, изучивший обстоятельства этого происшествия. «В 1892 году на Сахалине разыгралось так называемая «Онорская история». В 1891-1892 годах Сахалинской администрацией было решено провести колесную дорогу из Тымовского округа, находящегося в средней части Сахалина, на Южный Сахалин, в Корсаковский округ. На работу была послана партия каторжных, приблизительно в 500 человек, под управлением надзирателя Ханова, бывшего каторжника, в помощь которому были даны надзиратели из военнослужащих (нижние чины местных команд). Работы по проведению дороги начались в 1891 году, а к концу 1892 г. они были прекращены. Партия каторжных, посланных на работы, буквально растаяла. Из 500 человек 226 было показано бежавшими и 70 умершими. Все 70 человек умерли в период времени со 2 февраля по 17 декабря 1892 г. В 1893 г. по почину начальника Мало-Тымовской тюрьмы, г. Климова, до которого дошли слухи об ужасах, творимых надзирателями на Онорской дороге, начал дело о злоупотреблениях на этой дороге»³²⁶.

И, несмотря на все количество жертв этой эпопеи, ее непосредственные виновники так и не понесли серьезного наказания. Суд настаивал на том, что все сведения об этом инциденте сильно преувеличены и причастные к нему люди не настолько сильно нарушили свои должностные обязанности. Подобный исход этого резонансного дела побудил многих авторов, в том числе, Н.С. Лобаса, более подробно ознакомиться с «Онорской историей», чтобы продемонстрировать общественности реальный масштаб произошедшей трагедии. Первое, на что Николай Степанович обращает внимание, это практика надзирателя Ханова лишать пищи своих заключенных, чтобы предотвратить возможные волнения. Причем еды было

---

³²⁶ Лобас Н.С. Онорское дело... С. 251–252.

настолько мало, что люди доходили до поедания своих сородичей и Н.С. Лобас лично общался со строителями Онорской дороги, обвиненных в этом преступлении³²⁷.

Следующая проблема, которая интересовала Николая Степановича, и которой он уделяет наибольшее количество времени, это анализ причин смерти тех 70 человек, которым было не суждено вернуться домой с этих каторжных работ. Пользуясь своим служебным положением сахалинского врача Н.С. Лобас изучил карточки всех погибших заключенных и пришел к очень интересным выводам. Например, огромное количество дел содержат формулировку, что тело не нуждается во вскрытии, так как не подлежит сомнению, что покойный скончался и название болезни³²⁸. При этом иногда указаны, такие причины как замерзание, которое точно можно диагностировать только при вскрытии. Но и это еще не самое интересное, что удалось отыскать Николаю Степановичу. Он приводит заключение о смерти некоего Понамарева, который, по мнению врача, скончался от бугорчатки (туберкулеза). В то время, как надзиратель Ханов, в своем рапорте по этому поводу пишет, что Понамарев умер в результате драки с ссыльнокаторжным Кричужкиным³²⁹. Тут невооруженным взглядом виден подлог сведений и сговор между надзирателем и фельдшером. Просто в этом случае они не успели прийти к какой-то договоренности, что и стало причиной подобного расхождения.

Причем, если посмотреть другие работы пессимистов, станет понятно, что «Онорское дело», хотя и выделялось своим масштабом, однако по всем чертам было отражением того отношения к заключенным, которое практиковалось на Сахалине. Ведь держать в подчинении огромную массу людей, склонных к преступной деятельности, довольно сложно и многие

---

³²⁷ Там же. С. 252.

³²⁸ Там же. С. 253.

³²⁹ Там же.

чиновники на острове предпочитали использовать страх и насилие как самое легкое средство для достижения этой цели³³⁰.

Этот образ жестокого начальства дополняется упреками в плохой организации системы управления, которая провоцирует конфликты между госслужащими, например, между тюремными надзирателями и врачами. Выше указывалось, что много проблем вызывает вопрос о распределении каторжан на принудительные работы. Дело в том, что тюремная администрация не принимает во внимание замечания врачей о состоянии здоровья арестантов³³¹. Они ссылаются на то, что подобная уступчивость повлияла бы негативно на их авторитет среди заключенных. Хотя, создается впечатление, что это только предлог для сохранения всех рычагов власти в своих руках. К этому добавляется еще и коррупционная составляющая, так как надзиратели нередко продавали право перевестись с тяжелой работы на легкую, и делали они это, не взирая на состояния здоровья каторжанина³³². Если же они, как настаивал доктор Н.С. Лобас, были бы вынуждены следовать предписаниям врачей, то эта практика была бы им больше недоступна.

Сильный антагонизм существовал и между местной администрацией и институтом мировых судей на острове.³³³ Дело в том, что последний ограничивал произвол сахалинских чиновников и мог даже отменить несправедливо или незаконно вынесенные решения. Но при всей своей силе в бытовых вопросах судьи полностью зависели от администрации, что порождало целый ряд конфликтных ситуаций между этими двумя структурами. Случалось, что наиболее спорные дела доходили до разбирательства в Иркутске, т.к. ни одна из сторон не хотела идти на уступки.

Дополняет образ нерадивого чиновника и отмеченное в записках и наблюдениях госслужащих стремление местной администрации к обогащению. Как пример можно привести историю колонизационного фонда,

---

³³⁰ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 25.

³³¹ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 51.

³³² Власов В.И. Краткий очерке неустройств, существующих на каторге ... С. 32.

³³³ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 29.

который за 14 месяцев управления полковником Соловьевым, выделил колонистам на развития сельского хозяйства лишь 300 рублей, в то время как на отправку казенных телеграмм было потрачено 1600 рублей, а на пособия чиновником целых 2000 рублей³³⁴. Помимо прямого нецелевого использования средств практиковалась принудительная работа ссыльнокаторжных на участках надзирателей вместо выполнения ими уроков, направленных на развитие инфраструктуры острова³³⁵. К этому надо добавить постоянное мелкое воровство продуктов питания, тканей, приплодов скота.

Еще одной важной областью для злоупотреблений была торговля спиртом, который был запрещен для ссыльнокаторжных, но не для чиновников, которые могли даже выдавать специальные талоны, по которым в казенных лавках предъявителю продавали указанное количество алкоголя. Конечно, это сразу привело к перепродаже спирта заключенным, некоторым из которых даже платили талонами на алкоголь³³⁶. Подобная ситуация крайне негативно сказывалась на «сахалинском проекте», так как приводила к пьянству среди местного населения.

Отдельно подчеркивалась некомпетентность нижних чинов. Так, отмечалось, что их уровень подготовки и образования преступно низок, что делает их легкой целью для внушения со стороны опытных каторжан³³⁷. Часто они входят в сотрудничество, занимаясь продажей водки, организацией азартных игр и борделей. И в этом нет ничего удивительного, ведь 58% всех надзирателей набирается либо из солдат, либо из ссыльнопоселенцев, то есть элементов близких по духу к заключенным. Если последние это в прямом смысле слова бывшие преступники, то солдаты, особенно нижние чины по условиям своей жизни на Сахалине мало чем отличались от обитателей тюрьмы, схожая еда, схожие казармы, схожее подневольное положение, что облегчало нахождению общего языка между двумя этими группами.

---

³³⁴ ГАРФ. Ф. 730 Оп. 1. Д. 2097. С. 3.

³³⁵ *Преображенский Н.А.* Указ. соч. С. 24.

³³⁶ Там же. С. 23.

³³⁷ Там же. С. 116.

Хотя надо отметить, что при всей критике местных чиновников можно прочесть и строки, если не в их защиту, то хотя бы объясняющие подобное поведение с их стороны. Дело в том, что служащие буквально были заперты на острове. До ближайших центров культуры и светской жизни сотни километров и единственное, что им остается это сплетни, водка и азартные игры. Вот как об этом пишет мировой судья Н.А. Преображенский: «Кружковой жизни почти никакой не было, так как каждый имел против другого зуб за что-нибудь, а материала для недоразумений всегда было много, если принять во внимание, что все жили на виду друг у друга.

Кто что про кого сказал, к кому и за что больше благоволят то или другое начальство, кому вне очереди возят дрова, сметают снег с крыши, подают лошадей и даже кому ранее предоставлена очередь посещать баню – все это и многое другое служило часто материалом для упорных и длительных неудовольствий и даже ссор³³⁸».

Если подводить итог, то в негативном образе собраны все самые плохие качества, которыми может обладать чиновник: жестокость, алчность, некомпетентность. Подобный образ был очень близок к мыслям большей части литераторов и значительного числа ученых, что позволило ему закрепиться в общественном сознании, практически вытеснив из него представление о том, что на Сахалине работали грамотные специалисты. Хотя даже критики отмечали, что таких людей было немало среди местных чиновников, просто их не хватало для того, чтобы изменить существующие положение дел на острове.

Переходя к оценкам инфраструктуры Сахалина, надо отметить, что в восприятии госслужащих он носит практически исключительно негативный характер. И это не мудрено, так как поднимая разговор, например, о дорожном строительстве на ум многим госслужащим сразу приходит Онорское дело, по

---

³³⁸ Там же. С. 28.

которому они судят об всех подобных работах на острове³³⁹. И что примечательно образ плохой организации прокладки путей сообщения встречается даже у того сторонника «сахалинского проекта», как Ф.Н. Ливина. В своей работе он описывает строительство Арково-Армуданской дороги и тех трудностей, которые возникли во время ее прокладки. Первое, на что жалуется Федор Никифорович, это несоответствие масштабов поставленных задач с выделенными первоначально для этого ресурсами³⁴⁰. Дело в том, что на эту непростую работу, направили много слабосильных каторжан или заключенных с Кавказа, которые совершенно не были приспособлены для сахалинского климата. Это приводило к большому числу болезней и побегов, которые тормозили строительство. Кроме того, Ф.Н. Ливин сетует на плохое продовольственное обеспечение, увеличение которого он смог добиться только через генерал-губернатора Кононовича³⁴¹. Условия жизни, хотя и устраивали Федора Никифоровича, однако были далеки от идеала. «Выступив с назначенными мне людьми в лес, я разместил их по 2-3 и более человек в балаганчиках, сделанных из корья, хвойных веток и даже из травы, причем я наблюдал, чтобы балаганчики эти возможно лучше защищали людей от дождя и ночного холода. Сам я тоже помещался в небольшом балаганчике из корья»³⁴². Ситуацию спасало, то, что на улице стояла теплая летняя погода, но все равно это был один из факторов массовых болезней среди строителей.

Если как-то суммировать информацию по строительству дорог, то можно отметить, что это была тяжелая физическая работа, с которой не могло справиться значительное число арестантов. А из-за весьма халатного распределения на нее могли попасть даже слабосильные каторжане, которые

---

³³⁹ ГАРФ. Ф. 1099 Филиппов Тертый Иванович, государственный контролер, общественный и литературный деятель. Оп. 1. Опись дел фонда Т.И. Филиппова. 1779-1913 гг. Д. 628. Доклад начальника Главного тюремного управления А.Саломона министру юстиции об условиях отбывания ссылки и каторги в Сибири и на острове Сахалине. Копия. Печатный С. 178.

³⁴⁰ Ливин Ф.Н. Указ. соч. С.61.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Там же. С. 60.

физически не могли выполнить данный им урок. Для надзирателей типа Ханова это был только плюс, так как ограничивая и без того скудный рацион строителей он мог держать их в повиновении. Федор Никифорович понимал опасность возможного бунта³⁴³, но, несмотря на это, Ф.Н. Ливин предпочел наоборот, увеличить порции каторжан и постараться улучшить их жилищные условия, так как его беспокоил высокий уровень побегов и болезней. В итоге после разнообразных хлопот ему все-таки удалось завершить дорогу, но видно, что это стоило Федору Никифоровичу многих усилий.

Переходя к вопросу инфраструктурных объектов на острове, то главной чертой негативного образа, был недостаток финансирования, который тянул за собой все остальное. Так, допустим, в 1900 году для обеспечения школ было выделено 4000 рублей и, хотя в 1901 это сумма была поднята до 10000 ее все равно катастрофически не хватало³⁴⁴. Так на рубеже веков, на острове на 4000 тысячи детей приходилось только 27 школ³⁴⁵. Причем они располагались не в специально спроектированных для этого зданиях, а в тех домах, которые удалось приспособить для этой цели. Понятно, что при таком подходе ни в одном из них не были соблюдены необходимые гигиенические условия³⁴⁶. К составу учителей также имеется немало претензий, так в этом качестве часто выступают каторжане или просто добровольцы, которые не имеют соответствующих навыков и не могут найти общий язык со своими учениками³⁴⁷.

Помимо школ на Сахалине существовало два приюта в окружных центрах Александровском и Корсаковском³⁴⁸. С их финансированием, благодаря помощи благотворительных организаций, дела обстоят несколько лучше, и затраченная на них сумма в 1901 году составила 13000 рублей³⁴⁹.

---

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ *Панов А.А.* Указ. соч. С. 85.

³⁴⁵ *Лобас Н.С.* Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 150.

³⁴⁶ *Поддубский Л.В.* Сахалинские дети Указ. соч. С. 168.

³⁴⁷ Там же. С. 169.

³⁴⁸ *Панов А.А.* Указ. соч. С. 85.

³⁴⁹ Там же. С. 86.

Кроме основных уроков детей в приютах обучают разным ремеслам. Так, мальчики изучают сапожное, башмачное, протяжное, столярное, слесарное и переплетное дело, а девочек учат рукоделию, стирке белья и уходу за домашними животными, также есть общие уроки по огородничеству. Однако и тут заметно пагубное влияние тюрьмы. Так врач Л.В. Поддубский отмечает, что из-за того, что многие работники приюта и родственники детей происходят из ссыльных, они часто говорят с воспитанниками на такие темы и поднимают такие вопросы, о которых ребенку знать не положено³⁵⁰.

Для пессимистического восприятия острова Сахалин характерна озабоченность тем, как обстояли дела с образованием взрослого населения. Многим инициативам по обучению ссыльнокаторжных так и не дали хода, так как начальство видело в них источник возможного беспорядка³⁵¹. К 1901 году более-менее регулярно существовала только школа грамоты и воскресного чтения в доме трудолюбия под патронатом сестры Е.К. Мейер³⁵². На них обсуждались те или иные классические произведения, велись дискуссии и давались музыкальные номера. Эти занятия пользовались огромным успехом, что показывает дефицит подобного рода времяпрепровождения на острове.

Если подводить итог по этому вопросу, то надо подчеркнуть, что все авторы в один голос говорят о необходимости увеличения образовательных учреждений на острове для того, чтобы противостоять вредоносному влиянию каторги. Критике подвергается, недофинансировались школы и приютов, которая не дает нанять квалифицированных учителей и закупить нужное оборудование для ведения образовательного процесса.

Переходя к изучению медицинских учреждений на Сахалине, стоит отметить, что в работах чиновников им уделяется не очень много внимания, а если что-то и пишется, то, главным образом, в негативном ключе. Так А.П. Саломон в своем докладе так охарактеризовал больницы острова

---

³⁵⁰ Поддубский Л.В. Сахалинские дети Указ. соч. С. 168.

³⁵¹ Панов А.А. Указ. соч. С. 86.

³⁵² Там же.

«Больничные учреждения не удовлетворяют самым элементарным требованиям не только госпитальной гигиены, но и простой чистоты. Особенно бедственно положение душевных больных, которые поставлены в условия, не только препятствующие их лечению, но и угрожающие опасностью окрестному населению³⁵³».

С этим мнением согласен и врач Л.В. Поддубский³⁵⁴. К замечаниям А.П. Саломона он добавляет, что на острове не существует специального госпиталя или хотя бы отделения для хронических больных, что заставляет их класть в обычные палаты. Это негативно сказывается на лечении этих пациентов, к тому же повышает риск заболевания у других арестантов.

Леонид Васильевич отмечает отвратительное состояние сахалинских богаделен. Помимо того, что они находятся не в самом лучшем санитарном состоянии, так в них наблюдается целый ряд других проблем. Так, поскольку богадельщики не работают, администрация решила, что им полагается меньше денег на ежемесячное содержание³⁵⁵. Хотя в их положении наоборот требуется лучшая еда и условия, чтобы не допустить ухудшения их и без того ослабленного здоровья. К этому стоит добавить практически полное отсутствие контроля за поведением пациентов богадельни, что приводит к пагубным последствиям. «Вся эта группа бездельничает и среди безделья доходит до невообразимого нравственного падения: воруют, играют в карты, развратничают неестественно и тому подобное, хотя тюремный надзирательский надзор и за ними существует³⁵⁶».

Надо отметить, что негативный образ инфраструктуры Сахалина в восприятии госслужащих сильно доминировал над положительным. Причиной этому, кажется, служило то, что чиновники, в силу своих профессиональных обязанностей имели лучшее представление обо всех имеющихся в этих сферах проблемах, чем люди со стороны. Так, например,

---

³⁵³ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628. С. 222.

³⁵⁴ Поддубский Л.В. Заметки о сахалинской каторге и ссылке Указ. соч. С. 155.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Там же.

Ф.Н. Ливин руководил строительством дорог и мог лично убедиться в недостаточности выделяемых для этих целей ресурсах или же Л.В. Поддубский, работая врачом, мог судить обо всех недостатках медицинских учреждений на Сахалине. Это и предопределило преобладания в их работе критических замечаний, даже по сравнению со многими литераторами и учеными.

Подводя итоги по негативному образу Сахалина, надо отметить, что он, во многом, начал формироваться как оппозиция образу положительному. Поэтому его авторы уделяли столько внимания таким вопросам, как качество земли на острове и эффективности горнодобывающих и рыбных промыслов. Однако пессимисты поднимали целый ряд тем, которые оставались обычно за скобками в работах оптимистов. Тут мы, конечно, говорим о морально-нравственном положении ссыльноколотарных и компетентности местных чиновников. Можно проследить наглядно, как сторонники положительного образа Сахалина в своих работах вынуждены отвечать на эти вызовы, примером чему сложит вся работа Ф.Н. Ливина. К этому стоит добавить, что к концу существования штрафной колонии негативный образ стал преобладать в общественном сознании, что не могло не сказаться на восприятии госслужащих. Отметим печальный финал всего проекта, который лишь закрепил за островом его дурную репутацию. Это отчетливо видно, например, в работе Н.А. Преображенского, которая вышла после закрытия «сахалинского проекта». Развитию негативного образа способствовала его активная поддержка со стороны литераторов и ученых, что во многом помогло его победе в общественном сознании жителей России.

На этом вопросе завершается разбор того образа острова, который оставили чиновники в своих докладах, рапортах, а также записках наблюдений за жизнью и бытом различных групп населения. Далее речь пойдет о разборе тех визуальных источников, которые имеются в распоряжении историка в названных источниках по этой проблематике.

2.4. Характеристика фотодокументов как иллюстративного материала к реконструкции образа острова Сахалин

Стоит заметить, что включали в свои работы иллюстративный материал, как пессимистично, так и оптимистично настроенные госслужащие. Хотя стоит отметить, что у первых изображений встречается гораздо больше, чем у вторых. Так у Н.С. Лобаса и Н.А. Преображенского каждая глава содержит целый ряд фотографий, дополняющих рассказ чиновников о штрафной колонии. К сожалению, эти изображения не имеют указания авторства, но изучив некоторые из них, можно определить снимки фотографа-любителя Иннокентия Игнатовича Павловского.

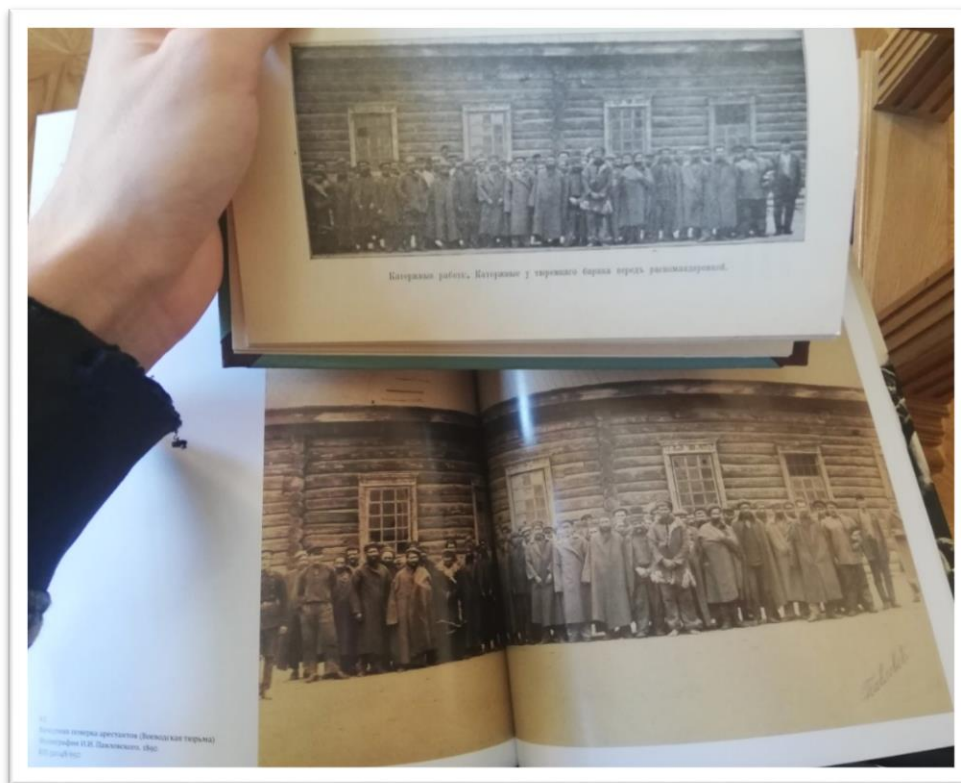

Илл. 1. ³⁵⁷

---

³⁵⁷ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 14.

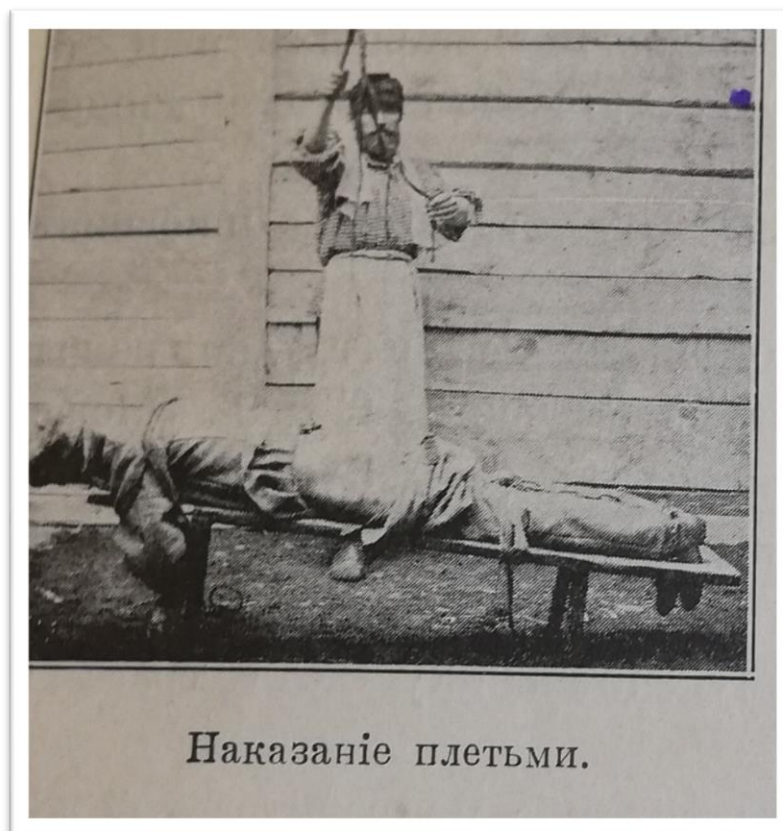
*Илл. 2.*³⁵⁸

Стоит отметить, как ярко эти изображения передают тот дух сахалинской каторги, о котором пишут Н.С. Лобас и Н.А. Преображенский. Особенно вторая фотография «Вечерняя проверка арестантов», сделанная И.И. Павловским в 1890 году. На ней видно обветшалое здание тюрьмы с мутными стеклами и группу арестантов, выведенную перед ней. Если присмотреться, то отчетливо виден разнобой в одежде заключенных: у кого-то из полушубка торчит мех, у кого-то рукава полностью скрывают руки, у кого-то же они едва прикрывают запястья.

Особые эмоции вызывают фотографии телесных наказаний, которые должны передать читателю весь ужас подобных практик, о необходимости, отмены которых говорили во всем цивилизованном мире.

---

³⁵⁸ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 64.

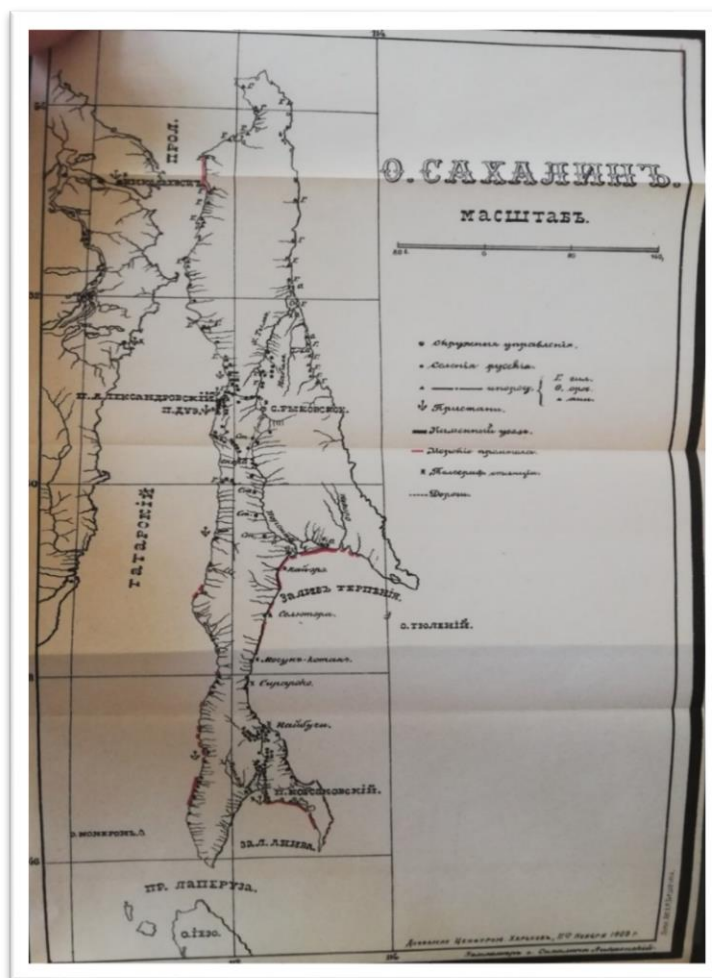

Илл. 3. ³⁵⁹

Помимо этого, в качестве демонстрации использовались и карты. На них были нанесены основные населенные пункты Сахалина, пути сообщения, а также районы горного и рыбного промысла. Это должно было помочь сориентироваться читателю и понять, о каких территориях или объектах ведет свое повествование автор.

---

³⁵⁹ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 26.

Илл. 4.³⁶⁰

Из этих сюжетов видно, что пессимисты, во многом, хотят при помощи своего иллюстративного материала найти общий язык со своим читателем. Они предлагают ему, как изобразительный материал, для лучшего понимания географии острова, так и выразительные фотографии для создания мрачного образа штрафной колонии. Оптимисты же редко пользовались форматом отдельной книги для формулирования своих взглядов. В основном о них можно судить по отдельным газетным статьям или по рабочим отчетам, которые, по своей стилистике, предполагают почти полное отсутствие иллюстраций.

Отдельного упоминания в связи с изобразительными источниками достоин агроном Алексей Александрович фон Фрикен. Помимо своих

³⁶⁰ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин...

непосредственных занятий он прославился как опытный фотограф, изображения которого использовали многие авторы книг о Сахалине. Так французский этнолог Поль Лаббе³⁶¹ и английский путешественник Чарльз Генри Хоуз упоминали в своих работах, что использовали материалы А.А. фон Фрикена³⁶². К сожалению, при публикации, они не указали какие снимки принадлежат Алексею Александровичу, что крайне усложняет их атрибуцию.

С фотографом был знаком А.П. Чехов и И.П. Ювачев, которые хранили его снимки в своих коллекциях³⁶³. Так практически единственное изображение Антона Павловича на Сахалине сделано именно Алексеем Александровичем.

Илл. 5.³⁶⁴

Особое место среди визуальных источников занимают фотографии арестантов в работах Н.С. Лобаса. Дело в том, что в своем труде «Убийцы (Некоторые черты психофизики преступников) со снимками преступников» он пытался применить к каторжанам модную в то время теорию Чезаре Ломброзо. И хотя он не во всем соглашался с итальянским ученым Николай Степанович, в том числе рассматривал арестантов с точки зрения его физиогномической теории.

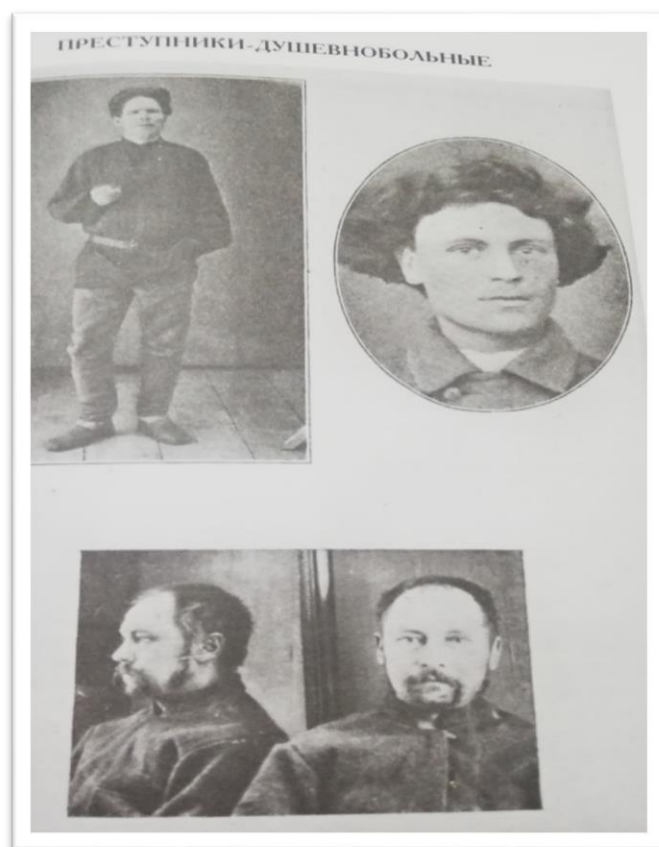
---

³⁶¹ *Labbé P. Ibid. P.21*

³⁶² *Хоуз Ч.Г. Указ. соч. С. 163.*

³⁶³ *Рыхляковский В.Н. Род фон Фрикенов в России. СПб: Лебедушка 2012. С. 193-194.*

³⁶⁴ URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/01/24/nado-podsyapat-pod-sebya-porokhu> (дата обращения 18.09.2022)

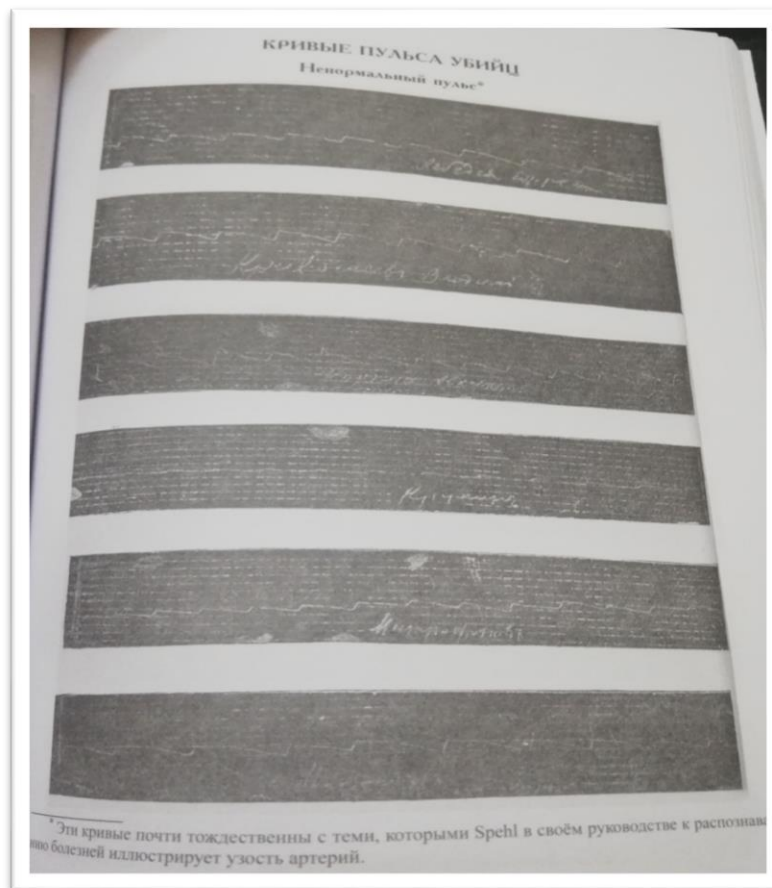
*Илл. 6.*³⁶⁵

Однако Н.С. относился к ней достаточно скептически и уделял больше внимание пульсу каторжан, считая что их замедленный сердечный ритм свидетельствует о некоторой безчувственности, которая позволяет им совершать свои преступления и не испытывать при этом никаких моральных терзаний.

---

³⁶⁵ Лобас Н.С. Сахалинская каторга: (записки тюремного врача)... С.159.

Илл. 7. ³⁶⁶

Этот подход весьма примечателен, так как помимо социального фактора Николай Степанович водить еще и биологический фактор, который, по его мнению, имеет значительное влияние на формирование будущего преступника.

Если подводить итоги по использованию визуальных источников для понимания того образа, который создают в своих трудах чиновники, то стоит отметить, что, в основном, изображения служат, лишь, как иллюстрация излагаемых авторами идей. Причем, что примечательно, наибольшее количество фотографий содержится в работах пессимистично настроенных госслужащих. Помимо уже изложенных причин влияние на это оказал тот факт, что и А.А. фон Фрикен, и И.И. Павловский были прямо или через одно рукопожатие знакомы с авторами этих трудов и могли поделиться с ними своими снимками.

---

³⁶⁶ Там же. С. 171.

Особенный интерес вызывают, конечно, фотографии Алексея Александровича, так как они хотя и использовались для иллюстрации разных книг, носят самостоятельный характер и отражают те темы, которые интересовали А.А. фон Фрикена.

Илл. 8. ³⁶⁷

Так помимо снимка А.П. Чехова в его коллекции имеется множество фотографий Сахалина той поры, что помогает лучше представить внешний вид штрафной колонии.

Крайний интерес представляют визуальные источники, в работах Н.С. Лобаса, так как, приведенные им изображения используются в научных целях, в попытках продвинуть развитие криминалистики. В исследовании они будут полезны для понимания того, как выглядели местные арестанты.

Завершая этим вторую главу, кратко обрисую образы каторги, которые можно увидеть в трудах сахалинских чиновников. Существующее разделение на картину штрафной колонии М.Н. Галкина-Враского (положительное) и А.П. Саломона (отрицательное) выглядит достаточно справедливо, однако все-таки нуждается в некоторых уточнениях. Нельзя сказать, что в работах Михаила Николаевича и других оптимистов остров предстает только с положительной стороны. Во многом там встречаются все те же замечания, что

---

³⁶⁷ URL: <https://gil-museum.ru/museum/research/okrestnosti-posta-aleksandrovskego-v-literaturnykh-trudakh-ch-khouza-i-a-p-chekhova/#research-detail-gallery-1> (дата обращения: 10.12.2022)

у пессимистов, но эти проблемы кажутся преодолимыми. Так, практически вся книга Ф.Н. Ливина построена на том, как он борется с теми или иными недоработками в жизни вверенной ему тюрьмы. В статье фон Фрикена не только критикуется ситуация в сельском хозяйстве, но и предлагаются пути решения имеющихся проблем³⁶⁸. То же касается и А.А. Панова, который, понимая все недочеты в организации штрафной колонии, даже после поражения от Японии, писал о стратегической важности Сахалина для Российской Империи³⁶⁹. Таким образом, можно сказать, что положительный образ острова заключается не во фразе «на Сахалине все хорошо», а во фразе «на Сахалине все будет хорошо». Поэтому обвинять оптимистов в том, что они не видели существующих проблем, не корректно. Им просто казалось, что эти трудности разрешимы и что их надо преодолеть для пользы страны.

Пессимисты не только ругали положение дел на острове, но и подмечали его природные богатства и потенциал для развития. Однако они считали, что, осваивая Сахалин подобным образом, правительство не только не добьется своих целей, но и нанесет вред своей экономике и морально-нравственному состоянию арестантов.

В своем идеальном виде два этих противоположных видения острова имели следующий вид. Оптимистический образ, изображал Сахалин, как еще до конца не исследованный, но неизмеримо богатый регион, который обещает невероятные выгоды для Российской Империи. Его почвы плодородны, недра полны углем, золотом и нефтью, а в реках плавают огромное количество рыбы, которая только и ждет пока ее выловят, и продадут в соседние страны. Каторжане же, попавшие на остров, не будут бесцельно сидеть по камерам, а им представится возможность искупить трудом все совершенные ими прегрешения. При этом будет решен целый ряд проблем: разгрузится тюремная система Сибири, нежелательные элементы будут удалены подальше

---

³⁶⁸ *Фон Фрикен А.А.* Записка инспектора сельского хозяйства на Сахалине // Тюремный вестник СПб. С. 271.

³⁶⁹ *Панов А.А.* Указ. соч.

от материка, а также будут найдены работники на промысловую и сельскохозяйственную деятельность, развитие которой в свою очередь поспособствует освоению острова. И доказательство функциональности этой системы можно видеть в отчетах высокопоставленных чиновников, таких, например, как начальник тюремного управления М.Н. Галкина-Враского. Также, на первых этапах становления штрафной колонии, весьма вероятно помощь со стороны коренного населения Сахалина, которое на тот момент пребывало под гнетом японцев и будет благодарно Российской Империи за освобождение. И при этом еще надо сказать о невероятном стратегическом значении острова, которое заставило бы обратить на него внимание даже и без остальных его преимуществ. Сахалин – это невероятный военный и торговый плацдарм, который, с одной стороны, мог бы защитить материк от атаки Англии, Японии и Америки, а другой - стать центром экономического и культурного влияния России в Тихоокеанском регионе.

Пессимистический же образ острова рассматривает штрафную колонию немного под другим углом. В нем не отрицается важное стратегическое значение Сахалина, а также наличия огромного запаса полезных ископаемых и природных ресурсов. Однако при этом подчеркивается, что при всей своей привлекательности эти богатства требуют огромного и квалифицированного труда для их извлечения, который за все эти годы так и не смогла организовать местная администрация. Но не это основной пункт критики пессимистов. Они ставят под сомнение всю изначальную концепцию правительства, рисуя Сахалин, как поросшую лесами заболоченную тундру, малопригодную к занятию сельским хозяйством способом привычным для жителей Центральной России, следствием чего является дефицит самых необходимых продуктов, что толкает каторжан на разнообразные преступления и развращает их души, Этому способствует и некомпетентность местной администрации, которая не может нормально организовать ни одно предприятие, а едет на Сахалин лишь для личного обогащения. Это ведет к застою, как в рыбной ловле, так и в добыче угля, чему

способствует и неквалифицированный труд каторжан. Не способствует нормализации ситуации и чрезмерная жестокость чиновников, которая только сильнее злит арестантов и ранит их человеческое достоинство.

Помимо этого, создается образ острова как непроходимой чащобы, где практически отсутствуют нормальные пути сообщения, от чего страдают жители отдаленных деревень, которым, иногда, приходится буквально проходить сотни километров, чтобы получить необходимые лекарства и инструменты. «Иностранцы» же в пессимистическом образе не являются союзниками российского правительства, а угнетаются им для собственного обогащения. Так, подчеркивается тот урон, который наносит непродуманное строительство поселений традиционным путям перекочевок коренных народов, а также негативное влияние на них русского населения, которое спаивает «иностранцев» для приобретения у них по дешевке ценного меха. И это, не говоря об опасности со стороны бродяг, которые иногда вырезают целые деревни гиляков и айну.

Понятно, что выявленные характерные черты, свойственные реконструированным на основе анализа текстов источников образам будущего Сахалина ни у одного автора не встречаются в чистом виде. Даже у самых критически настроенных госслужащих будет сказано несколько хороших слов об острове, так же, как и у оптимистов проскочит несколько замечаний о той или иной особенности сахалинского быта.

Таким образом, можно сказать, что в трудах госслужащих превалировало два основных взгляда на остров: «Сахалин как будущий военный и промышленный центр Дальнего Востока» и «Сахалин, как непродуманная авантюра, разбазаривающая деньги из бюджета». И та и другая точка зрения имела свои весомые аргументы, однако большую популярность приобрела пессимистическая концепция и важную роль в этом сыграли литераторы, восприятие которыми острова Сахалин как исторического пространства будет предметом рассмотрения в следующей главе.

Глава 3. Источниковедческие проблемы реконструкции восприятия острова Сахалин современниками-литераторами

Переходя к анализу особенностей реконструкции восприятия и оценки хозяйственного и гуманитарного потенциала острова Сахалин как исторического пространства литераторами необходимо прояснить специфику социокультурных характеристик данной группы как авторов текстов по сравнению с чиновниками и учеными. Ее специфичность складывается, главным образом из тех целей, в связи с которыми автор попал на остров и которые побудили его написать о своем пребывании в штрафной колонии. В этом плане для группы литераторов, которые зафиксировали свою память об острове Сахалин, свои аутентичные восприятия и характеристики отдельных сторон жизни острова, в целом, о сахалинской каторге, в частности, в своеобразной по жанру форме беллетризованных наблюдений-травелогов, воспоминаний, записок и даже исследований характерным является то, что они изначально пытались ответить на запрос общества касательно положения дел на каторге. Именно это и стало для них побудительным мотивом того, чтобы обратиться к сахалинской теме. Причем конечные цели у каждого из авторов могли быть разные: кто-то хотел поднять важные морально-этические темы, кто-то высказаться о популярном сюжете, а кто-то не скрывал и своих корыстных целей. В этом плане имеется определенная схожесть с госслужащими, которые активно начали выпускать свои труды о штрафной колонии после поездки А.П. Чехова. Однако различие состоит в том, что они рассуждали о проблемах острова именно с позиций работников администрации и могли придерживаться определенной линии повествования, чтобы представить в лучшем виде свою работу, как это видно на примере Ф.Н. Ливина. Некоторые литераторы не убереглись от определенного рода ангажированности своих суждений относительно настоящего и будущего острова Сахалин. Это проявилось в том, что они порой сгущали краски в своих оценках и восприятиях в угоду принятой тогда конъюнктуре. Приведенный

факт заставляет совершить определенное деление литераторов на три группы. В первую войдут А.П. Чехов, В.М. Дорошевич и И.П. Ювачев, поскольку они в своих текстах представили оригинальный образ штрафной колонии, который не потерял актуальности и до сего дня.

Отдельному рассмотрению будут подвергнуты роман Б. Еллинского, статьи, авторами которых были Г. Госткевич, А.И. Ермаков, а также доклад И.И. Мейснера. Касательно первых трех надо отметить, что они писались уже в советское время и во многом уже «работали» на актуальный для правительства негативный образ Российской Империи. Г. Госткевич, А.И. Ермаков и Б. Еллинский изначально были замотивированы на наиболее негативное представление штрафной колонии, что явилось причиной их предвзятого отношения ко многим вопросам. Поэтому они не скупятся на черные краски, что было даже замечено в современной историографии³⁷⁰, которая предлагает достаточно осторожно относиться к данным статьям.

Практически то же самое можно сказать и про И.И. Мейснера, только он выступал перед иностранной аудиторией и для привлечения внимания сильно искажал многие факты³⁷¹. К этому стоит добавить его сложные отношения с правительством, которое отправило его на каторгу как террориста, что объясняет его весьма однобокий взгляд на штрафную колонию.

Особого представления и анализа заслуживают тексты английского писателя и путешественника Гарри де Виндта. Как иностранец он имел весьма специфический взгляд на Сахалин, связанный с обстоятельствами его пребывания на острове, а также языковым барьером, который мешал ему уловить некоторые детали тюремной жизни. К сожалению, эти части будут весьма сильно отличаться по своему размеру, так как, допустим книги А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева насчитывают сотни страниц, а

---

³⁷⁰ От составителей //Сахалинская каторга: (вторая половина XIX – начало XX в.): документы и материалы. Южно-Сахалинск; Сахалинская областная типография. 2015. С. 17.

³⁷¹ Мейснер И.И. Остров Сахалин. Воспоминания политического ссыльного... С. 160

Гарри де Виндт в своей книге уделил Сахалину чуть больше десятка. Однако различия целей авторов, их культурного уровня и профессионализма делают необходимым подобное деление.

Стоит отметить, что в этой главе будет делаться акцент на опубликованные труды литераторов, так как именно они сыграли основную роль в формировании представленного облика штрафной колонии. Для полноты картины будут использоваться источники, которые не предполагались к печати, такие, например, как дневники И.П. Ювачева. Это поможет выявить те грани в восприятии литераторов, которые они, по тем или иным причинам, хотели скрыть от посторонних глаз.

Принимая во внимание все вышесказанное для воссоздания образа Сахалина в восприятии литераторов необходимо решить следующие задачи:

Во-первых, выявить тот комплекс источников, который наилучшим образом позволит понять отношения литераторов к тем или иным проблемам на острове.

Во-вторых, сформулировать список тем, рассмотрение которых наилучшим образом поможет прояснить позицию писателей относительно жизни Сахалина.

В-третьих, выявить общие и особенные черты в восприятии острова литераторами по отношению к госслужащим и ученым.

3.1. Интерпретации оценок хозяйственного потенциала острова Сахалин в литературных текстах А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева

На первом этапе анализа текстов литераторов-современников процесса колонизации острова Сахалин необходимо последовательно реконструировать отношение А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева как к вопросам развития сельского хозяйства, промышленной деятельности на Сахалине, ссыльнокаторжным, чиновникам, инфраструктуре острова, так и к

«иногородцам», что выражено в характеристиках, данных литераторами. Подобные же процедуры реконструкции будут осуществлены и применительно к текстам, написанным Б. Еллинским, Г. Госткевичем, А.И. Ермаковым, И.И. Мейснером и Гарри де Виндтом. Однако, по уже изложенным причинам, они будут выделены в отдельные группы. Кроме того, из-за небольшого размера их трудов их образ острова будет рассматриваться в более упрощенной манере, так как по некоторым вопросам их тексты практически не содержат информации.

Разбор восприятия литераторами Сахалина, как в случае с чиновниками, начнем с обзора их взглядов на сельскохозяйственный потенциал острова, хотя надо отметить, что эта проблема интересовала литераторов гораздо в меньшей степени, чем чиновников. Наверное, наиболее полно из всех пишет об этом А.П. Чехов. Но перед тем, как рассмотреть взгляды писателя на эту проблему, попробуем разобраться, что за причина вообще побудила его заняться изучением штрафной колонии.

Ответ на этот вопрос весьма непросто, и разные ученые дают на него разнообразные ответы. Кто-то приписывает это влиянию, оказанному на Антона Павловича работой американского журналиста Кеннана «Сибирь и каторга», который побывал почти во всех самых известных пенитенциарных учреждениях России, но так и не смог добраться до Сахалина³⁷². Кто-то видит причину поездки в желании А.П. Чехова осуществить своего рода подвиг и описать страдания русского народа³⁷³. Некоторые же объясняют стремление писателя попасть на каторжный остров депрессией, охватившей его после смерти брата или же творческим кризисом, который испытывал в это время Антон Павлович³⁷⁴.

---

³⁷² Меламед Е. Ключ к аду//Сибирь и ссылка Т1. СПб., 1999. С. 56.

³⁷³ Теплинский М.В. Бурятов. Б.Н. Указ. соч. С.8

³⁷⁴ Латышев В.М. А.П. Чехов и Сахалин // Быть может, пригодятся и мои цифры. Материалы сахалинской переписи А.П. Чехова. 1890 года. Южно-Сахалинск, 2005.

Но в любом случае к осени 1889 года А.П. Чехов окончательно решил отправиться на Сахалин³⁷⁵. С этого времени он начал активно готовиться к своей поездке на остров. Антон Павлович начал штудировать литературу, касающуюся этой темы, и даже привлек к этому делу свою сестру, которая приносила ему из Румянцевской библиотеки переписанные статьи, посвященные штрафной колонии³⁷⁶. Писатель начал пытаться получить разрешение на беспрепятственное посещение тюрем Сахалина. С этой целью он несколько раз писал прошения в Петербург начальнику главного тюремного управления М.Н. Галкину-Враскому. Однако в итоге А.П. Чехов получил отказ и мог осматривать тюрьмы только со специально приставленным к нему человеком. Более того, как выяснилось уже гораздо позже, М.Н. Галкиным-Враским был послан сахалинской администрации специальный приказ не допускать Антона Павловича к общению с политическими заключенными, которые обитали в это время на каторге³⁷⁷.

Однако эти препятствия не смогли остановить А.П. Чехова и 21 апреля 1890 года он отправился из Москвы на Сахалин³⁷⁸, а конкретно – в пост Александровский, в который писатель благополучно прибыл 11 июля³⁷⁹. С этого времени Антон Павлович непрестанно работает, чтобы собрать информацию о жизни штрафной колонии. В том числе он изучает и вопросы, связанные с плодородностью местных почв, но при этом отмечает, что данная проблема сложнее, чем может показаться. «При мне сельскохозяйственный вопрос на Сахалине находился в каком-то особенном фазисе, когда трудно было понять что-нибудь»³⁸⁰. Да и как можно было сказать иначе, когда с разницей в минуту один человек говорит А.П. Чехову, что сам знает поселенца, у которого калифорнийская пшеница уродилась сам 22, а другой,

---

³⁷⁵ Теплинский М.В. Бурятов. Б.Н. Указ. соч. С. 12.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Там же. С. 14.

³⁷⁸ Теплинский М.В. Бурятов. Б.Н. Указ. соч. С. 19.

³⁷⁹ Там же. С. 20.

³⁸⁰ Чехов А.П. Указ. соч. С. 374.

что на Сахалине отродясь не было, сколько-то значимого урожая зерновых³⁸¹. Не облегчило задачу для писателя и обращение к статистике. Как выяснилось, с одной стороны, статистические данные по сбору урожая завышают чиновники на местах, чтобы не попасть под грозную руку начальства³⁸², с другой, эти данные занижаются крестьянами, которые не хотят остаться без казенных субсидий³⁸³.

После изучения значительного объема разнообразных материалов Антон Павлович все-таки встает на сторону скептиков и делает он это, во многом, опираясь на данные метеорологических наблюдений. Из них видно, что на острове выпадает очень много осадков, которые, в теории, не должны позволять вызревать пшенице, ржи и ячменю на Сахалине³⁸⁴. Однако, несмотря на это, выращивание злаковых культур остается в приоритете у местной администрации, так как этого требуют планы по колонизации острова. Из-за этого, по мнению А.П. Чехова, и рождается подобная дискуссия по поводу возможных успехов сельского хозяйства на Сахалине. Происходит это по той причине, что столичные чиновники, ознакомившись с данными поддельной статистики, требуют от своих подчиненных на местах дальнейшего развития этой отрасли, так как по официальным документам все идет совсем неплохо. Местная администрация вынуждена и дальше «корректировать» документы, чтобы не вызвать гнев своих начальников. Страдают же от этого простые люди, которые пытаются донести до общественности весь ужас сложившегося положения. Антон Павлович призывает изменить эту ситуацию и перейти от выращивания злаков к другим занятиям, например, к огородничеству, которое, по мнению автора, имеет все перспективы к развитию на острове³⁸⁵. Настаивать же на дальнейшем развитии

---

³⁸¹ Там же. С. 32.

³⁸² Там же. С. 374.

³⁸³ Там же. С. 373.

³⁸⁴ Там же. С. 378.

³⁸⁵ Там же. С. 380.

сельскохозяйственной колонии он считает глупым занятием, которое приведет только к дополнительной трате людских и финансовых ресурсов³⁸⁶.

Еще один литератор, в восприятии которого можно найти оценки потенциала развития сельского хозяйства на Сахалине, это И.П. Ювачев. Стоит отметить, что его история попадания на остров кардинально отличается от тех причин, которые побудили к поездке Антона Павловича. Дело в том, что Иван Павлович был сослан на Сахалин на целых восемь лет за участие в народовольческом кружке, в котором, ко всему прочему, обсуждались планы по убийству Александра III. Будучи перед отправкой на каторгу в заключении в Шлиссельбургской крепости, И.П. Ювачев полностью пересмотрел свои взгляды на жизнь и уверовал в Бога. Его перемена была столь значительная и столь искренняя, что ему даже предложили вместо ссылки на Сахалин постричься в монахи, но он отказался, так как, по его словам, был не готов возложить на себя столь серьезный обет³⁸⁷. Что примечательно, Иван Павлович был отправлен на остров вместе с еще одной заметной фигурой в истории Сахалина, а именно, Б.О. Пилсудским. Сохранилось даже стихотворение, которое написал И.П. Ювачев для того, чтобы приободрить Бронислава Осиповича.

О, если волны бы заснули!
Покой и мир бы прилетел!
То звезды из воды взглянули
Я б в море небо усмотрел!³⁸⁸

Однако надо отметить, что, несмотря на свое духовное перерождение Иван Павлович не перестал замечать тех проблем, которые были вокруг него. Так, он соглашается со многими положениями своих коллег, насчет виновности местного начальства в провале сельскохозяйственной политики на

---

³⁸⁶ Там же. С. 375.

³⁸⁷ Ювачев И.П. Сахалинские дневники. В 2 т. Т.1. (1890-1892 гг.) / Вступ. Ст., сост., подгот. Текста и комментариев Н.М. Кавина. Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. типография, 2014. С. 33.

³⁸⁸ Там же. С. 38.

острове. Например, И.П. Ювачев критикует чиновников за то, что из-за их неумения организовывать новые поселения на Сахалине начался земельный голод и слишком интенсивная обработка почв, что привело к истощению земли и падению урожаев³⁸⁹. «Вскоре вся удобная земля долины на десять верст в обе стороны от селения была расчищена и разработана под пашни или покос, при чем тюрьма и военная команда заняли лучшие покосы. Негде было и скотину пасти. Появились жалобы на недостаток земли³⁹⁰».

Иван Павлович обвиняет местную администрацию в полном пренебрежении к нуждам колонистов. Он отмечает, что ссыльнопоселенец практически никогда не может получить сельскохозяйственных орудий для своего пользования и ситуация, когда чиновники отправляют каторжан осваивать новые территории, выдавая им лишь топор и мотыгу на человека, являются весьма нередкими в истории острова³⁹¹. Причем в этом пассаже И.П. Ювачев оправдывает М.С. Мицуля, который высоко отзывался о перспективах сельского хозяйства на Сахалине. Литератор отмечает, что Михаил Семенович говорил об успехе данного предприятия, только в том случае, если оно будет вестись с применением современных технологий и качественного оборудования. Что и подтвердилось на практике, так как те хозяйства, которые были организованы самим агрономом, были весьма доходны и выращивали неплохие урожаи³⁹². Стоит отметить, что Иван Павлович возлагает на ссыльнопоселенцев часть ответственности за провал сельскохозяйственной политики на острове. По мнению автора, многие земледельцы не учитывают специфику сахалинской земли и работают по тем правилам, которым они обучились у себя на родине³⁹³. Это приводит к быстрому истощению почв и падению урожайности. Однако, если подойти к делу освоения земель разумно, пользуясь современными (на то время)

---

³⁸⁹ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине... С. 111.

³⁹⁰ Там же. С.111.

³⁹¹ Там же. С. 110.

³⁹² Там же.

³⁹³ Там же. С. 112.

орудиями труда, то можно достичь неплохих результатов на этом поприще, чему И.П. Ювачев был непосредственным свидетелем³⁹⁴. Таким образом, автор в меньшей степени разделяет скепсис своих коллег и считает, что у местного земледелия еще есть возможности для развития³⁹⁵.

Еще один литератор, которого надо упомянуть в связи с этой темой это В.М. Дорошевич. Еще при подготовке поездки А.П. Чехова на Сахалин он очень заинтересовался этой темой и даже выпустил следующую статью в московской газете «Новости дня»: – «Талантливый А.П. Чехов предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников. Прием совершенно новый для России и очень привычный за границей. Заграничные писатели – французы в особенности – народ живой и подвижный... Русский пишущий человек, наоборот, отличается полнейшей неподвижностью. В сравнении с живым французом он талантливый истукан. Круг его наблюдений очень ограничен... А.П. Чехов является, во всех отношениях исключением. Во всяком случае, это первый из русских писателей, который едет в Сибирь и обратно»³⁹⁶. Выпуск в свет книги «Остров Сахалин» только сильнее подтолкнул его к поездке на каторжный остров. Но его задачи во многом отличались от той задумки, которую ставил перед собой А.П. Чехов. В.М. Дорошевич хотел создать сенсационный материал, который бы сразу привлек внимание читателя. Стоит только посмотреть на название глав в его книге: «Знаменитый московский убийца»³⁹⁷, «Людоеды»³⁹⁸, «Каторжная баронесса Геймбрук»³⁹⁹, чтобы заметить сильный контраст со стилем Антона Павловича. Влас Михайлович, как и А.П. Чехов, сначала пытался идти официальным путем и обратился за разрешением на обследование острова в

---

³⁹⁴ Там же. С. 114.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ *Дорошевич В.М.* Петербург (От нашего корреспондента). 24 января // *Новости дня*. М., 1890. № 2359, 26 января. С. 3.

³⁹⁷ *Дорошевич В.М.* Сахалин. Каторга... С. 279.

³⁹⁸ Там же. С.292.

³⁹⁹ Там же. С. 299.

Главное тюремное управление, однако, получил отказ⁴⁰⁰. После этого он решил действовать на свой страх и риск и сел на пароход Одесса – Владивосток, который перевозил на место заключения новую партию арестантов⁴⁰¹. Тюремное управление предупредило Дорошевича, что во время всей поездки к нему будет приставлен человек, который будет препятствовать ему общаться с заключенными⁴⁰². Но не такой человек был Дорошевич, чтобы соблюдать подобные запреты. Старший помощник, приставленный к репортеру надзирателем, всячески ограждал его от встречи с арестантами и даже приказал провести похороны одного из заключенных, умерших по дороге на Сахалин скрытно, чтобы В.М. Дорошевич ничего не узнал⁴⁰³. Однако «король русских фельетонистов» нашел несколько способов выяснить, что творится в головах ссыльнокаторжных, плывущих с ним на одной барже. Для начала он, после наступления сумерек, стал проводить время у вентиляционного отверстия, из которого он мог слышать, о чем переговариваются в трюме заключенные⁴⁰⁴. Влас Михайлович получил разрешение прочитывать письма арестантов, так как они все равно вскрывались и подвергались цензуре⁴⁰⁵. Под конец же плавания В.М. Дорошевич, совсем осмелев, начал даже напрямую общаться с ссыльнокаторжными, спрятавшись на палубе за грудой мешков и веревок⁴⁰⁶. Дошло до того, что Влас Михайлович так преуспел в том, чтобы «втереться в доверие» к арестантам, что даже смог укорить старшего помощника его незнанием обстановки на барже⁴⁰⁷. По прибытии во Владивосток В.М. Дорошевич начал искать встречи с местным генерал-губернатором,

---

⁴⁰⁰ *Дорошевич В.М.* Как я попал на Сахалин. М. 1905. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Как_я_попал_на_Сахалин_\(Дорошевич\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Как_я_попал_на_Сахалин_(Дорошевич)) (дата обращения 29.09.22)

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Там же.

чтобы попытаться у него получить разрешение осмотреть сахалинские тюрьмы. Но так как генерал-губернатор был в отъезде, подать прошение не представлялось никакой возможности, а вице-губернатор всячески препятствовал поездке журналиста на остров. Тогда у Дорошевича родился хитрый план, как он может попасть на такой уже вождеденный для него Сахалин. «Если все сорвется, и генерал Духовской откажет, я оставлю вещи с паспортом и деньгами до востребования в агентстве добровольного флота. Затем уеду в первый попавшийся город в Уссурийском крае и, одевшись посквернее, явлюсь в полицию.

– Бродяга, не помнящий родства.

Меня арестуют, будут судить и, по обыкновению, приговорят к полутора годам каторжных работ на Сахалине.

Попав в каторгу, ознакомившись с нею, я в каждую данную минуту могу «открыть свою родословную». Объявить, что я такой-то, и сведения о моей личности можно получить там-то. По наведении справок, меня немедленно «возвратят в первобытное состояние», освободят, и я выйду, великолепнейшим образом зная Сахалин»⁴⁰⁸.

Однако этот план был оставлен Власом Михайловичем на крайний случай из-за его рискованности. Журналист решил сначала действовать с наскока, и как он сам пишет, сыграть с местными чиновниками Хлестакова⁴⁰⁹. Когда он прибыл в Карсаковский округ, все еще не имея разрешения на посещение каторги, он просто пришел к начальству с вопросом: «Когда я могу осмотреть вверенную вам тюрьму»⁴¹⁰? Он действовал так, как будто все бумаги у него в порядке, и пораженные его настойчивостью местные власти дали ему добро на изучение быта арестантов, даже не попросив его предоставить им разрешение от тюремного управления⁴¹¹. Вот так В.М. Дорошевич смог попасть на знаменитую сахалинскую каторгу, по

---

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же.

воспоминанием журналиста, он дневал и ночевал в компании арестантов⁴¹². Это помогло ему хорошо понять те мысли и чувства, с которыми жили обитатели штрафной колонии, на внутреннем мире которых и сконцентрировался литератор. Поэтому нет ничего удивительного, что ученые очень часто используют для своих исследований труды А.П. Чехова, изобилующее статистическими данными и работы В.М. Дорошевича, обращающиеся к повседневной жизни арестантов, компенсируя лакуны в произведениях одного автора, информацией из книг другого.

Так, допустим, Влас Михайлович, в отличие от вышеуказанных авторов, не выделяет специально часть глав про сельское хозяйство, но при этом его позицию по этому вопросу можно легко понять во фразах и замечаниях, разбросанных по книге. Например В.М. Дорошевич, ругая некомпетентность чиновников, упоминает о том, что, среди тех чиновников, кто занимается освоением территорий острова немало разорившихся помещиков, которые приехали на Сахалин поправить свои дела, испорченные их безграмотным управлением хозяйством⁴¹³.

Влас Михайлович приводит следующий разговор с ссыльнопоселенцами: «А сельское хозяйство? – Какое ж, ваше высокоблагородие, наше хозяйство! Не то что сеять, - есть нечего. У кого были семена, – съели. Скота не дают. Смерть подходит!»⁴¹⁴. Дальше литератор рисует образ полной несостоятельности аграрной политики на Сахалине. При этом он подчеркивает, что часто гораздо выгоднее оставаться каторжанином, так как в отличие от ссыльного, они получают казенное довольствие. Это даже позволило В.М. Дорошевичу создать афоризм, который, по его словам, пользовался на острове неизменным успехом – «Каторга начинается тогда, когда она кончается – с выходом на поселение»⁴¹⁵.

---

⁴¹² Там же.

⁴¹³ *Дорошевич В.М.* Сахалин. Каторга... С. 88.

⁴¹⁴ Там же. С. 53.

⁴¹⁵ Там же. С. 54.

Если подводить итог по вопросу о развитии сельского хозяйства, то стоит сказать, что литераторы, по большей части, считали, что идея со штрафной колонией обречена на провал. И если А.П. Чехов, придерживаясь данной позиции, еще подчеркивал всю сложность данного вопроса, то Влас Михайлович приводит только пессимистическую точку зрения. С И.П. Ювачевым все немного сложнее, хотя он пишет о том, что по этому вопросу существует много показухи и что есть даже специально заготовленные экскурсии для приезжих по образцовым, но практически единичным хозяйствам⁴¹⁶, однако при этом он указывает, что Сахалин не так безнадежен и при должном усердии с его земель можно собирать вполне приличные урожаи⁴¹⁷.

Если пытаться вывести общие черты в восприятии сельскохозяйственного потенциала Сахалин в текстах литераторов, то получится образ каторжного острова, на котором некомпетентная администрация заставляет ссыльных без должной поддержки и плана заниматься возделыванием земель, сильно отличающихся из-за климатических условий от центральной России. Это приводит к голоду и бедности местного населения, что служит основанием для вывода о том, что данная система нуждается в серьезном реформировании. Оценка возможности этого реформирования и характеристика необходимых для этого шагов отличаются от автора к автору.

Теперь посмотрим на восприятия выделенной первой группы литераторов промысловой деятельности на острове. Для А.П. Чехова и И.П. Ювачева – это достаточно принципиальные вопросы, так как напрямую связаны с идеей освоения острова. Для В.М. Дорошевича данная тема не так важна, однако он все равно касается ее в тексте рассказа о жизненном пути людей, оказавшихся на Сахалине.

---

⁴¹⁶ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 201.

⁴¹⁷ Там же. С. 130.

Наверное, один из самых излюбленных сюжетов для критиков штрафной колонии является рыболовная отрасль, где огромные запасы сырья пропадают втуне из-за халатного отношения администрации к данному вопросу и слишком большой бюрократизации в этой сфере⁴¹⁸. «Ведь приходят же к Сахалину ежегодно множество японских судов для ловли рыбы, и находят же рыбный промысел прибыльным даже и теперь, когда с них начали брать некоторую пошлину. А наши русские колонисты, связанные по рукам и ногам разными условиями и предписаниями, сидят впроголодь и до сих пор с нетерпением выжидают момента, когда им можно будет выбраться из ненавистного и страшного острова»⁴¹⁹. А.П. Чехов в своем рассказе о данной проблеме делает основной упор на то, что рыба, преимущественно форель и кета, вылавливается уже в реках, находящихся в глубине острова, а не в местах впадения их в море, что является, в данном случае, грубейшим нарушением техники заготовления. Этот пункт столь важен, так как Сахалин является конечной точкой миграции особей, стремящихся оставить свое потомство, причем стоит отметить, что она может закончиться только смертью и ни одна рыба в океан уже не вернется⁴²⁰. То есть, говоря иначе, они плывут против течения вглубь острова, пока у них на это хватает сил, а после этого их разлагающиеся и часто уже зараженные паразитами тела прибывает к берегу, где они становятся пищей для медведей или вылавливаются каторжными. Но, несмотря на то что администрация знает об этой особенности, она не спешит делиться этими фактами с арестантами, что ведет к тому, что данная ситуация остается уже много лет без изменений⁴²¹. Причем делается это не без злого умысла, так как часть ловель, которыми может распоряжаться тюрьма и которые находятся в подходящем для этого месте, либо используются чиновниками для личного обогащения, либо сдаются японцам, которые платят немалые деньги за то, чтобы первыми встретить бурлящий поток

---

⁴¹⁸ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 124.

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ Чехов. А.П. Указ. соч. С. 386.

⁴²¹ Там же. С. 391.

мигрирующей кеты⁴²². Такое отношение к вопросу рыболовства наносит мощнейший удар как по самой каторге, так и по финансам государства, поскольку в целях поддержания промыслов на Сахалине правительство платит фиксированные деньги за сданную арестантами рыбу, которая практически всегда по своему качеству уступает и не соответствует заплаченной за нее сумме. Однако, несмотря на то что эту рыбу практически невозможно употреблять, она все равно идет на уху арестантам, что провоцирует разнообразные заболевания и опять же траты на лечение со стороны государства⁴²³. И.П. Ювачев почти по всем этим пунктам согласен с Антоном Павловичем, единственное, что он добавляет ко всему перечисленному, это то, что помимо нарушения технологии вылова рыбы на Сахалине нарушается и технология ее заготовки. Многие ссыльнокаторжные подходят весьма небрежно к своим обязанностям, что приводит к тому, что часто недообработанная рыба отправляется в бочку с рассолом, что ведет к ее загниванию и порче⁴²⁴. Помимо этого, Иван Павлович отмечает, что не существует каких-то четких инструкций по вопросу засолки рыбы, что нередко приводит к ее протуханию и как итогу отравлению арестантов⁴²⁵.

Наиболее полно образ угледобывающей промышленности представлен в «Острове Сахалин», А.П. Чехова. Основная претензия Антона Павловича к горным работам, проводимым на острове, заключается в том, что они практически полностью отданы на откуп частному акционерному обществу «Сахалин⁴²⁶». Может показаться, что в этом нет ничего плохого, тем более общество брало на себя обязательства по правильной организации добычи полезных ископаемых. Для этого оно должно было держать в штате минимум одного горного инженера. Акционеры обязывались вносить арендную плату за шахты и труд каторжных, а также использовать, как своих рабочих только

---

⁴²² Там же. С. 392.

⁴²³ Там же. С. 389.

⁴²⁴ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине... С. 122.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Чехов. А.П. Указ. соч. С. 152.

местных арестантов⁴²⁷. Однако А.П. Чехов указывает, что эти пункты остались только на бумаге. Добыча происходит варварскими методами, техника безопасности не соблюдается, денег за работу каторжных, по стовору с администрацией, общество «Сахалин» не платило, и даже по официальным данным в его работе наблюдаются признаки «хищничества»⁴²⁸.

Это приводит к весьма странным коллизиям, которые можно реконструировать на основе текста книги Антона Павловича. Так, на территории острова функционируют два основных рудника: старый и новый. Новый рудник, в котором работали каторжане, имел широкие своды в шахтах, был обустроен системой вагонеток и хоть какими-то элементарными техническими приспособлениями. В старом же руднике, где трудились вольнонаемные рабочие, человек не мог выпрямиться в полный рост, из щелей постоянно лила вода и вагонетки с углем приходилось вести на расстояние в два раза большее, чем в новых рудниках. Однако при всем при этом производительность старого рудника превышала в два раза новый. Дело в том, что каторжане, не получая нормальной оплаты за свою работу были совершенно не заинтересованы в своем труде и часто не выполняли даже свою дневную норму по добыче⁴²⁹, поэтому основной объем полезных ископаемых добывали именно вольнонаемные рабочие. Внимательный читатель сразу же обратит внимание на то, что это положение вещей противоречит заключенному обществом контракту, по которому общество «Сахалин» обязано нанимать на угледобывающие работы только местных арестантов. Да, это действительно так, но для предпринимателей, это не представляется чем-то особо важным, ведь по бумагам все выглядит вполне законно, ведь наемные работники числятся в трудовых списках под каторжными именами⁴³⁰. Но где же сами арестанты, отправленные на работу, и почему администрация

---

⁴²⁷ Там же. С. 154.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же. С. 156.

⁴³⁰ Там же.

закрывает глаза на их отсутствие? Все просто: всего за 5 рублей в месяц⁴³¹ каторжанин может выкупить у общества право не появляться весь этот срок в окрестностях рудника. Вместо него в шахту ходит наемный рабочий, который уже материально заинтересован в количестве добываемого угля, поэтому и работает он гораздо эффективнее. Общество же таким образом решает несколько проблем: избавляется от неэффективных шахтеров, собирает деньги для взяток администрации, и обходит пункты заключенного ими договора. Побочным эффектом подобной операции становится практически полное отсутствие контроля над деятельностью откупившихся каторжных, которые вместо исправительных работ пьянствуют, воруют, играют в азартные игры. Это подогревает чувство недовольства среди малоимущих арестантов, которые, совершив иногда менее тяжкие преступления, чем откупившиеся работники, должны нести более суровое наказание, что никак не соответствует их чувству справедливости. Все это, по мнению А.П. Чехова, крайне отрицательно сказывается на всем горнодобывающем промысле региона.

В.М. Дорошевич достаточно мало касается вопросов промысловой деятельности на острове, так как было сказано выше, он предпочитал концентрироваться на судьбах отдельных людей, отбывающих свой срок на Сахалине, а не на экономических особенностях функционирования острова. Однако у Власа Михайловича есть одна история, по которой можно догадаться о его взгляде на рыбные промыслы Сахалина. Она повествует об астраханском скрипаче Крамаренко, который занимался засолкой рыбы на острове⁴³². Но, несмотря на занимаемую должность, он совершенно не осведомлен об особенностях этого процесса. Так, он производит засолку всухую, которая намного уступает засолке в рассоле по своим сберегательным свойствам⁴³³. Однако Крамаренко получает с этого солидные барыши, так как всю работу выполняют каторжане и ссыльнопоселенцы, требующие минимальную оплату

---

⁴³¹ Там же.

⁴³² *Дорошевич. В.М. Указ. соч. С. 67.*

⁴³³ Там же.

за свой труд. И самое удивительное в этой истории то, как он вообще получил эту работу. Крамаренко играл на скрипке, для представителей местной администрации, за что они его очень ценили. И однажды между ними завязался разговор о том, что неплохо найти человека, который бы мог помочь им засолить рыбу на этот год для арестантов, ведь они не имеют понятия, как это правильно делается⁴³⁴. И услышав это Крамаренко предложил свою кандидатуру, так как он из Астрахани, а там как раз занимаются засолом сельди. Получив 1000 рублей аванса от государства «скрипач» взялся за дело, однако практически вся первая партия была забракована, так как были нарушены технологии производства⁴³⁵. Но, несмотря на это, Крамаренко не сняли с должности, так как его было просто неким заменить, и он уже на протяжении трех лет исполняет свои служебные обязанности. Хотя В.М. Дорошевич и не делает никаких выводов из данной истории, однако и без этого его посыл о том, что огромные рыбные богатства Сахалина пропадают из-за небрежности местной администрации, кристально понятен читателю.

Образ промысловой отрасли в восприятии литераторов во многом пересекается с негативным образом у госслужащих. Основные идеи и там и там состоят в следующих тезисах: Сахалин невероятно богатый регион, где при желании можно заниматься как добычей рыбы, так и полезных ископаемых. Однако из-за плохой организации и некомпетентности ответственных за это людей эти отрасли не приносят должной прибыли, если вообще не работает себе в убыток. Поэтому необходим полный пересмотр политики правительства в данном направлении.

---

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ Там же. С. 68.

3.2. Повседневность и условия жизни и быта каторжан, ссыльнопоселенцев и коренных народов в отражении литературных текстов А.П. Чехова, В.М. Дорошевича, И.П. Ювачева

Следующий вопрос, к которому необходимо перейти, это образ каторжника, который рисуют в своих работах литераторы. Разделим повествование на поведение ссыльных в быту и их представления о морали и нравственности. Причем важно отметить, что именно последним литераторы уделяют наибольшее внимание.

Про условия жизни, быт и повседневность арестантов можно отыскать достаточно много информации, особенно у А.П. Чехова, который старался по максимуму пользоваться статистической информацией. Так, он приводит полный перечень казенного довольствия заключенных: «На Сахалине ссыльный, пока состоит на казенном довольствии, получает ежедневно: 3 фунта печеного хлеба, 40 золотников мяса, около 15 золотников крупы и разных приварочных продуктов на одну копейку; в постный же день мясо заменяется 1 фунтом рыбы»⁴³⁶. На первый взгляд может показаться, что это неплохой рацион, но Антон Павлович дальше начинает рисовать картину того, насколько выдаваемые продукты плохи по своему качеству. Так, например, указывается, что хлеб недопечен, причем смолот из дурной муки с большим количеством припека⁴³⁷. К иллюстрации приведенных наблюдений присоединяется и И.П. Ювачев, правда, он пишет о том, что в плохом качестве хлеба виновато не качество муки, которая везется из Одессы и даже не местные пекари, а сахалинское начальство. Дело в том, что они для экономии средств заставляют увеличивать количество припека, что крайне негативно сказывается на конечном продукте⁴³⁸. Это приводит к тому, что качественный

---

⁴³⁶ Чехов. А.П. Указ. соч. С. 397.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 25.

хлеб очень ценится на каторге и может даже служить валютой при обмене тех или иных товаров⁴³⁹.

С остальными продуктами дела обстоят не лучше: мясо и рыбу выдали арестантам практически только в соленом виде, что не является примером здоровой пищи. Особенно это касается именно рыбы, так как она неправильно засаливалась и вызывала у ссыльнокаторжных проблемы с пищеварением⁴⁴⁰. Хотя надо отметить, что эта критика, главным образом, относится только к тем продуктам, которые раздавало бесплатно государство. Покупная же рыба, по наблюдению И.П. Ювачева была в изобилие и хорошего качества, чего, правда, нельзя было сказать о мясе⁴⁴¹.

Единственными продуктами, которые можно было без проблем достать на острове, являлись разнообразные корнеплоды, главным образом, брюква и картофель, которые выращивались в огромном количестве на Сахалине и спасли немало поселенцев от голодной смерти⁴⁴².

Заканчивая разговор об условиях жизни в плане обеспечения продовольствием населения и заключенных в штрафной колонии можно еще привести достаточно интересное письмо И.П. Ювачева своим родным, которое он написал во время своего плавания до острова. Там он жалуется на скудный рацион, который состоял, главным образом, из сухарей, солонины и квашеной капусты. Однако, при заходе в порты им разрешалось закупать у местного населения продукты через иллюминаторы в их каютах. Таким образом Иван Павлович смог насладиться такими экзотическими для русского человека продуктами как: бананы, ананасы, кокосовые орехи, гранаты и другими заморскими фруктами⁴⁴³.

---

⁴³⁹ Чехов. А.П. Указ. соч. С. 400.

⁴⁴⁰ Там же. С. 401.

⁴⁴¹ Ювачев И.П. Собрание дневников в десяти книгах. Книга первая. Письма (1887-1891). Дневники (1890-1892). М.: Галеев-Галерея, 2016. С.105.

⁴⁴² Чехов А.П. Указ. соч. С. 406.

⁴⁴³ Ювачев И.П. Собрание дневников в десяти книгах. Книга первая. Письма (1887-1891). С. 103.

Переходя же к другому вопросу условий жизни и содержания заключенных, а именно, арестантской одежде, надо сказать, что литераторы уделяют ее описанию не так много внимания. И главная их мысль состоит в том, что хотя на бумаге ссыльные получают все необходимое, однако условия сахалинской жизни заставляют их изнашивать вещи быстрее, чем это необходимо. К этому стоит добавить и корыстолюбие местных чиновников, которые не гнушаются придерживать у себя полотно и недодавать его арестантам. Особенно тем, которые находятся далеко от глаз начальства⁴⁴⁴. Этот принцип работает и применительно к каторжанкам, причем с удвоенной силой. Дело в том, что многие из ссыльных женщин становятся любовницами местных чиновников, и чтобы подчеркнуть свой статус просят от своих кавалеров разнообразных подарков, в том числе, и одежды. Нередко можно увидеть, как по улице идет каторжанка, одетая по последнему слову моды, причем наряд на ней гораздо богаче, чем на женщинах свободного состояния⁴⁴⁵.

Переходя к жилищным условиям, надо отметить, что литераторы дают по этому поводу достаточно много информации, причем они рассказывают не только о жизни в тюрьме и на поселении, но отмечают и особенности проживания в тюремных каютах корабля, доставляющего ссыльных на остров. Наиболее интересен в этом плане образ, который рисует И.П. Ювачев, который сам проделал этот путь, будучи каторжанином. Все его впечатления отлично иллюстрируют следующие строки: «Пока и душно, и тесно, и грязно, но Господь подает мне здоровье. После одиночного заключения я испытываю другую крайность: неразлучно живу со 110 человеками. Слава Богу! до сих пор от всех внимание и любезность»⁴⁴⁶.

Эту картину полностью повторяет В.М. Дорошевич, который хотя не являлся заключенным, но проделал весь тот же путь на корабле от Одессы до

---

⁴⁴⁴ Чехов А.П. Указ. соч. С. 407.

⁴⁴⁵ Ювачев И.П. Указ. соч. С. 231.

⁴⁴⁶ Ювачев И.П. Собрание дневников в десяти книгах. Книга первая. Письма (1887-1891)... С.97.

Сахалина, в качестве пассажира и имел возможность бывать в каютах арестантов⁴⁴⁷. Он отмечает все ту же скученность, тесноту, недостаток кислорода, которые особенно становятся чувствительны при пересечении экватора. Причем чиновники относятся достаточно безразлично к арестантам и главная их задача – это не допустить беспорядков в дороге, даже если это может привести к неудобству для каторжан.

По прибытию на Сахалин ссыльных распределяют по тюрьмам острова, состояние которых может сильно варьироваться. По наблюдениям А.П. Чехова лучше всего обустроена тюрьма в Александровском округе⁴⁴⁸. Она состоит из прочно сколоченных казарм, окруженных забором. Двор чисто убран и, в общем, здания производят достаточно приятное впечатление. Внутри, правда, все не так чисто и опрятно, видно, что помещения достаточно сырые и в них нередко образуются лужи⁴⁴⁹. Количество свежего воздуха, приходящегося на одного арестанта, оставляет желать лучшего, но в целом эта тюрьма не сильно отличается от таких же зданий в материковой России.

Гораздо худшие впечатления производит Дуйская тюрьма⁴⁵⁰. Она меньше и гораздо грязнее тюрьмы в Александровском. Это ведет к большей скученности заключенных, что негативно влияет на санитарное состояние внутри камер. С теплоизоляцией тоже большие проблемы: доходит до того, что в зимние месяцы на потолке и стенах образуются настоящие сосульки. Понятно, что все эти факторы крайне плохо сказываются на здоровье заключенных.

Дополнительным негативным фактором, увеличивающим антисанитарию в камерах, является общая атмосфера сахалинской тюрьмы, которая поддерживает наплевательское отношение к себе и окружающим. Не

---

⁴⁴⁷ *Дорошевич В.М.* Как я попал на Сахалин. М. 1905. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Как_я_попал_на_Сахалин_\(Дорошевич\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Как_я_попал_на_Сахалин_(Дорошевич)) (дата обращения 30.01.2023)

⁴⁴⁸ *Чехов А.П.* Указ. соч. С. 76.

⁴⁴⁹ Там же. С. 83.

⁴⁵⁰ Там же. С. 145.

считается чем-то зазорным ходить по камере в обуви, запачканной грязью, плевать на пол, подкармливать насекомых⁴⁵¹. И если, кто-то все-таки решит навести порядок в помещении, он будет тут же подвергнут насмешкам со стороны окружающих. Понятно, что с таким подходом поддерживать порядок в камерах становится крайне непросто.

Что всегда поражает всех авторов, которые пишут о сахалинской тюрьме, эта та свобода, которой пользуются в ней заключенные, которых достаточно редко запирают в камерах, и они спокойно могут перемещаться по всей территории пенитенциарного учреждения. Особенно сильно это чувство проявляется у И.П. Ювачева, которому непривычно было такое отношение надзирателей, после строгостей Шлиссельбургской крепости⁴⁵².

Еще большей свободой пользуются в этом плане женщины. Их тюрьма представляет собой небольшое здание с одной камерой, человек на десять, которая практически никогда не бывает полностью заполнена⁴⁵³. Причиной тому является система сожительства, согласно которой каторжанок не держат под стражей, а отдают поселенцам для «обзаводства» семьей и помощи в ведении под стражей. В тюрьме они находятся только на время рассмотрения их дел в случае совершения преступления на острове. Но даже в случае убийства их там не оставляют, а просто передают другому сожителю⁴⁵⁴. Женская тюрьма – это строение сугубо формальное. По словам В.М. Дорошевича, впечатление оно производит крайне тяжелое: если мужчины на острове лишены многих прав, но их все-таки воспринимают за людей, отбывающих наказание, то женщины низведены до состояния предмета, как в самые худшие времена крепостной неволи⁴⁵⁵.

По вопросу качества жизни ссыльных вне тюремных стен мнения литераторов имеют определенные расхождения. Например, И.П. Ювачев на

---

⁴⁵¹ Там же. С. 85.

⁴⁵² Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине... С. 5.

⁴⁵³ Дорошевич. В.М. Указ. соч. С. 36.

⁴⁵⁴ Там же. С. 37.

⁴⁵⁵ Там же.

основе жизни в селении Рыковском, где он провел немало времени, пытается доказать, что и на Сахалине можно жить хорошо⁴⁵⁶. Так, Иван Павлович отмечает, что те хозяева, которые начинали свою деятельность под руководством М.С. Мицуля в самом начале основания штрафной колонии, сейчас преуспевают. У некоторых уже по несколько десятков голов скота, распаханые поля и жизнь не хуже, чем на материковой России. Схожие мысли можно увидеть и у А.П. Чехова, хотя в этом вопросе он настроен более скептически. Так, признавая, что на Сахалине можно жить хорошо, он отмечает, что это благополучие часто достигается не теми способами, которыми планировала местная администрация. Так, описывая процветание селения Слободки, где каждый дом покрыт тесом и имеет на своем участке огороды, бани и другие хозяйственные постройки, писатель отмечает, что достигнуто это благополучие не за счет сельского хозяйства, как предполагалось изначально, а за счет подпольной торговли спиртом⁴⁵⁷.

Много внимания уделяется и описанию негативных сторон жизни поселенцев. Наиболее эмоционально об этом рассуждает В.М. Дорошевич. Он рассказывает, как к нему обратилась группа ссыльных, которые надеялись, что писатель сможет помочь им передать свои просьбы вышестоящему начальству. Главная их проблема состоит в том, что они не могут найти способа прокормить себя и свою семью. Им не удалось наладить производство зерна на своих участках, а все выделенные семена были ими съедены, чтобы не умереть с голоду⁴⁵⁸. Тогда ими была предпринята попытка наняться на работу в поселении, но все места уже разобрали японцы, труд которых очень ценится на рыбных ловлях. Особенно тяжело приходится людям со специальностью, которые много лет учились какому-то ремеслу, но из-за недостатка клиентов не могут зарабатывать им на Сахалине⁴⁵⁹. Видя эту

---

⁴⁵⁶ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 110.

⁴⁵⁷ Чехов А.П. Указ. соч. С. 61.

⁴⁵⁸ Дорошевич. В.М. Указ. соч. С. 53.

⁴⁵⁹ Дорошевич. В.М. Указ. соч. С. 54.

ситуацию В.М. Дорошевич произнес афоризм, который очень ему понравился «Каторга начинается тогда, когда она кончается – с выходом на поселение»⁴⁶⁰.

Что примечательно, так это то, что не один Влас Михайлович пришел к такому выводу. А.П. Чехов, описывая быт ссыльнопоселенцев, цитирует одного генерал-губернатора, который после объезда вверенных ему селений произнес: «Каторга начинается не на каторге, а на поселении»⁴⁶¹. Подобный ход мыслей не удивителен, так как проблем у ссыльнопоселенцев было предостаточно, с чем соглашается даже И.П. Ювачев⁴⁶². Но тут проходит основное различие между авторами. Если В.М. Дорошевич на основе своего видения ситуации утверждает, что на поселении нельзя жить нормально, то остальные литераторы более оптимистичны в оценках и приводят примеры успешных сахалинских хозяйств. Следует особо выделить восприятие и оценку условий жизни на острове А.П. Чеховым, который даже в отдельной главе дает разбор основных причин неустроенности поселений на острове. Он отмечает, что все проблемы идут от земельного вопроса, который, как ни странно, оказался весьма значительным на Сахалине. Дело тут упирается в два основных фактора: в отсутствие инфраструктуры и целый ряд ошибок, допущенных местной администрацией в процессе основания новых поселений. Начнем с первой проблемы. Дело в том, что остров, как таковой, изначально был практически лишен, каких-либо путей сообщения. Поэтому, на первых порах, вся инфраструктура возникала вокруг крупных поселений Александровского и Дербенского. Те, кто успел при создании штрафной колонии получить тут земельный надел смогли даже вести более-менее приличное хозяйство⁴⁶³. Однако скоро свободных участков стало не хватать и ссыльных начали подселять в уже созданные хозяйства в качестве помощников – половинщиков. Понятно, что подобная практика создавала значительное число конфликтных ситуаций, поэтому администрация все

---

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Чехов А.П. Указ. соч. С. 305.

⁴⁶² Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 111.

⁴⁶³ Чехов А.П. Указ. соч. С. 61.

больше стала отходить от этой практики в пользу создания новых селений, да и план по колонизации острова никто не отменял. И теперь первая проблема начала пересекаться со второй. Из-за лени и некомпетентности некоторых чиновников, которые основывали поселения на болотах или в глухом лесу положения многих ссыльных становилось поистине невыносимым⁴⁶⁴. Из-за отсутствия инфраструктуры они терпят лишения буквально во всем от инструментов до медикаментов. И все это из-за плана колонизации, по которому сначала строят селения, а уже потом подводят к нему дорогу⁴⁶⁵. В итоге поселенцы остаются без инструментов на мало пригодной для сельского хозяйства почве, понятно, что урожаи, которые они будут собирать, окажутся весьма незначительными. Субсидии от правительства не сильно помогают, так как не решают проблему с плохой землей и отсутствием инвентаря, а только помогают отсрочить неизбежный крах селения. Однако, несмотря на эту мрачную картину, что у А.П. Чехова, что у И.П. Ювачева видна альтернатива этому безрадостному финалу. Каждый из них приводит пример селений, где все было организовано правильным образом, и где ссыльным удавалось наладить нормальный образ жизни. Хотя даже в этом случае остается проблема общей гнетущей атмосферы каторжного острова, которая заставляет даже успешных хозяев бросать все нажитое имущество и при первой же возможности уезжать на материковую Россию⁴⁶⁶.

Последний вопрос, который касается описания быта штрафной колонии, связан с проблемой каторжного труда на острове. Что примечательно, так это то, что литераторы рисуют этот процесс не только в черном цвете, но даже признают его необходимость для нужд колонизации. Так, А.П. Чехов подчеркивая весь невероятно тяжелый труд заключенных по доставке древесины в селения, отмечает, что это совершенно необходимо для налаживания инфраструктуры острова⁴⁶⁷. Сходные мысли встречаются и у

---

⁴⁶⁴ Там же. С. 304.

⁴⁶⁵ Там же. С. 306.

⁴⁶⁶ Там же. С. 316.

⁴⁶⁷ Чехов А.П. Указ. соч. С. 89.

И.П. Ювачева, который хотя и понимает всю тяжесть каторжных работ, признает, что без них многое в процессе освоения Сахалина осуществить было бы совершенно невозможно⁴⁶⁸. Эта мысль звучит тем справедливее, что Иван Павлович сам некоторое время побыл в шкуре каторжанина и участвовал вместе со всеми в выполнении дневного урока. Правда, надо отметить, что в виду его слабосильности, И.П. Ювачев достаточно быстро был снят с самых сложных работ и перенаправлен в столярную мастерскую. Причем подобное занятие доставляло ему некоторое удовольствие, так как, с одной стороны, этим он искупает совершенные им грехи, с другой, – это была хорошая возможность восстановить свои подорванные физические силы за годы сидения в Шлиссельбургской крепости⁴⁶⁹. Описание каторжных работ, которые выполнял Иван Павлович, носит достаточно идиллический характер. Он вместе с каторжанами трудится на свежем воздухе и параллельно рассказывает им об устройстве вселенной и мира, что помогает ему скрасить время.

Даже В.М. Дорошевич подчеркивает, что каторжные работы достаточно сильно отличаются по своей сложности и строгости наблюдения. Он приводит в качестве примера историю, где каторжане откровенно издевались над приставленным к ним конвойным, не пуская его в вагонетку на пристани, тем самым заставляя его бежать за ними по рельсам⁴⁷⁰. Многим вообще удается избегать каторжных работ, так как умелые люди достаточно быстро разбираются каторжной администрацией для своих нужд⁴⁷¹. Особенно это касается грамотных арестантов, которые часто выполняют работы писарей или помогают в организации работы метеорологической станции.

В этом заключается основная критика каторжных работ со стороны литераторов. Они указывают на тот факт, что начальство особо не разбирается в том, кто должен выполнить тот или иной урок. Из-за этого часто происходит

---

⁴⁶⁸ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 119.

⁴⁶⁹ Там же. С. 35.

⁴⁷⁰ Дорошевич. В.М. Указ. соч. С. 102.

⁴⁷¹ Чехов А.П. Указ. соч. С. 91.

так, что самые ловкие арестанты, даже в хорошей физической форме добиваются назначения на легкие работы. Менее же везучие, причем даже отнесенные к разряду слабосильных, могут получить наряд на разгрузку барж или строительство дороги, что совершенно им не подходит⁴⁷². Притом, что обычно самые сложные работы связаны с уходом из поселения и пребыванием в экстремальных условиях, что вместе с физической работой ослабляет организм и приводит к болезням среди каторжан.

Теперь, рассмотрев бытовую сторону жизни каторжан, перейдем к тому, как литераторы воспринимают их морально-нравственные качества. Надо отметить, что взгляды по этому вопросу у всех трех авторов весьма схожи. Так литераторы с крайним негодованием отзываются о системе сожительства, практикуемой на острове, которая заключается в том, что прибывшую в штрафную колонию женщину отдают на совместное жительство к одному из поселенцев для совместного ведения хозяйства. Понятно, что подобная практика ведет к разврату среди каторжан и нездоровому отношению между «сожителями». Это весьма пагубно влияет на сахалинских детей, которые растут в доме без любви и ласки, и, беря пример со своих родителей, рано встают на путь криминала. А если учесть, что часть каторжанок разбирается чиновниками для их плотских утех⁴⁷³, становится ясно, как это все негативно влияет на моральное состояние штрафной колонии. Особую проблему составляет то, что отказаться от системы сожительства каторжанка не может и, хотя по закону она должна заниматься принудительными работами или сидеть в тюрьме, такая возможность практически отсутствует на острове⁴⁷⁴. Это создает ужасную ситуацию, когда женщина может красть, убивать, торговать спиртным, а за это ей практически ничего не будет. Максимум, что могут с ней сделать – это выпороть, но к концу 80-х годов правительство отказалось от этой практики. Добавление лет к сроку

---

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Чехов А.П. Указ. соч. С. 328.

⁴⁷⁴ Там же. С. 331.

заклучения особой роли не играет и может служить только на руку арестантке, так как всем каторжанам, в отличие от ссыльнопоселенцев, полагается паек от казны. В.М. Дорошевич развивает эту тему, показывая на примере одной пары сожителей, до чего каторжанку может довести такое положение вещей⁴⁷⁵. Так, женщина не работает, целый день ничего не делает и требует от поселенца постоянных подарков. В противном случае, она угрожает уйти от него к начальнику поселения⁴⁷⁶. Мужик же сделать с ней ничего не может, да и ухода ее он боится, так как это может скомпрометировать его в глазах местного начальства. Однако такими методами могут пользоваться наиболее красивые и потерявшие всякую стыдливость каторжанки, многие же другие арестантки попадают в полную зависимость от своего сожителя. И.П. Ювачев в своей работе, рассказывает историю девушки, которая вышла замуж за смотрителя склада, однако не все в их семье складывалась благополучно, но невеста опасалась обратиться за помощью, боясь общественного порицания и возможной нищеты⁴⁷⁷. Закончилась это весьма печальным образом: муж чуть не убил свою жену, найдя в их кровати нож. Единственное, что спасло эту бедную женщину от неминуемой смерти, это то, что в тот момент, когда муж скинул ее в подвал и готовился уже ее окончательно добить, он вспомнил, что это он сам положил туда нож, для того чтобы защититься в случае нападения воров на их дом⁴⁷⁸. И подобных историй на Сахалине было предостаточно. Подобная практика сожительства практически всегда создавала ситуацию, когда один из супругов пользовался другим для достижения своих корыстных целей: то женщина будет шантажировать мужчину своим возможным уходом и требовать с него всевозможных подарков, то мужчина взявший контроль над своей «женой», будет гнать ее на «панель» для того, чтобы она приносила хоть какой-нибудь доход в семью. Понятно, что подобное положение вещей

---

⁴⁷⁵ *Дорошевич. В.М.* Указ. соч. С. 56.

⁴⁷⁶ Там же

⁴⁷⁷ *Ювачев. И.П.* Указ. соч. С. 227.

⁴⁷⁸ Там же. С. 229.

развращало супругов и нисколько не способствовало нуждам колонизации острова.

Поднимали авторы и другие морально-этические проблемы помимо семейно-брачных отношений. Так, они обращали свое внимание на то, что из-за несовершенства судебной системы, люди часто бывают наказаны несправедливо⁴⁷⁹. Но даже, когда приговор соответствует тяжести содеянного, некоторые преступники отказываются его принимать, так как не понимают того, в чем конкретно они виноваты. Для иллюстрации данной мысли я приведу цитату из «Каторги» В.М. Дорошевича.

«– Не по правде меня засудили! «Зря!» – часто говорит вам преступник.

– Да ведь ты, говоришь, убил?

– Убил-то убил, да никто не видел. Свидетелей не было, как же они могли доказать? Не по закону!»⁴⁸⁰

Это все порождало в арестантах чувство несправедливости и обмана, а без понимания заключенным его вины не может быть и речи об его исправлении. А.П. Чехов с В.М. Дорошевичем подчеркивали всю сложность для арестантов возродиться духовно на каторге. Наоборот, они считали, что на Сахалине вся система управления и повседневной жизни устроена так, чтобы свергнуть каторжан в пучину порока и отчаяния. Яркой иллюстрацией к этому служит их взгляд на положение ссыльнокаторжной женщины на острове, о котором уже было сказано выше. Однако среди этой критики у них все-таки встречаются примеры, когда штрафная колония дала человеку шанс на исправление. На наш взгляд, наиболее примечательная из них это история каторжного сахалинского театра, организованного ссыльными. При всей специфичности их репертуара, который обыгрывает истории из жизни штрафной колонии, это учреждение помогло актерам, раскрыть свой талант и вырваться хоть на какое-то время из серой действительности⁴⁸¹.

---

⁴⁷⁹ Чехов. А.П. Указ. соч. С. 97.

⁴⁸⁰ Дорошевич. В.М. Указ. соч. С. 234.

⁴⁸¹ Дорошевич. В.М. Указ. соч. С. 74.

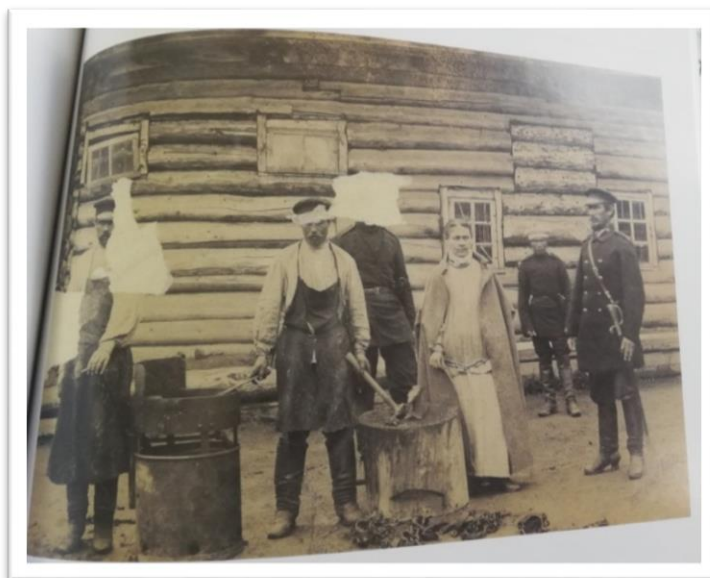
Если же говорить об оценках влияния каторги на нравственный облик заключенных И.П. Ювачевым, то реконструкция его высказываний на эту тему в его авторских текстах позволяет сделать вывод о том, что он был большим оптимистом в вопросе исправления ссыльных. Наверное, потому, что он имел собственный опыт и мог сослаться на свой пример и те случаи, когда он отказался от соблазнов каторги ради спасения души⁴⁸². Хотя при всем при этом его нельзя сказать, что он закрывает глаза на неудобные для себя факты, так как помимо своей истории, И.П. Ювачев неоднократно описывает жизненный путь тех людей, которые не смогли перенести тягот сахалинской жизни⁴⁸³.

Важно отметить, что в книгах писателей значительная часть иллюстративного материала посвящена именно изображению заключенных. Это и понятно, так как литераторы придавали большое значения морально-нравственной стороне жизни каторжан и хотели продемонстрировать свои наблюдения на примере персональных историй жизни тех людей, о которых они пишут в своих произведениях. Однако подход у писателей к этому вопросу был немного разный. Так, А.П. Чехова и И.П. Ювачева сосредоточились на создании общей картины острова, используя для этого наиболее характерные изображения. Примером этого может послужить фотография известной преступницы Соньки Золотой Ручки (Софья Ивановна Блювштейн) за авторством И.И. Павловского, которую можно видеть практически во всех работах, посвященных острову, в том числе, в коллекции Антона Павловича и Ивана Павловича.

---

⁴⁸² Ювачев, И.П. Указ. соч. С. 139.

⁴⁸³ Там же. С. 208.

Илл. 9. ⁴⁸⁴

Из-за этого складывается ситуация, что хотя изображения отлично передают тон того или иного рассказа о сахалинских жителях, они, во многом лишены индивидуальности и из-за своей популярности, так как часто встречаются у других авторов⁴⁸⁵.

Гораздо более интересен в этом плане подход, который избрал для себя В.М. Дорошевич. Он старается подходить к каждому из своих героев индивидуально, так как его не интересует общий фон, а привлекают его конкретные люди. Причем, чем необычнее и занимательнее их история, тем лучше. Поэтому Влас Михайлович старается снабдить каждый свой рассказ фотографией того, о ком он говорит, чтобы читатель скорее мог проникнуться повествованием.

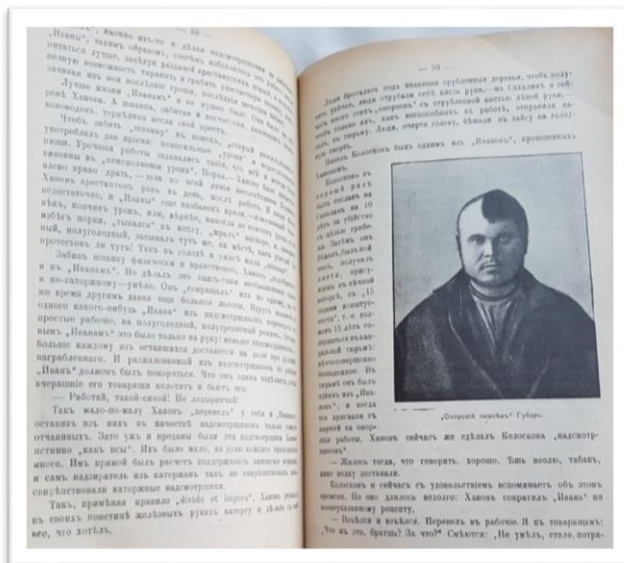
⁴⁸⁴ Путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток альбом к выставке. М.: Литературный музей. 2019. С.83; Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 237.

⁴⁸⁵ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин... С. 64.

Илл. 10. 486

На этот подход работает и то обстоятельство, что из-за закона о бритве головы многие из арестантов выглядят весьма специфично, что только повышает к ним интерес публики, чего и добивался В.М. Дорошевич.

Илл. 11. 487

Если подводить итоги по тому образу каторжан, который рисуют литераторы, то надо отметить, что он не настолько пессимистичен, как может

486 URL: <https://antiquebooks.ru/book.php?book=112028#gallery-2-14> (дата обращения: 12.02.2023)

487 URL: <https://antiquebooks.ru/book.php?book=112028#gallery-2-16> (дата обращения: 12.02.2023)

показаться на первый взгляд. Конечно, жизнь ссыльных в их изложении кажется сложной и неприятной, но описывая те или иные проблемы, литераторы практически каждый раз оговариваются, что имеются случаи, которые выбиваются из общего правила. Так, есть и преуспевающие ссыльнопоселенцы, и исправляющиеся каторжане, и даже принудительные работы бывают не столь ужасны, как о них принято думать. Бесспорно, общая картина складывается безрадостной, но далеко не безнадежной, как у некоторых пессимистически настроенных чиновников. Поэтому говорить о том, что литераторы рисуют образ штрафной колонии только в негативном ключе не совсем корректно. Скорее они показывают слабости сложившейся системы, которые необходимо исправить для того, чтобы ссыльные могли пересмотреть свой образ жизни, а не углубляться больше в свои пороки, что происходит с ними на данном этапе.

3.3. Реконструкция образов чиновников и инфраструктуры острова Сахалин на основе анализа литературных текстов А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева и фотодокументов

Теперь посмотрим на образ госслужащих Сахалина, который можно реконструировать на основе впечатлений, зафиксированных в текстах литераторов. Стоит отметить, что в общественном восприятии сформировалось мнение, что ничего хорошего о штрафной колонии не написано⁴⁸⁸. Тем любопытнее увидеть, что на самом деле нередко встречаются упоминания людей, преданных своему делу и идее освоения острова.

Весьма примечателен и тот факт, что А.П. Чехов отмечает крайнюю неоднородность мнений сахалинских госслужащих по вопросу развития каторги. И хотя он не делит их на пессимистов и оптимистов этот мотив достаточно четко прослеживается в его работе. Вот отрывок одного из

---

⁴⁸⁸ Чехов «Сахалин – это ад». URL: <https://diletant.media/articles/45290096/> (дата обращения 22.01.2023)

разговоров, который отлично иллюстрирует эту картину. «Позвольте, однако, – сказал один из чиновников, – в 82 году пшеница уродилась сам 40. Я это отлично знаю. – Не верьте – сказал мне доктор. – Это они вам очки втирают⁴⁸⁹». Это еще раз подтверждает, что среди госслужащих существовало два образ Сахалина, практически диаметрально противоположные друг другу, что смог зафиксировать в своих наблюдениях Антон Павлович.

Продолжая разбор образа чиновников, отметим, что среди тех, кого литераторы знали лично, почти не встречается ни одного имени, о котором они высказывались только в негативном свете. Особенно выделяется И.П. Ювачев, который за восемь лет своего заключения успел познакомиться с огромным количеством представителей местной администрации, которые предстают в его повествовании в выгодном свете. Так, он отмечает доброту своего первого зрителя, его ответственность и трудолюбие, а сведения о его жестокости списывает на слухи⁴⁹⁰. Очень высоко И.П. Ювачев оценивал и работу медицинского персонала на острове, особенно доктора Саспореля, который вылечил его от отравления⁴⁹¹. Хотя справедливости ради надо отметить, что Иван Павлович писал, что, несмотря на дружелюбность многих госслужащих, они никогда не забывали, что общаются с каторжанином. По этой причине многие темы для разговора оставались под запретом и И.П. Ювачев так и не смог преодолеть эту стену⁴⁹². Эту же черту, кстати, отмечал и А.П. Чехов. Так, его первый сахалинский знакомый старался произвести вид либерально настроенного человек, но стоило ссыльному чем-то ему не угодить, и он сразу менял риторику и указывал на свое превосходство⁴⁹³. Антон Павлович был удивлен, как в местных чиновниках могут уживаться, казалось бы, совершенно противоположные черты характера. Например, по поводу знакомого по прошлой главе зрителя тюрьмы Ф.Н. Ливина, А.П. Чехов

---

⁴⁸⁹ Чехов А.П. Указ. соч. С. 32.

⁴⁹⁰ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 6.

⁴⁹¹ Там же. С. 48.

⁴⁹² Там же. С. 71.

⁴⁹³ Чехов А.П. Указ. соч. С. 25.

сообщал, что в нем уживается стремление к облегчению жизни заключенных с садистской страстью к телесным наказаниям⁴⁹⁴.

Примечательна и позиция В.М. Дорошевича, от которого в последнюю очередь ожидаешь снисхождения к каторжным порядкам. Но и у него присутствуют оправдания некоторых чиновников, указывающие на то, что они скорее являются порождением системы и сами по себе они не такие плохие люди. Самый показательный пример подобного отношения автора – это его рассказ о палаче Камлеве, который являлся настоящей грозой всей каторги, не в последнюю очередь потому, что именно он был ответственен за приведение в исполнение смертельных приговоров. Однако при знакомстве с ним Влас Михайлович выясняет, что Камлев сам по себе достаточно мягкий человек, который пошел на эту должность от безысходности⁴⁹⁵. Сам он тоже прошел через каторгу и на себе испытал почти все виды наказаний, которые он применяет к своим «клиентам». В.М. Дорошевич делает из этого вывод о всей порочности системы телесных наказаний, от которой стараются отойти во всем мире. Ведь она морально травмирует не только того человека, которого наказывают, но и самого палача, который бы в нормальных условиях ни за что в жизни не стал бы заниматься подобным ремеслом.

Важную роль в поведении чиновников играет и сама атмосфера штрафной колонии, которая заставляет все время быть настороже и не прощает проявление слабости. Наиболее полно чувство «близости каторги» описал А.П. Чехов. Он отмечает, что ссыльные составляют значительную часть населения острова, и их постоянное присутствие довольно ощутимо давит на нервы, так как практически каждый пекарь, каждая нянька, каждый извозчик имеет за плечами одну или несколько загубленных душ⁴⁹⁶. Особенно сильно это ощущается в домах, где работает прислуга, которая набирается из бывших каторжан, и которым, по большому счету, ничего не мешает убить

---

⁴⁹⁴ Там же. С. 191.

⁴⁹⁵ *Дорошевич В.М.* Указ. соч. С. 67.

⁴⁹⁶ *Чехов А.П.* Указ. соч. С. 36.

своих хозяев с целью грабежа или по личным мотивам. Поэтому может быть понятна эта особая требовательность сахалинских чиновников к соблюдению всех формальностей, которые требуются от ссыльнокаторжных, таких, например, как снятие головного убора перед начальством. Ведь данные ритуалы должны внушить страх и уважение, на котором, во многом, и держится личная безопасность свободных людей и их семей.

Справедливости ради, надо отметить, что довольно часто у литераторов встречаются и чисто негативные образы чиновников. Причем, что примечательно, черными красками, в основном, изображены нижние чины, типа тюремных надзирателей, которые сами, в недавнем прошлом могли отбывать свой срок на каторге. Так, даже весьма доброжелательный И.П. Ювачев, был в шоке от поведения тюремного надзирателя, который позволял себе очень грубое поведение, по отношению к заключенным⁴⁹⁷. Схожего мнения о большинстве надзирателей и А.П. Чехов. Вот как он изображает их в своей книге: «Почти каждый день в своих приказах начальник острова штрафует их, смещает на низкие оклады или же совсем увольняет: одного за неблагонадежность и не исполнительность, другого – за безнравственность, недобросовестность и неразвитие, третьего – за кражу казенного провианта, вверенного его хранению, а четвертого – за укрывательство⁴⁹⁸...». Сюда можно добавить и обвинение в использовании своего влияния на каторжанок, но этот порок, правда, приписывается почти всем без исключения госслужащим острова⁴⁹⁹.

Надо подчеркнуть, что по количеству изображений чиновники на порядок проигрывают каторжанам и за все книгу можно встретить лишь одну-две фотографии представителей местной администрации. Причем, главным образом, там изображены те личности, которые прославились работой на благо острова. В этом плане весьма примечательна история смотрительницы

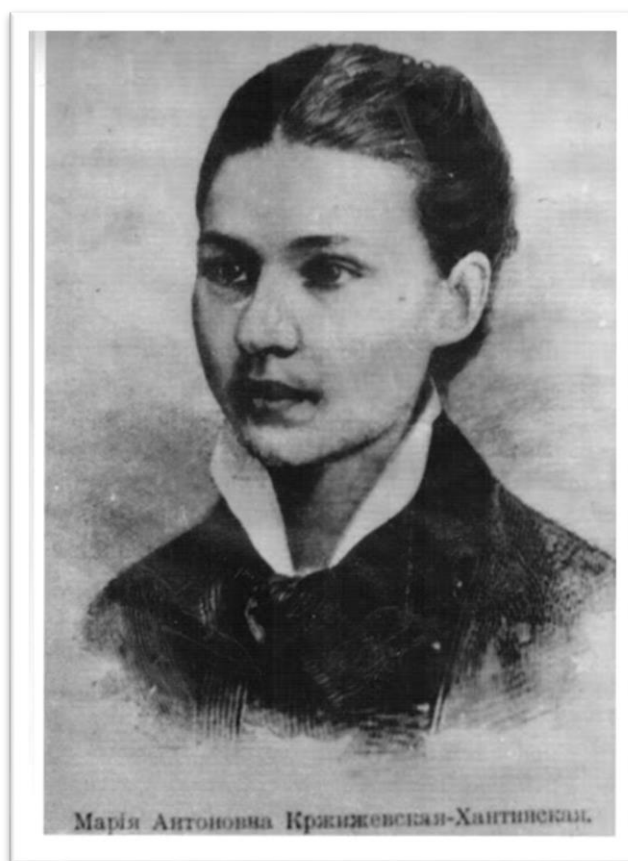
---

⁴⁹⁷ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 6.

⁴⁹⁸ Чехов А.П. Указ. соч. С. 429.

⁴⁹⁹ Там же. С. 329.

метеостанции и акушерки Марии Антоновны Кржижевской и И.П. Ювачева. Последний был направлен ей на помощь для наблюдений за погодой. При знакомстве писатель был восхищен ее добротой и состраданием к людям. Иван Павлович проникся к М.А. Кржижевской большой симпатией и даже хотел сделать предложение. Но этому не суждено было сбыться, так как Мария Антоновна перетрудилась на работе и умерла от появившегося на этой почве туберкулеза. Эта очень драматичная история и изображение М.А. Кржижевской только усиливает общий эффект восприятия. Однако эта история еще и иллюстрирует тот факт, что на Сахалине работают не только некомпетентные взяточники, но и честные люди, которые готовы отдать жизнь ради своего дела.

*Илл. 12.*⁵⁰⁰

Таким образом, надо отметить, что литераторы отзываются о госслужащих гораздо лучше, чем о них принято думать. Весьма высокой

---

⁵⁰⁰ Там же. С. 71.

оценки удостоивается высшее руководство штрафной колонии⁵⁰¹, которое представляется ни какими-то злодеями, а честными и порядочными людьми, которых обстоятельства заставляют принимать непростые решения. То же можно сказать о многих врачах, агрономах и даже палачах, которые представлены, как жертвы системы. Видно, что эта мысль перекликается с тем образом заключенных, который создали литераторы. Получается, что вся штрафная колония настолько порочна в своей основе, что честным госслужащим в их работе она вставляет палки в колеса, а нечестным, наоборот, дает всяческие возможности для злоупотреблений.

Переходя к восприятию литераторами инфраструктуры острова, заметно, что по многим вопросам они очень близки в своих оценках с чиновниками. И даже по некоторым направлениям они высказываются гораздо более комплиментарно, чем авторы из предыдущей главы. Так А.П. Чехов весьма высоко оценивает качества местных дорог, сравнивая их с теми по которым ему пришлось путешествовать в России, чтобы добраться до Сахалина⁵⁰². Причем он подчеркивает, что строительство подобных путей сообщения на острове требует поистине титанических усилий. Главной причиной тому служат непроходимые леса и болотистая почва, которая на порядок усложняет любую работу⁵⁰³. Высоко оценил писатель и пешеходные дорожки в Александровске: «На улицах деревянные тротуары, всюду чистота и порядок, и даже на отдельных улицах, где теснится беднота, нет луж и мусорных куч»⁵⁰⁴. Правда, он отметил, что местные каторжане мешают окончательному благоустройству крупных населенных пунктов острова. Так, из-за любви ссыльных вырезать всякие сальности на общественной собственности, были убраны скамейки вдоль прогулочной дорожки к маяку⁵⁰⁵. Серьезной критике Антон Павлович подвергает только пути сообщения между

---

⁵⁰¹ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине... С. 243.

⁵⁰² Чехов А.П. Указ. соч. С. 27.

⁵⁰³ Там же. С. 59.

⁵⁰⁴ Там же. С. 70.

⁵⁰⁵ Там же. С. 106.

второстепенными селениями, куда можно добраться только по тайге или по рекам. Им приведен пример, когда во время одного из таких переходов писатель сильно промерз, хотя и высоко оценил при этом, местные природные красоты⁵⁰⁶.

Во многом с А.П. Чеховым соглашается и И.П. Ювачев, хотя в своих воспоминаниях он храбрится. Видно, что переход по проселочной дороге через горные хребты дался ему нелегко⁵⁰⁷. Однако пути сообщения между крупными населенными пунктами он оценивает весьма высоко и находит их очень удобными⁵⁰⁸. Продолжает Иван Павлович и идею Антона Павловича о тех усилиях, которые необходимы для достижения такого результата. Подобная работа по прокладке новых транспортных артерий считается одной из самых тяжелых на острове. Дневные уроки по ней часто значительно завышены, к тому же часто приходится трудиться в очень сложных погодных условиях, в жару и холод, что весьма серьезно бьет по каторжанам⁵⁰⁹.

В.М. Дорошевич подходит к этому вопросу с другой стороны. Его больше интересуют дороги, ведущие на Сахалин, чем пути сообщения внутри острова, про которые он пишет совсем немного. Причем об их качестве Влас Михайлович практически не упоминает, делая акцент на то, что любая вещь на Сахалине таит в себе опасность или скрывает человеческую трагедию. «– Вот здесь застрелили Казеева (один из убийц Арцимовичей), показывает вам ямщик. – Здесь в пургу занесло снегом женщину с ребенком ... Сюда я намерен возил доктора – поселенца с дерева снимали... Повесился ... Здесь в прошлом году зарезали поселенца Лаврова... Обычная сахалинская дорога»⁵¹⁰.

Если подвести итог, то восприятие у литераторов сахалинских путей сообщения достаточно положительное. Но при этом не покидает ощущение определенной искусственности этих построек. Многие из этих дорог были

---

⁵⁰⁶ Там же. С. 180.

⁵⁰⁷ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 26.

⁵⁰⁸ Там же. С. 127.

⁵⁰⁹ Там же. С. 119.

⁵¹⁰ Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга... С. 7.

построены ценой огромных усилий каторжан и при всем их «лоске», это сахалинские дороги с разбойниками, бандитами и самоубийцами.

Теперь скажем несколько слов о том, как воспринимали литераторы наиболее важные общественные здания, представляющие институты образования и здравоохранения на острове. Начнем с учебных заведений. Главным образом о них пишет И.П. Ювачев, так как в силу обстоятельств он несколько месяцев проработал в местной школе. В силу своего характера Иван Павлович, в основном, рассказывает о своих впечатлениях, о детях, но и о положении самого учебного заведения он написал несколько строк. Первое, на что указывает И.П. Ювачев, это на то, что долгое время вопросы образования детей мало интересовали руководство колонии⁵¹¹. Им почти не выделялось денег на содержание здания, не хватало учебных пособий, а учителям практически не платили жалования. Однако даже в таких условиях находились добровольцы, готовые тратить свое время и силы на воспитание детей. Причем было видно, что без постороннего вмешательства воспитанники могут свернуть на кривую дорожку, так как влияние каторги на подрастающее поколение было огромно⁵¹². В конце концов, этим вопросом озаботилась и местная администрация, так как даже для них стало ясно, что без финансовой поддержки им не удастся воспитать будущих колонистов. На выделенные деньги было построено новое здание школы, закуплены учебники и выписаны с материка дипломированные педагоги. К этой инициативе подключились и разнообразные благотворительные общества, которые начали отправлять на Сахалин необходимые для образовательного процесса вещи. Единственное, о чем грустит, в связи с этим И.П. Ювачев, это то, что теперь отпала необходимость в учителях из каторжных, многие из которых были первоклассными специалистами и дали путевку в жизнь многим из своих учеников⁵¹³.

---

⁵¹¹ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине... С. 93.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же. С. 95.

А.П. Чехов во многом рисует картину, сходную с И.П. Ювачевом, однако, как свойственно всей его работе, «Остров Сахалин», он приводит гораздо больше статистических данных. Так он указывает, что на момент его визита в штрафной колонии функционировало 5 школ, где обучались 222 человека 144 мальчика и 78 девочек⁵¹⁴. Причем, что примечательно, последние составляли чуть ли не 100% от грамотного женского населения на острове, не считая, конечно, жен госслужащих. Антон Павлович конкретизирует, что подразумевается под недостатком финансирования учебных заведений. Например, отсутствие «свободных людей» среди преподавателей, он объясняет мизерной зарплатой, которая составляет лишь 10 рублей в месяц. На подобные крохи могут согласиться лишь ссыльнокаторжные, которые часто не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются учителю⁵¹⁵.

Переходя от учебных заведений к медицинским, отметим, что наиболее полно о них писал А.П. Чехов, что, в силу его профессии, не удивительно. Причем он лично поработал несколько дней в местном госпитале, что делает его восприятие сахалинского лазарета еще более ценным. Касательно впечатлений от самих помещений медицинского учреждения, которые запечатлены в тексте его книги, то можно утверждать, что Антон Павлович остался ими более или менее удовлетворен. Он отмечает, что здание построено недавно и в целом оно подходит для предназначенной ему функции⁵¹⁶. Однако при этом писатель указывает на то, что помощь больным оказывается весьма посредственная. У части пациентов на ранах отсутствуют бинты, а если рана и перевязана, то сделано это весьма неумело и повязки должным образом не дезинфицированы⁵¹⁷. Критике подвергается и качество находящихся в лазарете инструментов. А.П. Чехов жалуется на то, что единственный скальпель, который ему выдали, оказался тупой и пришлось ждать, пока его заточат. Под рукой не оказалось дезинфицирующих средств, что также не

---

⁵¹⁴ Чехов А.П. Указ. соч. С. 419.

⁵¹⁵ Там же. С. 420.

⁵¹⁶ Там же. С. 515.

⁵¹⁷ Там же. С. 516.

лучшем образом характеризует положение дел в этом учреждении. К персоналу у Антона Павловича имелись многочисленные претензии, так как было видно, что они не готовились к такой службе и не были знакомы с элементарными процедурами⁵¹⁸.

Помимо этого, литератор отмечает особую специфику занятия медицинской практикой в тюремном лазарете. Первое, на что он указывает, это то, как организован прием пациентов. От врача они отделены деревянным заграждением, а также в комнате дежурит надзиратель, вооруженный револьвером. Еще Антон Павлович отметил, что многие больные лишь претворяются таковыми, чтобы не идти на каторжные работы, поэтому надо проявить усилие для определения симулянтов.

Свой образ лазарета есть у В.М. Дорошевича, во многих деталях он пересекается с впечатлениями, выраженными А.П. Чеховым, хотя Влас Михайлович пишет обо всем более эмоционально. Писатель указывает, что всяческие представления о гигиене в сахалинских медицинских учреждениях полностью отсутствуют и часто можно встретить случай, когда чесоточный больной лежит рядом с человеком после хирургического вмешательства⁵¹⁹. Отмечается и отсутствие элементарных вещей, которые необходимы в больнице. Особое внимание литератор обращает на то, что в лазарете ведутся бесконечные азартные игры, во время которых пациенты проигрывают свой паек и даже свои лекарства. К медицинскому персоналу В.М. Дорошевич, в отличие от А.П. Чехова, относится с большой симпатией и, скорее, ругает общую систему, чем конкретных личностей.

В этом его поддерживает и И.П. Ювачев, который практически не затрагивает вопросы медицины, однако уделяет часть одной из глав похвале местному доктору В.А. Саспарелю и даже сетует, что арестанты пользуются его добротой, чтобы избежать работы⁵²⁰.

---

⁵¹⁸ Там же. С. 517.

⁵¹⁹ *Дорошевич В.М.* Сахалин. Каторга... С. 12.

⁵²⁰ *Ювачев И.П.* Восемь лет на Сахалине...С. 48.

Все эти образы дополняются целым рядом фотографий, которые показывают жизнь на Сахалине и находящиеся там общественные учреждения. Наиболее показательны в этом плане литография иконостаса православной церкви, где пел Иван Павлович и его фотография с детьми из села Рыковская, у которых он некоторое время работал учителем.

Илл. 13. ⁵²¹

Илл. 14. ⁵²²

---

⁵²¹ Там же. С. 49.

⁵²² Там же. С. 95.

Видно, что они помещены в книгу не просто так, а связаны с личными переживаниями автора и его духовными поисками на каторге. Особенно, на наш взгляд, это видно по фотографии школьников. Без контекста и не поймешь, что это дети убийц и воров, а просто ребята пришедшие на занятия. Это показывает, что даже в таком глухом углу образование играет огромную роль и надо сделать все возможное, чтобы даже эти дети могли ходить на занятия.

Можно сделать вывод, что образ инфраструктуры, созданный литераторами, хотя и можно назвать пессимистическим, однако по многим пунктам он содержит меньше критики, чем тот, который был реконструирован на основе восприятия госслужащих. Это отчетливо видно на примере оценки дорог, которые, в большей своей части, литераторы оценивают крайне положительно, хотя и отмечают, что в этом и присутствует элемент показухи. Со школами и больницами ситуация немного сложнее. Видно, что состояние этих учреждений оставляет желать лучшего и в них может недоставать самых элементарных вещей. Однако, хотя и медленно, но ситуация исправляется, особенно в сфере образования, что оставляет хотя бы надежду на решения части имеющихся проблем, и эта надежда отличает литераторов от пессимистически настроенных госслужащих.

Последний вопрос, который необходимо осветить в этой главе, связан с образом коренного населения, который можно реконструировать на основе того восприятия литераторов, содержащегося в литературных текстах. Надо отметить, что этой теме у них уделено гораздо больше внимания, чем у госслужащих. Это можно объяснить тем, что писателей сильнее интересует внутренний мир человека, его мысли чувства и переживания, а айны, гиляки и ороки предоставляют для этого отличный материал, так как буквально за несколько десятков лет они должны были перестроить весь свой образ жизни.

Можно даже сказать, что у литераторов был во многом идеализированный образ коренных народов, особенно у И.П. Ювачева,

который их сравнивал с индейцами Центральной Америки⁵²³. По описанию их черт характера складывается классическое представление о народе, который долгое время не сталкивался с европейской цивилизацией. Они добры, правдивы, держат свое слово и по-детски наивны⁵²⁴. Хотя, как отмечается в текстах литераторов, они практикуют такие обычаи, как, например, рабство, которые уже не встретишь в цивилизованном обществе⁵²⁵.

Появление же на их территории штрафной колонии кардинальным образом изменило привычный ход их жизни, причем, по мнению литераторов, не в лучшую сторону. Так, А.П. Чехов указывает на резкое сокращение количества гиляков после начала колонизации Сахалина. Согласно статистике, в 1856 году на острове насчитывалось 3 270 представителя этой народности, а к 1889 их осталось только 320⁵²⁶. И хотя к этим данным имеются определенные вопросы, однако общая тенденция очевидна. Причины этому называют разные, но основной из них считают новые виды заболеваний, с которыми столкнулись коренные народы в середине девятнадцатого века⁵²⁷. Признавая эту проблему, Антон Павлович подчеркивает, что вина за это лежит не только на русских, но и на японцах, хотя надо иметь в виду и тот факт, который отмечается автором, что с начала освоения острова администрация старается всячески бороться с эпидемиями и даже бесплатно лечит айнов, ороков и гиляков в местных лазаретах.

Однако одними болезнями список проблем, постигших коренные народы, далеко не ограничивается. Помимо всего прочего штрафная колония нанесла значительный удар и по морально-нравственному состоянию «инородцев». Конечно, не последнюю роль в этом сыграло и распространение водки, являющейся одним из важных предметов обмена с коренными народами. Каторга является важным негативным фактором, так как через

---

⁵²³ Там же. С. 81.

⁵²⁴ Чехов А.П. Указ. соч. С. 215.

⁵²⁵ Там же. С. 219.

⁵²⁶ Там же. С. 207.

⁵²⁷ Там же. С. 214.

ссылных «инородцы» приобретают целый ряд вредных привычек. Особенно это заметно на гиляках, которые исполняют в тюрьме роль надзирателей, и чаще всего именно они перенимают все худшее от колонистов⁵²⁸. Еще один негативный фактор, который ухудшает жизнь «инородцев», это сельскохозяйственное освоение острова. Проблема состоит в том, что при всех своих просторах земель на Сахалине, подходящих для земледелия, существует не так много, причем часто они находятся на территории проживания коренных народов. Это порождает целый ряд конфликтов, большая часть из которых, заканчивается тем, что «инородцы» вынуждены покинуть свои земли или изменить пути перекочевок⁵²⁹. Случаются и откровенные акты насилия со стороны местной администрации, которые, иногда, приводят к смерти коренных обитателей острова⁵³⁰.

В то же время литераторы отмечают, что «инородцы» начали постепенно приспосабливаться к изменившимся условиям быта. Помимо уже упомянутой работы в пенитенциарных структурах, находятся и более интересные способы заработка на русских переселенцах. Так, после начала исследований Л.Я. Штернберга и Б.О. Пилсудского некоторые гиляки поняли, что пришельцам интересна их культура и обычаи, поэтому стали предлагать сфотографировать⁵³¹ их, или послушать их мифы и легенды⁵³², конечно же, прося за эти услуги вознаграждение. Кто-то просто занимается попрошайничеством или выполняет мелкую работу по хозяйству. Однако, по мнению литераторов, это все не лучшим образом сказывается на жизни и культурной самобытности коренного населения⁵³³.

Что примечательно, в связи с тем, что И.П. Ювачев интересовался «инородцами», а также дружил с Б.О. Пилсудским и Л.Я. Штернбергом в его

---

⁵²⁸ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 88.

⁵²⁹ Там же. С. 81.

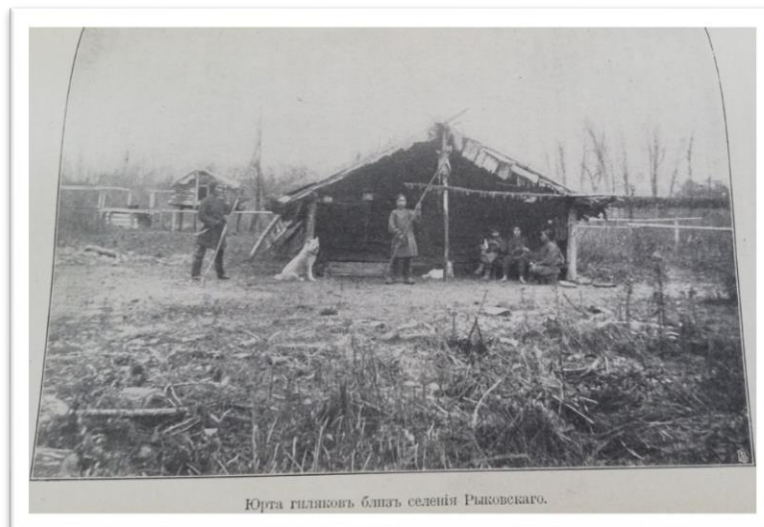
⁵³⁰ Чехов А.П. Указ. соч. С. 287.

⁵³¹ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 82.

⁵³² Там же. С. 84.

⁵³³ Там же. С. 88.

книге находятся чисто этнографические снимки коренного населения Сахалина.

Илл. 15. ⁵³⁴

Это помогает лучше прочувствовать их самобытную культуру и обычаи, а также увидеть целый ряд деталей, которые невозможно было бы передать текстом.

Если обобщать то, как литераторы воспринимали коренных жителей Сахалина, то для этого наилучшим образом подойдет их сравнение с индейцами Северной Америки, сделанное И.П. Ювачевым. Писатели создают образ самобытного народа, не тронутого влиянием Западной цивилизации со всеми вытекающими отсюда последствиями. В каких-то вопросах он дик и не образован, но при том, отмечается честность айнов, ороков и гиляков их дружелюбие и бескорытность. Отчетливо видно, как с приходом колонистов вся привычная жизнь «инородцев» рушится, они начинают знакомиться с другими народами и культурами. Однако это знакомство, по большей своей части, не идет им на пользу, так как основной контингент переселенцев составляют каторжане, которые только развращают коренное население. Хотя среди колонистов встречаются люди заинтересованные в сохранении культуры «инородцев», такие как Л.Я. Штернберг, Б.О. Пилсудский и т.д., но

---

⁵³⁴ Там же. С. 153.

их меньшинство и они не могут переломить сложившуюся тенденцию. По мнению литераторов, если она не будет изменена в ближайшие годы, то этим коренным народам Сахалина грозит вымирание.

Если подводить итог по этой части, то надо отметить, что литераторы воспринимали штрафную колонию не так негативно, как может показаться на первый взгляд. Так они признавали, потенциал недр и рыбных ресурсов Сахалина, да и вопрос сельского хозяйства, описан как поле для дискуссий, а не как приговор всей идеи штрафной колонии. Однако бытовые детали не так западают в душу, как истории людей, которые положили свою жизнь и здоровье на острове. Причем это касается не только каторжан, рассказы о судьбе которых, справедливо вызывают негодование, но это верно и для чиновников, которые стараются ответственно выполнять свою работу. Самый яркий пример – это описание жизни акушерки и смотрительницы метеостанции Марии Кржижевской, И.П. Ювачевым. Особенно тягостно его читать даже не в воспоминаниях Ивана Павловича, а в его дневниках, по которым видно, насколько сильно он переживал все произошедшее. Так на протяжении многих лет умершая возлюбленная являлась во снах писателю, которые он тщательно конспектировал. Подобные эмоции, вкупе с литературными приемами очень сильно воздействуют на читателя и неудивительно, что именно после работ литераторов общественность заинтересовалась сахалинской каторгой, хотя скепсис, касательно штрафной колонии высказывался и до этого. Данные работы и образ ими созданный повлиял так или иначе на все дальнейшие труды о Сахалине, которые либо соглашались, либо оппонировали им, причем за время этой дискуссии многие детали восприятия острова литераторами отходили на второй план, оставляя лишь некоторые наиболее яркие эпизоды. По этой причине так важно проводить анализ «классических» книг о каторге, чтобы не терять тех важных особенностей, которые оставили литераторы в своих произведениях.

3.4. Методика изучения влияния политической конъюнктуры и личных мотиваций автора-литератора на формирование ими образа острова Сахалин

Как уже отмечалось в начале главы, А.П. Чехов, В.М. Дорошевич и И.П. Ювачев были не единственными писателями, побывавшими на острове. Следующая группа литераторов включает авторов, которые не создали какой-то уникальной картины Сахалина, используя уже устоявшиеся образы острова, либо для заработка, либо в угоду сложившейся конъюнктуре. По этой причине всесторонний анализ происхождения литературных текстов, в том числе, изучение личности их авторов, имеет важное методологическое значение для процесса реконструкции созданного образа исторического пространства и его содержательной оценки и интерпретации. Попытка подобного анализа предпринята в этом разделе главы на примере, в частности, изучения текстов ряда писателей имперского и советского периода. Первым из них был И.И. Мейснер. Иван Иванович был член харьковского отделения Народной воли и занимался множеством разнообразных задач, в том числе, изготавливал взрывчатку для организации террористической деятельности⁵³⁵. Так, его авторству принадлежат взрывающиеся письма и ручная граната, получившая его имя⁵³⁶. Понятно, что подобная активность не могла остаться незамеченной, а И.И. Мейснера приговаривают к смертной казни, замененной на 19 лет ссылки. На Сахалине Иван Иванович долгое время не переводится на поселение и работает в угольных шахтах, причиной этому послужил его строптивый характер, который постоянно приводил его к столкновениям с администрацией⁵³⁷. Однако, в конечном итоге, И.И. Мейснер заканчивает свою каторжную работу и весьма успешно начинает заниматься на острове сельским хозяйством. Скоро он находит себе жену и начинает вполне неплохо

---

⁵³⁵ Латышев В.М. Окружение Бронислава Пилсудского. И.И. Мейснер. Указ. соч. С. 101.

⁵³⁶ Мейснер Б.И. «Я не шпион». URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/3/ivan-ivanovich-mejsner-moya-rodoslovnaya.html> (дата обращения 15.04.2023)

⁵³⁷ Там же. С. 102.

жить на Сахалине. Но его счастье длилось недолго и при попытке изнасилования его молодую супругу убивают, что крайне тяжело отразилось на состоянии Ивана Ивановича. В итоге он понимает, что больше в России его ничего не держит и бежит через Японию в Европу. Там он зарабатывает деньги своими рассказами о жизни на Сахалине, причем чтобы впечатлить слушателей, он рисует каторгу в максимально черном цвете, пускаясь иногда в откровенное искажение фактов. Так он пишет, что во время Онорской трагедии умерло более 300 человек⁵³⁸, хотя известно, что погибло только 70, а еще 226 арестантов сбежали⁵³⁹. Еще один пример: И.И. Мейснер утверждает, что Надежда Сигида была засечена насмерть царскими палачами⁵⁴⁰, хотя на самом деле она совершила самоубийство после наказания, что стало причиной Карийской трагедии, о чем Иван Иванович не мог не знать. Подобный подход проявляется практически по всем сколько-то важным вопросам. Образ, который рисует И.И. Мейснер, состоит практически лишь из черных красок без признания хотя бы каких-то положительных сторон штрафной колонии. Приведем только несколько примеров его рассказов своим слушателям. Так, Мейснер утверждал, что климат Сахалина совершенно не приспособлен для ведения сельского хозяйства⁵⁴¹, угольные месторождения, хотя и отличаются невероятным богатством, но разрабатываются полностью неправильно⁵⁴² и, конечно, все чиновники на острове минимум некомпетентны, а некоторые из них законченные садисты, которым нравится издеваться над заключенными⁵⁴³. Особый упор делается на красочное описание разных изошренных наказаний, которые применяются к ссыльным. Все это, конечно, работает на тот мрачный образ Российской Империи, который был популярен в то время. Специально

---

⁵³⁸ Мейснер И.И. Остров Сахалин. Воспоминания политического ссыльного // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск. 2013.С. 160.

⁵³⁹ Лобас Н.С. Онорское дело // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск. Из-во Южно-Сахалинск. 2012. №19 С. 252.

⁵⁴⁰ Мейснер И.И. Указ. соч. С. 154.

⁵⁴¹ Там же. С. 148

⁵⁴² Там же. С. 146

⁵⁴³ Там же. С. 156

подчеркивается деспотизм власти, бесправие и забитость основной массы населения, и разнообразное нарушение прав и свобод личности. Все эти приемы достаточно сильно влияют на конечную картину Сахалина, которая выходит у И.И. Мейснера и, хотя в ней есть интересные детали, она ощущается вторичной по сравнению с А.П. Чеховым, В.М. Дорошевичем и И.П. Ювачевым, по той причине, что не добавляют чего-то нового, а лишь являются компиляцией наиболее популярных мифов о каторге того времени.

С Г.В. Госткевичем, А.И. Ермаковым и Б.И. Еллинский дело обстоит несколько иначе. Они, в отличие от И.И. Мейснера, не пытались произвести впечатления на зарубежных слушателей. Созданный ими образ Сахалина должен был работать внутри страны, поддерживая общий советский нарратив, критически настроенный к царской власти. Примечательно также, что все эти работы выходили либо при поддержке, либо на страницах журнала «Каторга и ссылка», что изначально задавало вектор повествованию. Однако при всей своей схожести между ними имеется ряд отличий, выраженных в жанре произведений. Так, Г.В. Госткевич и А.И. Ермаков выбрали формат воспоминаний и стараются как можно точнее передать условия своей жизни на каторге. Б.И. Еллинский же сразу оговаривается, что для лучшего эффекта он будет использовать форму романа, что позволит ему красочнее передать те или иные события, хотя и скажется на достоверности некоторых сцен⁵⁴⁴. По этой причине кажется целесообразным разделить этих авторов, чтобы с большей точностью провести наш анализ. Начнем с воспоминаний Г.В. Госткевич и А.И. Ермакова, но для начала скажем несколько слов об авторах.

Гилярий-Бернард Викентьевич родился в польской семье, принимавшей участие в польском восстании шестидесятых годов XIX века. Его отец был осужден на ссылку в Сибирь вследствие чего, детство его прошло

---

⁵⁴⁴ *Еллинский Б.* Под звон цепей: роман из жизни сахалинских политических ссыльных / Б. Еллинский. - Л.; [М.]: Тип. Коминтерн, 1927. С. 5.

в нищете, так как мать не могла содержать в одиночку пятерых детей⁵⁴⁵. Это негативно сказалось на получении им образования, которое он начал получать только ближе к 12 годам, когда вернулся его отец. Г.В. Госкевича всю жизнь интересовала борьба польского народа за независимость, вследствие чего он достаточно рано начал приобщаться к идеям социализма и стал участником разнообразных нелегальных кружков. Изначально Гилярий-Бернард Викентьевич занимался только самообразованием и пропагандой, но со временем он начал участвовать в более серьезных делах и даже был замешан в убийстве агента «охранки» Неймана⁵⁴⁶. Однако в этот раз ему удалось уйти от преследования, после чего Г.В. Госкевич принял участие в печати и распространении газеты «Пролетариат». За это он в итоге и был арестован и отправлен на Сахалин, о чем и написал позднее в журнале «Каторга и ссылка».

Про прошлое А.И. Ермакова известно чуть меньше, но и его история попадания в штрафную колонию можно восстановить из написанной им статьи о его пребывании на Сахалине. Будучи простым, полуграмотным рабочим он принял активное участие в так называемой «Обуховской обороне»⁵⁴⁷. После подавление стачки начался судебный процесс, по которому, судили 37 человек, из которых на каторгу было отправлено двое – организатор стачки А.И. Гаврилов и как его правая рука А.И. Ермаков. Последний получил 5 лет, которые он должен был отбыть на Сахалине, о чем А.И. Ермаков также повествует в журнале «Каторга и ссылка». Надо, однако, заметить, что его ссылка проходила легче, чем у Г.В. Госкевича и при сохранении общего негативного нарратива в его рассказе можно увидеть и положительные черты, которые проступают через общую критику.

О бытовых вопросах литераторы пишут не очень подробно, так как основная задача создания их воспоминаний заключалась не в этом. Г.В. Госкевич практически пропускает все подобные вопросы, уделяя

---

⁵⁴⁵ *Госкевич Г.* Записки пролетариатца // Каторга и ссылка. М., 1926 Кн. 6. С. 123.

⁵⁴⁶ Там же. С. 126

⁵⁴⁷ *Ермаков А.И.* Два года на Сахалинской каторге // Каторга и ссылка. М., 1926. Кн. 6. С. 151.

основное внимание конфликтам с администрацией. А.И. Ермаков же уделяет внимание жизни политических на Сахалине, поэтому время от времени у него встречаются описания бытовых сюжетов существования штрафной колонии. Например, он рассказывает о своем опыте в сельском хозяйстве, который вышел весьма неоднозначным. С одной стороны был получен огромный урожай картофеля, с другой остальные культуры родились плохо, что не давало возможности получить большие прибыли⁵⁴⁸. Касательно одежды делается замечание, что стандартные комплекты, выдаваемые арестантам, весьма неплохи и подходят к условиям Сахалина. Но есть одна беда из-за того, что над каторжными нет почти никакого надзора, многие из них проигрывают все свои вещи в азартные игры и вполне могут отправиться в долгий зимний переход между тюрьмами в летней одежде⁵⁴⁹. Подобное положение вещей считается целиком виной арестанта и никакой помощи в этом случае ему предложено не будет. Относительно же тюремных помещений отзыв А.И. Ермакова гораздо более критический вот как он отзывается о пенитенциарном учреждении в Рыковском селении: «Это была отвратительная, сырая, вонючая и холодная тюрьма»⁵⁵⁰. Однако стоит отметить, что даже Г.В. Госткевич признает, что политические пользовались в этом плане определенными льготами. Многие весьма неплохо смогли устроиться на частных квартирах, где жили по-семейному, практически ни в чем не нуждаясь⁵⁵¹. Имелись у них льготы и в отношении каторжных работ. За неимением достаточного количества грамотных людей их достаточно быстро переводили из дравотасков или грузчиков в писари или учителя, что очень сильно упрощало им жизнь. Были, правда и те, кто специально выбирал наиболее тяжелые задания, чтобы быть наравне с остальными, но это был их личный выбор, против которого выступала даже местная администрация⁵⁵².

---

⁵⁴⁸ Там же. С. 172.

⁵⁴⁹ Там же. С. 160.

⁵⁵⁰ Там же. С. 161.

⁵⁵¹ *Госткевич Г.* Указ. соч. С. 144.

⁵⁵² *Ермаков А.И.* Указ. соч. С. 163.

В этом был смысл, так как для каторги гораздо полезнее один хороший врач, чем один плохой грузчик.

Но, как уже было сказано выше, вопросы быта интересовали литераторов далеко не в первую очередь. Основной упор делался на описании конфликтов и несправедливостей со стороны царского правительства. Особенно на этом сконцентрирован Г.В. Госткевич, в рассказах которого все его пребывания на каторге – это противостояние с местным начальством. Страдать от него он начал еще до прибытия на Сахалин, когда из-за некомпетентности капитана корабль, перевозивший заключенных сел на мель, вследствие чего каюта с арестантами была затоплена⁵⁵³. Далее у Г.В. Госткевича были постоянные столкновения со смотрителем тюрьмы Ф.Н. Ливиним, знакомым по прошлой главе. Особое внимание автор уделяет так называемой «шапочной войне» суть, которой заключалось в том, что политические отказывались снимать свои головные уборы перед чиновниками. Хотя каждый из таких конфликтов и не приводил к каким-то серьезным физическим наказаниям для политических, но сильно бил по их достоинству, что для них было гораздо существеннее. Отдельной строкой отмечается некомпетентность и жестокость местных чиновников, особенно на не очень высоких постах, которые всячески старались подпортить жизнь заключенным⁵⁵⁴. Хотя надо отметить, что при всей критике, что Г.В. Госткевич⁵⁵⁵, что А.И. Ермаков⁵⁵⁶ признают, что на острове встречались и достойные госслужащие, которые помогали им пережить ужас каторги. Однако это было лишь исключение, которое подтверждает общее правило. В итоге у читателя создается ощущение, что политические постоянно находились в окружении врагов, которые только и хотели, что задеть их и усложнить отбывание наказания.

---

⁵⁵³ Госткевич Г. Указ. соч. С. 142.

⁵⁵⁴ Там же. С. 145.

⁵⁵⁵ Там же. С. 148.

⁵⁵⁶ Ермаков А.И. Указ. соч. С. 162.

Достаточно много внимания в этих статьях уделяется и самим политическим заключенным, но представлены они у двух авторов немного по-разному. У Г.В. Госткевича сообщество политических представлено единым монолитом, которое дружно поддерживая друг друга, противостоит многочисленным несправедливостям⁵⁵⁷. У А.И. Ермакова картина представляется менее радужной. Он прямо пишет о конфликтах, которые происходили в их среде, и даже больше, указывает на то, что среди политических встречались и провокаторы, которые не брезговали работой на царскую охранку⁵⁵⁸. Это показывает, что данная среда была, не столь однородна, как пытался показать Г.В. Госткевич. Хотя справедливости ради надо сказать, что он, главным образом общался с Л.Я. Штернбергом, Б.О. Пилсудским и И.П. Ювачевым, которые на самом деле хорошо друг с другом ладили и старались помогать своим товарищам по несчастью в сложных ситуациях.

При этом хочется отметить, что при всей своей нелюбви к правительству и декларируемой близости к народу оба автора весьма четко разграничивают политических и уголовных преступников. Причем если Г.В. Госткевич просто констатирует эту разницу и пишет о том, что эти различия пытались использовать надзиратели для контроля над ними⁵⁵⁹, то из повествования А.И. Ермакова складывается впечатление, что многие уголовные преступники были людьми весьма скверными и полностью заслужили быть отправленными на каторгу⁵⁶⁰.

Теперь перейдем к рассмотрению романа Б.И. Еллинского. Сам Борис Иванович оказался на Сахалине за участие в партии «Народное право», а также помощи в убийстве гимназиста С. Мякотина⁵⁶¹. Когда он писал «Под звоном

---

⁵⁵⁷ Госткевич Г. Указ. соч. С. 150.

⁵⁵⁸ Ермаков А.И. Указ. соч. С. 174.

⁵⁵⁹ Госткевич Г. Указ. соч. С. 146

⁵⁶⁰ Ермаков А.И. Указ. соч. С. 157.

⁵⁶¹ Латышев В.М. Борис Иванович Еллинский // Электронная энциклопедия сахалинской области. URL:

[https://encsakhalin.ru/article/6807#:~:text=ЕЛЛИНСКИЙ%2С%20Борис%20Иванович%20\(2](https://encsakhalin.ru/article/6807#:~:text=ЕЛЛИНСКИЙ%2С%20Борис%20Иванович%20(2)

цепей» его целью было дополнить И.П. Ювачева, А.П. Чехова и В.М. Дорошевича, так как при всем своем таланте они не смогли уловить всей сути «проклятого острова⁵⁶²». К этому добавляется, что ни один автор до этого не писал о политических заключенных и этот роман должен устранить данный пробел. Видно, что данные положения должны привлечь читателя к данной работе, хотя и выглядят достаточно спорно. Особенно пункт о политических заключенных, так как всего год назад в той же «Каторге и ссылке», которая помогала в издании «Под звоном цепей» вышли воспоминания Г.В. Госткевича, который достаточно подробно пишет по данному вопросу. Сам же образ, созданный Борисом Ивановичем, почти полностью повторяет все те положения, которые встречаются у предыдущих двух авторов, только он старается благодаря литературной форме обострить их до предела. Так, когда Б.И. Еллинский пишет о тюремных надзирателях, он делает их максимально уродливыми и вкладывает в их уста слова, которые могут вызвать только неприязнь по отношению к ним. «На раб-боту, эфиоп ты коричневый, образина твоя остроголовая! Слышал, чай? На раб-боту! – заорал начальник во весь голос, схватывая беднягу за ворот»⁵⁶³. Можно сказать, что «Под звоном цепей» интересны в первую очередь своей подачей, но, несмотря на все претензии, мало добавляют к тому образу острова, который уже был в советской литературе.

Подводя итог, по образу Сахалина, созданный И.И. Мейснером, Г.В. Госткевичем, Б.И. Еллинским и А.И. Ермаковым, надо отметить, что он крайне негативен и почти не содержит каких-то положительных слов в адрес острова. Причем сразу бросается в глаза, что у авторов есть определенные мотивы писать так, а не иначе, что видно по тому, как они строят свое повествование. Особенно это видно по разнице в построении текстов у Г.В. Госткевича и А.И. Ермакова. Первый, специально заостряет внимание на

[4.01\(5.02\).1872%2C%20Петербург,деятельностью%20и%20уволился%20«по%20болезни».](#)
(дата обращения 23.04.2023)

⁵⁶² Еллинский, Б. Указ. соч. С. 7.

⁵⁶³ Там же. С. 140.

политических вопросах, обходя внимание почти все остальное. Он сознательно жертвует какими-то бытовыми деталями, чтобы показать несправедливость и жестокость царского правительства. Из-за этого его повествование выглядит немного рвано и создается впечатление, что он только и жил, что от одного конфликта с правительством до другого. У А.И. Ермакова, на наш взгляд, образ получился более живой и насыщенный, так как он больше концентрируется на своей личной истории, гораздо меньше вплетая ее в нарратив классовой борьбы, что дает возможность узнать и другие стороны жизни штрафной колонии. Из-за этого его рассказ воспринимается легче, а тот факт, что А.И. Ермаков не забывает и о положительных эпизодах своего пребывания на Сахалине создает больше доверия к автору. Немного отдельно в этой всей истории стоит И.И. Мейснер. Его причины не любить царское правительство ясны и понятны, но он слишком перегибает палку, стараясь вызвать у публики реакцию, что картина штрафной колонии выглядит у него подчеркнута негативной. К тому же видно, что Иван Иванович стремится представить каторгу в том же русле, как и хорошо известный за рубежом Джордж Кеннан. Все эти факторы приводят к тому, что все вышеназванные литераторы скорее развивают уже имеющиеся образы Сахалина, а не создают что-то свое, как это делали А.П. Чехов, В.М. Дорошевич и И.П. Ювачев.

Рассмотрев образ, Сахалина созданный русскими литераторами, следует сказать несколько слов о том образе острова, который можно найти в работах иностранцев. Если говорить о тех зарубежных авторах, которые попали на Сахалин именно ради описания каторги и не имели при этом каких-то научных целей, то под это описание подходит только английский писатель и путешественник Гарри де Виндт. Он отправился в Россию по заданию газеты «Дейли экспресс», для изучения Сибири и Дальнего Востока Империи⁵⁶⁴. Заметки о Сахалине занимают не так много времени в рассказе о его

---

⁵⁶⁴ Латышев В.М. Поездка вглубь острова. [Электронный ресурс]: http://sakhalinmuseum.ru/ufile/218_222-233.pdf С. 222.

путешествии, так как на острове он провел только несколько недель в компании начальника Тымовского округа Бутакова. Разбивать анализ созданного им образа на несколько отдельных частей, как это было сделано с русскими авторами, из-за недостатка материала нет никакого смысла, поэтому выделим лишь главные особенности его восприятия острова, которые отличаются от того, что писали о штрафной колонии А.П. Чехов, В.М. Дорошевич и И.П. Ювачев.

Первое, на что обращает свое внимание де Виндт, – это положение коренного населения, обитающего на острове: айнов и гиляков. Он отмечает, что их численность из года в год сильно сокращается⁵⁶⁵. Причем, что интересно, он винит в этом не штрафную колонию, а сами коренные народы. Особенно критично де Виндт относится к гилякам, которые, по его мнению, совершенно не способны ни к какой работе из-за своей невероятной лени⁵⁶⁶. Автор даже отмечает, что русское правительство пыталось обеспечить их работой, давая по три рубля за каждого пойманного беглого каторжанина, но по причине своей трусости гиляки отвергали и этот способ заработка⁵⁶⁷.

Далее де Виндт достаточно критически пишет об обитателях местных тюрем, отмечая их безнравственность и страсть до чужих финансов⁵⁶⁸. Достаточно примечателен взгляд автор на местную администрацию, он мало касается их профессиональных качеств, а скорее останавливается на чертах их характера. Особенно лестную оценку он дает начальнику Тымовского округа Бутакову, в компании которого де Виндт провел большую часть времени, находясь на Сахалине. Он отмечает красоту и грацию его дочерей, которые создали ему на острове атмосферу Парижского салона⁵⁶⁹. Что удивительно, даже виновник Онорского дела надсмотрщик Ханов, который заморил голодом несколько десятков заключенных, произвел на автора весьма

---

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Там же. С. 225.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Там же. С. 226.

приятное впечатление, и он напрямую усомнился в правдивости деталей данного инцидента⁵⁷⁰. Возможно, этому поспособствовала мадмуазель Овчиникова, которая познакомилась с автором в гостях у Бутакова, и произвела на него самое приятное впечатление. Она напрямую утверждала о ложности статей, посвященных этому вопросу, и даже сравнила тех, кто верит подобным слухам, с людьми, которые считают, что русские люди гуляют по улице под ручку с медведями⁵⁷¹.

Помимо этого, де Виндт был поражен той свободой, которой пользовались арестанты во время их пребывания на Сахалине. Автор даже пишет, что у него возникло ощущение, что главной целью правительства, было не наказать преступников, а создать плацдарм для колонизации данного региона⁵⁷².

Он отмечает отличное состояние местной школы⁵⁷³ и больницы⁵⁷⁴, которые, по его мнению, содержат все необходимое оборудование и персонал для того, чтобы безукоризненно справляться со всеми своими основными задачами.

Гари де Виндт в своем образе практически во всем противоречит русским литераторам. Единственное совпадение, которое можно найти, это замечание о полной свободе, которой пользуются арестанты в тюрьме, да и признание обаятельности фигуры начальника Тымовского округа Бутакова. По вопросу же об «инородцах», арестантах и инфраструктуре английский журналист придерживается мнения, которого нет ни у одного оптимиста, даже из госслужащих, так как де Виндт во всем поддерживает правительство и не видит никаких ошибок в его действиях. Подобный взгляд наглядно показывает, что может случиться, когда человек без знания языка попадает

---

⁵⁷⁰ Там же. С. 230.

⁵⁷¹ Там же. С. 231.

⁵⁷² Там же. С. 230.

⁵⁷³ Там же. С. 228.

⁵⁷⁴ Там же.

под влияние людей, которые напрямую заинтересованы в том, чтобы представить свою работу в наилучшем свете.

Подводя итоги по всей главе, надо отметить несколько особенностей, которые отличают образ литераторов от госслужащих и ученых. Самая главная их отличительная черта – это большая яркость и насыщенность, создаваемого ими текста, так как изначально он предназначался для чтения широкой аудиторией. Конечно, сказывается и опыт таких мастеров как А.П. Чехов, В.М. Дорошевич и И.П. Ювачев. Последнего еще хочется выделить за подбор визуального материала, такого, например, как эта фотография, которая без проблем передает всю специфичность атмосферы, царившей на Сахалине.

*Илл. 16.*⁵⁷⁵

Еще одним важным моментом является то, как через текст проступает особенность каждого из авторов. Если некоторые работы ученых или госслужащих можно спутать между собой, то о литераторах такого сказать не получится. Их мнение по одному и том же вопросу могут совпадать, но подача будет кардинально отличаться, что отлично видно по А.П. Чехову, В.М. Дорошевичу и И.П. Ювачеву.

У Антона Павловича стиль более строгий, основная его идея состоит в том, чтобы описать функционирование штрафной колонии с ее ссыльным

---

⁵⁷⁵ Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине...С. 237.

населением. По этой причине у него больше общей информации и статистических данных, которые должны помочь понять общую картину происходящего.

В свою очередь у В.М. Дорошевича упор сделан на личные истории людей, так как он справедливо считал, что это должно сильнее привлечь к нему внимания читателей. Для усиления этого эффекта Влас Михайлович использует даже фотографии заключенных и жителей Сахалина, которые должны помочь вжиться в истории ссыльных.

И.П. Ювачев же рассказывает о каторге со стороны прожитого им опыта и тех наблюдений, которые он собрал за восемь лет пребывания на острове. Это более личная история духовных поисков и преодоления сложных жизненных обстоятельств.

Все это делает рассказ литераторов о Сахалине более привлекательным для простого читателя, чем доклады и монографии госслужащих или научные труды ученых. Это стало одной из причин того, что именно образ литераторов наиболее сильно повлиял на восприятие острова времен Российской Империи. К этому стоит добавить и громкие имена некоторых писателей, таких, как В.М. Дорошевич и особенно А.П. Чехов, который до сих пор играет важную роль в истории Сахалина. К этому добавилось и то, что многие черты из этого образа хороши ложились на советскую концепцию понимания штрафной колонии, как репрессивного аппарата. Этот взгляд был доработан Г. Госткевичем и А.И. Ермаковым и в таком виде вошел в общественное сознание и до сих пор оказывает на него активное влияние.

Глава 4. Реконструкция интерпретаций и оценок учеными острова Сахалин, отраженных в текстовых и визуальных источниках

В начале главы необходимо отметить особенности комплекса источников, который составляет основную базу реконструкции восприятия такой группы российского общества, как ученые. Это научные труды и монографии, нередко содержащие в себе элементы травелога. Главным образом их цель провести какое-то исследование, а не привлечь широкую аудиторию. То есть они нацелены на специалистов, поэтому приоритеты в них расставлены совершенно иным образом, чем у литераторов и госслужащих. Это обуславливает определенный язык, выбор тем и композицию текста, которая требует от исследователя дополнительного внимания к тем или иным деталям. Все усложняется еще и тем, что если у прошлых двух групп так или иначе стояла задача в конечном итоге обрисовать образ острова или штрафной колонии, то у ученых эта задача, в лучшем случае второстепенная. Так у Л.Я. Штернберга во всей его объемной монографии о «коренных народах» Сахалина⁵⁷⁶ о штрафной колонии упоминается всего несколько раз, так как ее анализ просто не входил в его задачи. Однако в работах ученых есть и определенные плюсы для исследователей, занимающихся вопросами изучения исторической памяти. Дело в том, что для многих научных изысканий требуется фотофиксация, особенно это касается этнографов, которые были нередкими гостями на острове. Благодаря этому в распоряжении имеется достаточно богатый иллюстративный материал, проясняющий те или иные мысли автора.

Кроме того, следует отметить и такую специфику источников, привлекаемых в данной главе, которая связана с их происхождением, прежде всего, с личностью автора того или иного текста. Дело в том, что категория ученых наиболее разнородна из всех изучаемых групп. Для этого есть

---

⁵⁷⁶ Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны...

несколько причин. Первая из них заключается в том, что Сахалин интересовал весьма значительное число представителей научного мира: от геологов до правоведов. Понятно, что подобное разнообразие влечет за собой разный угол зрения на развитие штрафной колонии: кого-то будет больше интересовать статус ссыльнокаторжного населения с юридической точки зрения, а кого-то - жизнь и обряды айнов, ороков и гиляков. Второе различие заключается в достаточно значительном количестве иностранных авторов, которые относятся к категории ученых. Это накладывает определенный отпечаток на реконструируемый обобщенный образ острова, сахалинской каторги, в восприятии ученых, причем, что примечательно, оказывая влияние на их оценки не только в худшую сторону. Так, американский правовед и врач Бенджамин Ховард, посетив множество тюрем в Англии и Америки, высоко оценивал задумку штрафной колонии, которая должна была исправлять заключенных при помощи осмысленного труда по освоению острова⁵⁷⁷. Последним, но весьма немаловажным фактом является то, что русские этнологи Л.Я. Штернберг и Б.О. Пилсудский во время написания некоторых своих трудов являлись ссыльнокаторжными и имели целый ряд ограничений в своих правах. Это не могло не сказаться на том образе острова, который они создавали в своих трудах, часто обходя многие неудобные вопросы, которые, наоборот, привлекали внимания иностранцев.

Этот факт приводит к необходимости разделить главу, на две части, в одной из которых рассмотрим образ Сахалина в трудах русских ученых, а во второй – иностранных.

Стоит оговориться, что используемые источники иногда можно отнести к монографиям по теме, чем к источникам памяти. Однако с последними их роднит тот факт, что по большей части они были написаны очевидцами событий, которые высказывают свои личные оценки по тому или иному вопросу. К тому же многие работы построены по принципу травелога,

---

⁵⁷⁷ Ховард Б. Указ. соч. С. 122.

где автор рассказывает о своих впечатлениях, которые можно использовать для реконструкции его взгляда на штрафную колонию.

4.1. Интерпретация хозяйственного потенциала и инфраструктуры острова в текстах русских ученых

Как и в предыдущих главах, разбор образов Сахалина начнем с анализа восприятия российскими учеными экономического, хозяйственного потенциала острова, прежде всего с оценки возможностей развития сельского хозяйства. И в этой связи очень примечателен взгляд на эту проблему Дмитрия Германовича Тальберга, но перед тем, как разобрать его более подробно, скажем несколько слов об этой примечательной личности. Свою статью о Сахалине в «Вестнике Европы»⁵⁷⁸ Д.Г. Тальберг написал еще в достаточно молодом возрасте, пока учился на юридическом факультете Киевского университета⁵⁷⁹. Свою диссертацию на звание магистра по теме «Насильственное похищение чужого имущества по русскому праву: разбой и грабеж» он защитит только через год, но уже к этому времени он смог сделать себе имя работами по истории пенитенциарной системы. Дмитрий Германович особо примечателен тем, что он был одним из первых русских авторов не чиновников, который заинтересовался сахалинской каторгой. Причем образ, созданный им, весьма значительно разнился с восприятием штрафной колонии, который господствовал в то время. В отличие от многих авторов, он весьма скептически относился к сахалинскому проекту и делал множество замечаний, которые окажутся в центре будущей полемики о судьбе острова. Хотя стоит отметить, что во многих местах чувствуется, что свою работу Д.Г. Тальберг писал с использованием материалов других авторов, так как сам на Сахалине не был. Несмотря на это, игнорировать труд Дмитрия

---

⁵⁷⁸ Тальберг Д.Г. Ссылка на Сахалин // Вестник Европы. Т3. СПб. 1879.

⁵⁷⁹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Тальберг,_Дмитрий_Германович (дата обращения: 20.02.2023)

Германовича совершенно невозможно, так как он, хотя и был немного подзабыт в историографии, является одной из наиболее заметных критических работ начального периода существования штрафной колонии.

Это видно даже в самом построении статьи, которая, в отличие от многих более поздних трудов, наибольшее внимание уделяет добыче угля на острове⁵⁸⁰, чем сельскому хозяйству. Причина этого кроется в том, что к моменту работы автора над статьей еще не до конца было решено, на что делать основной упор в освоении острова: на развитие промышленности или выращивание агрикультур. Затрагивая последний вопрос, Дмитрий Германович указывает, что касательно него имеются весьма значительные противоречия. С одной стороны есть результаты исследований М.С. Мицуля, который весьма высоко оценивает плодородность местных почв, с другой статистические данные Г. Боголюбского, который смотрит на вопрос гораздо более скептически⁵⁸¹. Для решения этого вопроса Д.Г. Тальберг пытается опереться на фактические данные об успехах колонизации Сахалина на момент написания им статьи. Изучив статистические данные, Дмитрий Германович приходит к заключению, что сельскохозяйственное освоение острова идет очень сложно и постоянно натывается на всевозможные препятствия, начиная от порчи семян, заканчивая недостатком скота⁵⁸². Из этого Д.Г. Тальберг делает вывод, что сама идея активной колонизации острова ошибочна и нуждается в кардинальном пересмотре. Причем в своих рассуждениях он идет еще дальше и ставит под сомнение вообще всю политику, начатую Россией, по освоению Дальнего Востока⁵⁸³. И данный вывод весьма характерен для того времени, когда писалась данная статья. Дело в том, что часть интеллигенции и представителей финансовых кругов крайне скептически были настроены по отношению к возможности колонизации столь дальнего региона. Причин тому было множество, начиная от малой

---

⁵⁸⁰ Тальберг Д.Г. Указ. соч. С. 225-232.

⁵⁸¹ Там же. С. 233.

⁵⁸² Там же. С. 235.

⁵⁸³ Там же. С. 246.

заселенности данных мест, заканчивая отсутствием железнодорожного сообщения, без которого было невозможно наладить связь между восточными территориями и центром страны. Это породило целую дискуссию среди тех, кто хотел направить деньги на развитие уже освоенных земель и тех, кто мечтал о равномерном развитии всей Империи. Точку в этом споре, во многом, поставило строительство Транссибирской магистрали, которая сковала железным кольцом всю Россию. Но в 1879 году до этого еще далеко и для Д.Г. Тальберга идея колонизации Сахалина выглядит, как пустая трата ресурсов, которые можно было бы пустить в более полезное русло.

С интересного ракурса к проблеме возможностей и перспектив развития сельского хозяйства на острове подходит Б.О. Пилсудский. Однако до того, как более подробно познакомиться с его позицией стоит сказать о прошлом этого человека и тех событиях, которые привели его на Сахалин. Родился Бронислав Осипович в старинной польской семье с очень сильными патриотическими идеями⁵⁸⁴, что отразилось на нем и на его брате Юзефе, будущем главе независимой Польши. Поэтому нет ничего удивительного, что взгляды Б.О. Пилсудского были достаточно радикальны и к царскому правительству он был настроен крайне негативно. Это предопределило то, что Бронислав Осипович, обучаясь на юридическом факультете в Петербурге, входит в нелегальный кружок, целью которого являлось убийство Александра III, но заговор был раскрыт, и он вместе с Александром Ульяновым и еще тринадцатью сообщниками оказывается на скамье подсудимых⁵⁸⁵. Бронислав Осипович был приговорен к 15 годам каторги и отправлен на Сахалин. Как уже отмечалось выше, на остров он плыл на одном пароходе с И.П. Ювачевым, с которым у него завязались уже тогда дружеские отношения.

Первое время Б.О. Пилсудский выполнял свои каторжные повинности на скотном дворе, но местной канцелярии не хватало грамотных людей,

---

⁵⁸⁴ Дударец Г.И. Предисловие // Б.О. Пилсудский Дневник (1882-1885) Белгород: Константа 2019. С. 4.

⁵⁸⁵ Федорчук С.П. Поляки на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1994. С.5.

поэтому вскоре он стал писарем⁵⁸⁶. Во время этой работы Б.О. Пилсудский проживал на одной квартире с И.П. Ювачевым, где они вместе занимались изучением быта и обычаев коренных обитателей острова⁵⁸⁷. Приблизительно тогда же Б.О. Пилсудский познакомился с еще одним каторжанином Л.Я. Штернбергом, вместе с которым их занятия по исследованию народов Дальнего Востока углубились. Но не только наука объединяла их. Бронислав Осипович, также как и Л.Я. Штернберг, активно привлекал внимание общественности к Оморскому делу⁵⁸⁸, что помогло сдвинуть его с мертвой точки. Перейдя в разряд ссыльнопоселенцев, Б.О. Пилсудский получил большую свободу в возможностях перемещения по острову. Администрацией было принято решение отправить его на юг Сахалина для создания метеостанции⁵⁸⁹. В это время он помогал Л.Я. Штернбергу собрать экспозицию для первого сахалинского музея, которую в значительной степени составили найденные ими предметы быта айнов, гиляков и ороков. Этот факт был засвидетельствован сахалинским генерал-губернатором, который подчеркнул тот вклад, который внесли этнографы в создание коллекции музея⁵⁹⁰. Через какое-то время Б.О. Пилсудский, благодаря усилиям Л.Я. Штернберга, перебрался во Владивосток, откуда совершал экспедиции на Сахалин для изучения «иногородцев». Тогда Бронислав Осипович и напишет свои основные работы, в которых можно проследить его восприятие Сахалина.

Б.О. Пилсудского, как и его коллегу Л.Я. Штернберга, о котором пойдет речь дальше, практически не заботит вопрос плодородности сахалинских почв. Он отмечает, что расширяющаяся запашка русских крестьян приводит к конфликтам с коренным населением острова⁵⁹¹. В

---

⁵⁸⁶ Календарь дат из биографии Бронислава Пилсудского. Сайт: <http://icrap.org/ru/zhizn.html>

⁵⁸⁷ *Кавин. Н.М.* Указ. соч. С. 48.

⁵⁸⁸ Дело о злоупотреблениях Начальника острова Сахалина о беспорядках и злоупотреблениях, произведенных надзирателями па просеке в Тымовском округе.

⁵⁸⁹ Календарь дат из биографии Бронислава Пилсудского. URL: <http://icrap.org/ru/zhizn.html> (дата обращения: 15.12.2020)

⁵⁹⁰ *Сирина А.А.* Указ. соч. С. 56.

⁵⁹¹ *Пилсудский Б.О.* Предварительный отчет о поездке к айнам о. Сахалина в 1902–1903 гг. Указ. соч. С. 398.

остальном же Б.О. Пилсудский просто констатирует наличие полей, огородов, скота, но не делает из этого каких-то выводов касательно успешности или провала сельскохозяйственной политики на острове.

Подводя итоги, можно сказать, что вопрос плодородности почв занимает российских ученых гораздо меньше, чем литераторов и чиновников. Для Д.Г. Тальберга он находится в зависимом положении от добычи полезных ископаемых, Б.О. Пилсудский и Л.Я. Шернберг, в свою очередь гораздо больше обеспокоены судьбой «инородцев» и практически ничего не говорят по данному вопросу.

С оценкой перспектив разработки на острове полезных ископаемых наблюдается схожая картина, наибольшее внимание им уделяет Д.Г. Тальберг. Уже в его время было отлично известно, что на Сахалине находятся огромные запасы угля. Этот факт являлся весомым аргументом сторонников колонизации острова. Дмитрий Германович же старается показать, что затраты и усилия, которые потребуются для извлечения пород с легкостью перекроют всю прибыль, которую теоретически можно было от них получить. Этим он старается подкрепить свой образ Сахалина, как глухого места, совершенно незаслуживающего вложенных в него средств. Первым делом, Д.Г. Тальберг указывает на то, что хотя остров и содержит богатые залежи угля, но к 1879 году их разработку будет вести крайне непросто⁵⁹². Все дело в том, что с самого начала была грубо нарушена технология по добычи полезных ископаемых. Первые военные команды, которые прибыли на остров только срезали верхние легко доступные куски породы, что не требовало особых усилий. Когда же пласт уходил глубже, они его забрасывали, двигаясь дальше, чем усложняли работу на этом участке в дальнейшем. С привлечением к этой работе каторжан ситуация только усугубилась. Дело в том, что для их мотивировки была придумана система, по которой заключенные получали по 2 копейки с каждого пуда добытого угля. Вдобавок ко всему они сами могли

---

⁵⁹² Тальберг Д.Г. Указ. соч. С. 225.

выбирать место своей работы, при том условии, что оно не будет слишком отдалено от их поста⁵⁹³. Понятно, что при таких условиях каторжане продолжали срезать верхние пласты, не задумываясь о долгосрочной перспективе. В этом их поддерживала администрация, которая была заинтересована в высоких показателях для отчетности перед Петербургом⁵⁹⁴. Это привело к тому, что на небольшом временном промежутке зарплата ссыльных доходила до ста рублей, а количества добытого угля было просто огромным. Однако с каждым годом производительность сильно снижалась. К этому добавилось и еще одно затруднение, а именно проблемы сбыта. Д.Г. Тальберг, пытаясь доказать, что все надежды правительства на добывающую промышленность Сахалина лишены оснований, приводит следующие три положения, препятствующие торговле углем в регионе⁵⁹⁵. Во-первых, это просчет правительства по вопросу оценки динамики производства угля в Японии, которое не замедлилось, согласно прогнозам, а только нарастало. Второй и третий пункт, сводятся к плохой организации добычи на острове, а также отдаленности Сахалина от популярных торговых путей, что делает транспортировку сырья неоправданно дорогой. Причем Дмитрий Германович подчеркивает, что последние проблемы носят структурный характер и без полной перестройки каторжной системы, которая будет стоить огромных денег, эти вопросы вряд ли разрешатся.

Немного пишет Д.Г. Тальберг и про рыбные ресурсы, повторяя ту же идею о непригодности острова к колонизации. Основная его мысль состоит в том, что, несмотря на весь потенциал Сахалина и обилие сельди, кеты и т.д., администрация так и не смогла нормально наладить ее добычу⁵⁹⁶. По этой причине японцы практически полностью захватили весь рыболовный промысел, не оставляя русским возможности для конкуренции. По большому счету все эти размышления укладываются в образ острова, как

---

⁵⁹³ Там же. С. 226.

⁵⁹⁴ Там же. С. 225.

⁵⁹⁵ Там же. С. 230-231.

⁵⁹⁶ Там же. С. 235.

бесперспективного места, пожирающего ресурсы центра, ведь даже его неоспоримые преимущества, такие, как возможности развития рыбного промысла и запасы угля не могут в должной мере реализоваться из-за плохого управления.

Этнографов интересуют все эти вопросы лишь как дополнение к исследованию жизни коренных народов острова. Так, Б.О. Пилсудский отмечал, что достаточно долгое время «инородцы» не могли найти приемлемой работы у русского населения, которое, в отличие от японцев, не нанимало их на промыслы, так как основные работы по добычи природных богатств острова были возложены на плечи каторжан. Перелом в столь плачевном состоянии коренных народов наступил в 1900 году, когда, согласно «Правилам для производства рыбного промысла» им были отданы рыбные угодья, принадлежавшие раньше японским компаниям⁵⁹⁷. Однако администрация не смогла воспользоваться столь удачной возможностью, чтобы выдвинуть конкурентов с рынка. Дело в том, что и тут японские промышленники умудрились не остаться внакладе. Получилось так, что хотя айны и вернули обратно свои территории для рыболовства, однако они не имели для него подходящих снастей, которые японцы и предоставляли им за часть улова⁵⁹⁸. Помимо этого, стоит отметить, что русские практически не покупали у «инородцев» рыбу, а облагали лишь ее продажу налогом - 5 копеек с пуда⁵⁹⁹. И в итоге складывалась ситуация, при которой рыболовецкие артели лишь косвенно пересекались с сахалинской администрацией, а все основные сделки вели через японцев. Более того, большая часть денег, заработанная айнами своим тяжелым трудом, не оставалась в Российской империи, а тратилась в Японии, например, на острове Хокодате, славящемся своими домами терпимости⁶⁰⁰.

---

⁵⁹⁷ Пилсудский Б.О. Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалин. Б.О. Пилсудского... С.91.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Там же. С. 92.

⁶⁰⁰ Там же. С. 100.

Что же касается ороков и гиляков, из-за своей низкой организации, они так и не смогли воспользоваться «правилом» 1900 года и предпочитали работать в подставных русских рыболовецких компаниях⁶⁰¹, которые де факто принадлежали японцам, обходившим тем самым запреты, наложенные на них сахалинскими властями⁶⁰².

В образе, созданном Б.О. Пилсудским, видим, сразу две темы, которые важны для анализа восприятия учеными Сахалина. Первое – это конечно демонстрация полной некомпетентности администрации в вопросах организации промысловой деятельности из-за чего все возможные прибыли уходят из рук русских в сторону японцев. Этот пункт повторяет те мысли, которые присутствуют у Д.Г. Тальберга. Второе, что отличает этнографов от, например, юристов, это демонстрация того, как ошибки в действиях администрации влияют на «инородцев» и их интеграцию в систему Российской Империи.

Л.Я. Штернберг добавляет несколько штрихов к этим образам, однако прежде чем поговорить о них более подробно, скажем несколько слов об этом примечательном российском ученом, так как этот этап анализа личности автора весьма значителен для понимания его субъективного восприятия острова, а также вероятности и степени «беспристрастного», «объективного» отражения перспектив и потенциала этого «исторического пространства». Надо отметить, что жизнь Льва Яковлевича до его отправки в штрафную колонию протекала весьма насыщенно. Выпускник Новороссийского университета, он к своим 26 годам успел поучаствовать в съезде народовольцев южных губерний, побыть редактором газеты «Народная воля» и выпустить брошюру «Политический террор в России»⁶⁰³. Понятно, что подобного списка более чем достаточно для ареста. Пробыв несколько лет в Одесском центре, Л.Я. Штернберг был отправлен в ссылку на Сахалин, где

---

⁶⁰¹ Там же. С. 101.

⁶⁰² Там же. С. 91.

⁶⁰³ *Сирина А.А.* Указ. соч. С. 51.

он должен был провести долгих 10 лет. Однако его деятельная натура не позволяла ему сидеть без дела и вскоре, не без участия Б.О. Пилсудского Лев Яковлевич заинтересовался бытом и культурой «инородцев». Этой страсти невольно способствовала и местная администрация, которая выслала Л.Я. Штернберга за его выступления в поддержку заключенных в отдаленное селение Виахты, которое напрямую граничило с поселением гиляков⁶⁰⁴. В будущем Льва Яковлевича еще не раз будут отправлять в самые отдаленные уголки острова, но уже не для наказания, а для сбора сведений и предметов культуры коренных жителей Сахалина. Труды ученого скоро стали известны на весь мир и привлекли внимания многих специалистов, например, очень высоко о работе Л.Я. Штернберга отзывался Фридрих Энгельс⁶⁰⁵. Оценили работы Льва Яковлевича и на родине, ослабив для него целый ряд ограничений, и даже позволили ему перебраться во Владивосток. После этого Лев Яковлевич полностью посвятил себя науке и в его трудах не так уж много информации по сахалинской каторге. Но все же в тех или иных местах у него встречаются ценные замечания, которые могут дополнить образ острова.

Например, что не особо типично для русских авторов, Л.Я. Штернберг уделяет достаточно много внимание фотогенным (нефтяным) источникам. Он описывает их богатства и отмечает, что необходимость создания нормальной инфраструктуры для вывоза топлива приносит ростки цивилизации в самые дикие части Сахалина⁶⁰⁶.

Касательно рыбных ресурсов Лев Яковлевич настроен оптимистично и пишет о больших уловах, которых смогли добиться «инородцы»⁶⁰⁷. У Л.Я. Штернберга образ промысловый деятельности на Сахалине получился более оптимистичный, чем у его коллег. Он, в отличие от них, не посвящал

---

⁶⁰⁴ *Сирина А.А.* Указ. соч. С. 52.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ *Штернберг Л.Я.* По Сахалину и Амуру. Дневники путешествий, письма (1889–1927 гг.) Белгород: Константа 2019. С. 129.

⁶⁰⁷ Там же. С. 159.

этой проблеме значительную часть своих заметок, а просто фиксировал те вещи, которые видел во время экспедиций.

Переходя к вопросам инфраструктуры острова, надо отметить, что им было уделено не так много внимания и рассказ о тех или иных ее аспектах, скорее дополняет какие-то темы, а не является отдельной частью повествования. Так, Д.Г. Тальберг, критикуя идею промышленного освоения Сахалина, указывает на полную неразвитость путей сообщения, что очень усложнит доставку товаров от места их производства до конечного потребителя, что негативно скажется на конечной цене продукции⁶⁰⁸.

В свою очередь Б.О. Пилсудский и Л.Я. Штернберг иногда, в своей переписке, затрагивают вопросы, касающиеся развития приютов и школ на острове, так как они принимали весьма активное участие в развитие образования на Сахалине. По их оценкам становится понятно, что штрафная колония остро нуждается в подобных учреждениях. Однако это понимают и представители местной администрации, которые стараются оказывать всевозможную помощь при открытии очередного приюта и школы⁶⁰⁹. Правда, это касается, в большей степени административных, а не финансовых вопросов. По этой причине постоянно ощущается нехватка финансирования, что приводит к необходимости обращаться за помощью в благотворительные организации.

По вопросу о состоянии медицинских учреждений ситуация представляется достаточно сложной и помимо развития инфраструктуры проливает свет на взаимодействия госслужащих на Сахалине. Из переписки Б.О. Пилсудского с Л.Я. Штернбергом видно, что долгое время госпитали на острове пребывали в весьма плачевном состоянии и нуждались в значительной

---

⁶⁰⁸ Тальберг Д.Г. Указ. соч. С. 231.

⁶⁰⁹ Пилсудский Б.О. Письмо Л.Я. Штернбергу от 19 мая 1894 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы (конец XIX – начало XX века). Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография. 2011. С. 77.

реформации⁶¹⁰. Однако со временем на Сахалин прибыли специалисты, которые начали перестраивать медицинскую систему и привели ее в надлежащее состояние. На первых этапах врачам в этом помогала и местная администрация, что поспособствовало весьма быстрому разрешению целого ряда проблем в данной области. К сожалению, подобное положение вещей продолжалось недолго и между медицинским персоналом и тюремным ведомством начались постоянные конфликты, так как последние не соблюдали предписания врачей, касательно ограничения каторжных работ для малосильных заключенных. Для того, чтобы ухудшить жизнь медработникам администрация начала задерживать поставки необходимых лекарств или даже отказывало в выдаче лошадей для транспортировки тяжелых больных⁶¹¹. Это не могло не отразиться на работе больниц, которые стали испытывать проблемы с предоставлением необходимой помощи пациентам. Из-за этого только больше обострился конфликт между госслужащими, что в итоге приведет к отставке некоторых врачей, в том числе и Л.В. Поддубского, что негативным образом скажется на качестве медицинского обслуживания на Сахалине.

Если подводить итог по этой проблеме, то надо сказать, что вопросы инфраструктуры, хотя и упоминаются русскими учеными, но практически никогда не оказываются в центре их внимания. Они помогают дополнить информацию об их взглядах на промысловую деятельность на острове, если говорить про Д.Г. Тальберга, или отношение администрации к каторжанам и врачам, если речь идет о Б.О. Пилсудском и Л.Я. Штернберге.

---

⁶¹⁰ *Пилсудский Б.О.* Письмо Л.Я. Штернбергу от 11 ноября 1896 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы... С. 120.

⁶¹¹ Там же. С. 119.

4.2. Повседневность и условия жизни и быта каторжан, ссыльнопоселенцев, чиновников и коренных народов в восприятии русских ученых

Переходя к образу каторжного населения острова, надо отметить, что у русских ученых он освещается немного иначе, чем у литераторов и чиновников. Дело в том, что их фокус внимания очень сильно смещен с уголовных ссыльных на политических. Причиной этого является то, что основная информация о штрафной колонии у многих из них находится не в трудах, предназначенных для печати, а в личных дневниках и письмах. Это касается Б.О. Пилсудского и Л.Я. Штернберга, которые, будучи заключенными, не могли открыто писать об этих вопросах. Да и вообще в стране тема политических была под запретом, даже у А.П. Чехова в книге почти ничего нет по этому поводу. Однако по той причине, что личные документы ученые не готовили к публикации, там находится достаточно много сведений об их жизни на каторге. Правда тут есть один нюанс, говоря о своих повседневных проблемах, они, во многом, обходят стороной вопросы жизни уголовных преступников, касаясь их, только если происходит что-то неординарное типа Онорского дела. По этой причине образ обычного каторжанина у них вышел гораздо менее комплексный, чем у литераторов и госслужащих.

Более детальную картину быта заключенных рисует Д.Г. Тальберг, но и у него она получилась немного смазанной. Дело в том, что его в первую очередь интересовали экономические возможности острова, а заключенные рассматривались им только в качестве потенциальных колонизаторов, а их жизнь была ему не так интересна, как, например, тому же В.М. Дорошевичу. Так, говоря об одежде и питании, Дмитрий Германович пишет только о том, что каторжане не получают их в достаточном количестве, что создает весьма

серьезные проблемы в их работе⁶¹². Из-за голода они крадут все что ни попадя и даже съедают сальные свечи, что негативно отражается на выработке угля⁶¹³. Таким способом Д.Г. Тальберг пытается укрепить образ Сахалина, как места непригодного для государственного финансирования, а о здоровье каторжан он думает уже во вторую очередь, что является полностью противоположным подходом по сравнению с теми же литераторами.

Л.Я. Штернберг и Б.О. Пилсудский создают картину острова немного отличную от той, что присутствует у Д.Г. Тальберга. В источниковедческом плане следует отметить различную информативную полноту интересных для исследования сведений о Сахалине, сообщаемых названными учеными в так называемых авторских академических текстах или источниках личного происхождения. Так как в своих научных трудах вопрос штрафной колонии они практически не затрагивают, приходится обращаться к их дневникам и письмам, где тон повествования очень отличается от тех источников, которые изначально предполагались к печати: предстает достаточно интимный мир, со своими заботами и радостями, почти не встречаются вопросы о еде и одежде, зато в дневниках и письмах содержится огромное количество материала по межличностному общению заключенных. Можно даже сказать, что, если бы не упоминания карцера и кандалов, вполне могло бы сложиться впечатление, что эти письма созданы не на Сахалине, а где-то в Центральной России⁶¹⁴. Ученые обсуждают разнообразные такие события, произошедшие на острове, как нашумевшее Онорское дело. В переписки Б.О. Пилсудского и Л.Я. Штернберга есть рассказ о том, как Н.С. Лобас собирал свои материалы для написания статьи по этому происшествию⁶¹⁵. Но в остальном ничего не

---

⁶¹² Тальберг Д.Г. Указ. Соч. С. 241.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Пилсудский Б.О. Письмо Л.Я. Штернбергу от 7 мая 1894 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы ... С. 58.

⁶¹⁵ Пилсудский Б.О. Письмо Л.Я. Штернбергу от 19 января 1896 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы... С. 104.

указывает на их каторжный статус. Они обсуждают работу⁶¹⁶, литературные вечера⁶¹⁷, общих знакомых⁶¹⁸, из всего этого складывается образ Сахалина, в котором он предстает как еще один регион на карте Российской Империи.

Эта картина только усиливается при прочтении дневников и писем Л.Я. Штернберга своим родным и друзьям на материке. Для интерпретации их содержания важным условием является учет адресатов переписки и «настроений и интенций» автора. Указанные моменты являются своеобразным «ключом» к открытию, то есть прочтению текстов личной переписки. Понятно, что в данном случае Л.Я. Штернбергу хочется их успокоить, поэтому свою жизнь на Сахалине он описывает, как достаточно неплохую. Вот, допустим, как Лев Яковлевич характеризует свои жилищные условия почти сразу после прибытия на остров: «Через неделю я перехожу к Бражникову, с которым буду жить в одной комнате и на всем готовом у Вольных, которые купили дом, на условиях выплаты, и нужно жить поплотнее, чтобы было легче расплатиться за дом. Да и мне будет хорошо. Я буду жить на всем готовом, как птичка божия ни заботы, ни труда»⁶¹⁹. Когда же ученого сослали в поселок Вияхты для него было построено отдельное помещение, которое он нашел: «уютным, милым и тихим»⁶²⁰. Далее Л.Я. Штернберга будет еще несколько раз переезжать, но условия его жизни будут становиться только лучше, особенно по сравнению с Одесской тюрьмой, где он провел три года до отправки на остров.

Касательно еды, Лев Яковлевич отмечает, что казенный паек не отличается разнообразием и состоит, главным образом, из солонины и рыбы,

---

⁶¹⁶ *Пилсудский Б.О.* Письмо Л.Я. Штернбергу от 14 января 1894 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы... С. 58.

⁶¹⁷ *Пилсудский Б.О.* Письмо Л.Я. Штернбергу от 17 января 1894 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы ... С. 59.

⁶¹⁸ *Пилсудский Б.О.* Письмо Л.Я. Штернбергу от 24 мая 1894 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы ... С. 83.

⁶¹⁹ *Штернберг Л.Я.* Письмо М.А. Кролю от 16-23 августа 1889 // По Сахалину и Амуру. Дневники путешествий, письма (1889-1927 гг.) Белгород: Константа. 2019 С. 219.

⁶²⁰ *Штернберг Л.Я.* По Сахалину и Амуру. Дневники путешествий, письма (1889-1927 гг.)... С. 53.

однако тут же он добавляет, что при наличии денег можно достать практически все что угодно⁶²¹. В этом плане особых проблем он не испытывал.

В остальном же тут повторяются те же темы, что и в письмах к Б.О. Пилсудским. Для оценки информативной ценности переписки для реконструкции образа Сахалина как культурно-исторического пространства важно отметить, что достаточно много внимания в ней уделено межличностным отношениям между заключенными и описанию их характеров. Так дается весьма занятная характеристика И.П. Ювачева «Иван Павлович – это религиозный энтузиаст и мистик, читающий Библию по звездам, читал мне письма девушки, которая его любит, полюбив его, будучи 14-ти лет, когда он уже был в академии»⁶²². Подобное смещение акцентов, конечно, весьма выигрышным образом влияет на восприятие Сахалина, который предстает здесь не сколько местом каторги и ссылки, сколько местом жизни обычных людей со своими мыслями и чувствами.

Касательно морально-нравственного состояния именно уголовных каторжан информации русские ученые дают весьма немного. Как и в прошлых разделах, наиболее структурировано об этом рассуждает Д.Г. Тальберг, так как в этой части своей статьи, он старается представить Сахалин в самом невыгодном свете, чтобы доказать свою идею о бесперспективности развития Дальневосточного региона. По морально-нравственным вопросам он старается показать, что штрафная колония не только ни помогает встать преступникам на путь исправления, а только наоборот толкает их на стезю разврата и криминала. Причиной этому становится тот факт, что наиболее честные ссыльные страдают на каторге наиболее сильно. Так ловкость и хитрость многое определяют в назначении на принудительные работы и часто можно уговорить начальника при раскомандировке дать более легкий урок,

---

⁶²¹ Штернберг Л.Я. Письмо М.А. Кролю от 16-23 августа 1889 // По Сахалину и Амуру. Дневники путешествий, письма (1889-1927 гг.) ... С. 219.

⁶²² Штернберг Л.Я. По Сахалину и Амуру. Дневники путешествий, письма (1889-1927 гг.) ... С. 52.

сославшись на недомогание⁶²³. Вот и получается, что при одном и том же преступлении ссыльные могут получить совершенно разные наказания, что подрывает у них всякую веру в справедливость.

Положение женщин, как следует из текстов Д.Г. Тальберга, еще более непростое, так как их буквально заставляют заниматься развратом, и только самым стойким из них удастся сохранить свою честь, не поддаваясь на предлагаемые им соблазны⁶²⁴.

Немного, с другой стороны, подходит к вопросу морального состояния каторжан еще один русский ученый Каргель Иван Вениаминович. О нем надо сказать чуть подробнее, так как он весьма отличается от всех других авторов, о которых упоминалось выше, так как его насыщенная биография весьма сложно поддается хоть какой-нибудь классификации. Проблемы начинаются с самого его рождения, так как появился на свет он в Грузии в семье немецких колонистов, что предопределило на него влияния сразу двух культур российской и германской⁶²⁵. Стоит отметить, что у него была возможность приобщиться к каждой из них, так как жил и учился И.В. Каргель не только в России, но и за границей. Там он проходит обучение в баптистской семинарии в Гамбурге, что во многом повлияло на то, что Иван Вениаминович свяжет всю свою будущую жизнь с религией. Укрепило его в этой вере уже влияние российского духовного деятеля В.А. Пашкова, который навсегда склонил И.В. Каргеля к служению христианству евангелического толка. Причем за него весьма активно взялся Иван Вениаминович и отправился в самые отдаленные уголки Империи для того, чтобы нести слово Божье. Заехал он на короткое время и на Сахалин, чтобы прочитать проповедь местным жителям, в том числе заключенным. Об этом опыте он упоминает в своей книге «От края и до края земли»⁶²⁶. Это произведение находится на грани жанров, имея в себе,

---

⁶²³ Тальберг Д.Г. Указ. соч. С. 239.

⁶²⁴ Там же. С. 240.

⁶²⁵ Леоненкова И.Р. Каргель // Большая Российская Энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2045839 (дата обращения: 19.03.2023)

⁶²⁶ Каргель И.В. От края и до края земли. Киев: Свет на Востоке, 2017. 240 с.

как черты травелога, так и черты богословского произведения. Отнесем И.В. Каргеля к группе ученых-богословов, так как именно вопросы религии привели его на остров. Необходимо отметить определенную призму, через которую Иван Вениаминович смотрит на штрафную колонию. Это взгляд ни литератора, а все-таки богослова, что отлично прослеживается по тексту, особенно, когда И.В. Каргель заговаривает на религиозные темы. Такие, например, как вопросы искупление своих грехов, что дает ему возможность создать совершенно особенный образ сахалинского каторжанина. В представлении Ивана Вениаминовича заключенные на острове – это лишь заблудшие души, которые только и ждут спасительного слова Христа для того, чтобы изменить свой образ жизни⁶²⁷. Особенно его тронуло даже не количество слушателей, а просьба арестантов, чтобы он посетил и их больных товарищей, которые жаждут услышать слово Божье. Образ заключенного вышел у И.В. Каргеля весьма идиллический. Причиной этому, кажется, служит то, что Иван Вениаминович из-за недостатка времени смог пообщаться не со всеми каторжными острова, а только с теми, кто добровольно пришел к нему на проповедь. Возможно, если бы И.В. Каргель дошел до наиболее безбожных «Иванов» его мнение о каторжанах было бы менее восторженное.

Если же говорить о Л.Я. Штернберге и Б.О. Пилсудском, то их взгляд на морально-нравственную сторону уголовных каторжан вычленить достаточно сложно, так как прямо об этом они говорят очень мало. Конечно видно, что ученые относятся к ним с определенной опаской, так как из-за своих научных интересов они вынуждены были ездить по всему острову, где узнавали от инородцев или администрации про разные преступления, в которых были замешаны беглые ссыльные. Так Лев Яковлевич подчеркивает, что весьма распространены случаи, когда каторжане нападают на коренное население острова и наносят ему значительный ущерб⁶²⁸. Однако при всем при этом из переписки Б.О. Пилсудского и Л.Я. Штернберга складывается впечатление,

---

⁶²⁷ Там же. С. 135.

⁶²⁸ *Штернберг Л.Я.* Дневник путешествия к восточным гилякам и орокам ... С.222.

что вину за поведение заключенных они, во многом, возлагают на действие администрации. Особенно это касается Онорского дела, где ссыльные предстают лишь запуганной толпой, которая ничего не может противопоставить местным чиновникам⁶²⁹. Можно сказать, что уголовные каторжане в их восприятии не идеализируются, как временами это можно видеть, допустим, у В.М. Дорошевича, однако и штрафная колония показывается, как место, которое не исправляет преступников, а только больше способствует их моральному падению, лишая их всякого человеческого достоинства.

Что примечательно, в текстах Л.Я. Штернберга и Б.О. Пилсудского много внимания уделено и рассказу о политических каторжных. Причем в них они предстают, как обычные люди со своими плюсами и минусами⁶³⁰. И возможно, образ политических является одним из самых живых среди всех тем, о которых они рассуждают в своей переписке. Ведь они писали о своих друзьях или знакомых, жизнь которых для них была небезразлична. Поэтому становится по-настоящему жаль этих людей, которых забросила судьба на этот забытый остров, из-за их убеждений. И хотя их поведение и стремления часто бывают далеки от идеала, но это поведение живых личностей, что только усиливает сопереживания им.

Касаясь субъективной оценки русскими учеными местной администрации, надо отметить, что их взгляды на этот вопрос отличаются большим разнообразием. Наиболее негативно по этому вопросу высказывается Д.Г. Тальберг, в русле своей идеи о полной бесполезности колонизации острова. Он подчеркивает всю сложность освоения подобных территорий, для чего требуются настоящие специалисты, готовые со всей ответственностью подойти к порученному им делу. По сведениям же Дмитрия Германовича сахалинские чиновников отличаются отсутствием необходимых

---

⁶²⁹ Пилсудский Б.О. Письмо Л.Я. Штернбергу от 14 января 1894 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы ... С. 56.

⁶³⁰ Пилсудский Б.О. Письмо Л.Я. Штернбергу от 26 ноября 1893 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы ... С. 51.

знаний, что мешает им успешно справляться со своими обязанностями⁶³¹. Так он приводит в пример организацию обеспечения каторжан необходимой им одеждой. Из-за низкой квалификации чиновники не могут организовать необходимую логистику, что приводит к негативным последствиям для арестованных⁶³². Помимо профпригодности Д.Г. Тальберг сомневается и в нравственных качествах госслужащих, так он пишет об их жестокости, а также о развратном поведении по отношению к каторжанкам⁶³³.

Схожие мысли можно найти и в переписке Л.Я. Штернберга с Б.О. Пилсудским. Они негативно характеризуют многих из сахалинских чиновников. Особенно это заметно, когда они говорят об Онорском деле и его расследовании. Тут ученые отмечают и жестокость надзирателя Ханова, и желание начальника острова Бутакова, используя свое влияние замять резонансный инцидент⁶³⁴. Однако их восприятие администрации не ограничивается только негативной оценкой, как это заметно у Д.Г. Тальберга. За время своей ссылки Б.О. Пилсудский и Л.Я. Штернберг смогли познакомиться со многими работниками каторги и среди которых, по их мнению, были честные и порядочные люди. Так они были в весьма хороших отношениях с Николаем Степановичем Лобасом и Леонидом Васильевичем Поддубским⁶³⁵. Причем работу на них они даже называли «чистой», то есть не противоречащий их моральным убеждениям. В итоге образ чиновников у этнологов получился более неоднозначный, хотя все равно большая часть из сахалинской администрации предстает не в самом выгодном свете.

Наиболее положительное восприятие чиновников наблюдается у И.В. Каргеля, хотя надо отметить, что знакомство с ними у богослова было очень недолгим. Иван Вениаминович с благодарностью вспоминает то

---

⁶³¹ Тальберг Д.Г. Указ. соч. С. 243.

⁶³² Там же. С. 241.

⁶³³ Там же. С. 240.

⁶³⁴ Пилсудский Б.О. Письмо Л.Я. Штернбергу от 14 января 1894 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы ... С. 56.

⁶³⁵ Пилсудский Б.О. Письмо Л.Я. Штернбергу от 1897 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы ... С. 126.

живейшее участие, которое они ему оказали в распространении религиозной литературы⁶³⁶. Причем они были с ним предельно вежливы, несмотря на то что явился он к ним в ранний час без какого-то либо приглашения.

Происхождение и мотивы различий в восприятиях острова и отдельных характеристик, составляющих образ этого пространства, у каждого из авторов весьма понятны. Д.Г. Тальберг пытается максимально дискредитировать идею освоения Сахалина, поэтому он показывает чиновников в наиболее негативном ключе, чтобы поставить под сомнение их способность справиться с подобным непростым делом. И.В. Каргель же опирается на собственный опыт общения с сахалинской администрацией. Они очень оперативно помогли разобраться ему с целым рядом проблем, что и определило позитивное отношение Николая Вениаминовича с местными чиновниками. Со своей стороны, Б.О. Пилсудский с Л.Я. Штернбергом за время своего заключения смогли пообщаться со многими госслужащими и смогли убедиться, что среди них встречаются как хорошие, так и плохие люди. Но, как уже было сказано выше, на них произвело очень плохое впечатление Онорское дело и тот факт, что, несмотря на обилие доказательств и многочисленные жертвы, виновные чиновники практически не понесли наказания. Разность образа, получившегося по этому вопросу у российских ученых, была во многом продиктована личным опытом или, как в случае с Д.Г. Тальбергом теми целями, которые преследовались при написании работы.

В финальной части анализа рассмотрим тот образ «инородцев», который можно реконструировать на основе прочтения академических текстов русских ученых. Может сложиться впечатление, что у этнографов должно быть много информации о том, как освоение Сахалина в середине XIX – начале XX в. повлияло на коренное население, но это не совсем так. Видно, что Б.О. Пилсудского и Л.Я. Штернберга больше заботили другие вопросы. Они, по большей части, концентрировали свое внимание на традиционных аспектах

---

⁶³⁶ *Каргель И.В.* Указ. Соч. С. 134.

культуры айнов, ороков и гиляков, таких как обряды, праздники, одежда и т.д. Это не значит, что вопросы русского влияния совсем ими игнорировались, просто им уделено гораздо меньше внимания, чем можно было подумать. Образ же «инородцев» ими созданный, показывает коренное население, как гостеприимных и добрых людей со своим особым миропониманием, которое отличается от «цивилизованных» жителей. Во многом они обязаны этим своей достаточно долгой изоляции от мира, которая была нарушена русским и японским населением. Это стало причиной возникновения целого ряда специфических проблем, которые весьма серьезно повлияли на их образ жизни. Конечно, самой очевидной из этих проблем стало появление бродяг, которые представляли прямую опасность для затерянных в лесу стоянок. Вот как об этом писал Л.Я. Штернберг: «Пользуясь отсутствием обитателей, бродяги жгут юрты, обворовывают амбары и к концу июля, когда гиляки уже начинают возвращаться в свои деревни, нередко происходят кровавые столкновения между инородцами и беглыми. Я сам на обратном пути наткнулся на прискорбный случай убийства гиляка бродягами... Простая справедливость требует оградить мирное население Тыми от бродяг. Временный пост десятка солдат близ села Ады – Тыми был бы вдвойне полезен, как для тюремной администрации, так и для гиляков»⁶³⁷. Но это то, что лежит на поверхности. Так этнологи указывают на проблемы интеграции «инородцев» в российское государство, которые провоцируют конфликты между коренным и приезжим населением. Например, проект министерств внутренних дел по сельскохозяйственному освоению острова почти полностью игнорирует интересы и традиции айнов, ороков и гиляков. Часто участки земли выделяются на пути перекачек или в непосредственной близости от стоянок «инородцев». Подобное соседство не редко оборачивается столкновением интересов, так айнские собаки могут загрызть домашнюю скотину или же поселенцы обворуют оставленные на время охоты

---

⁶³⁷ Штернберг Л.Я. Дневник путешествия к восточным гилякам и орокам ... С.222.

юрты⁶³⁸. К этому добавляется полное пренебрежение к культурным особенностям «инородцев» их старейшины не воспринимаются местной администрацией, что ведет к падению их авторитета и перераспределения властной иерархии в племени, которая складывалась на протяжении веков⁶³⁹.

Само же российское правительство весьма неохотно меняет эту ситуацию. Коренное население вообще не очень хорошо вписывалось в концепцию освоения острова, так как могло помешать найти занятия для пребывающего на Сахалин населения. Особенно остро этот вопрос встал относительно рыболовного промысла. До занятия острова Империей «инородцы» часто нанимались или даже насильственно привлекались на работу к японцам, помогая им в вылове рыбы. За это они получали от «Страны восходящего солнца» разнообразные товары, которые были необходимы им в повседневной жизни. С приходом же российской администрации политика по этому вопросу сильно поменялась и «инородцам», наоборот, стали препятствовать в найме на работу, чтобы освободить места для каторжан и русских переселенцев. Однако данная политика сработала плохо. От нее страдало, как коренное население, которое лишилось источника заработка, так и каторжане, которые не знали правильной техники заготовки из-за чего массово травились. По этому поводу Б.О. Пилсудский пишет, что правительство осознав все минусы подобной политики начинает менять установленные порядки и в 1900 году, когда, согласно «Правилам для производства рыбного промысла» «инородцам» были отданы рыбные угодья, принадлежавшие раньше японским компаниям⁶⁴⁰. Данная мера должна была, в теории, убить сразу двух зайцев, дать возможность зарабатывать коренному населению и уменьшить конкуренцию со стороны японцев. Но данное решение было продумано не до конца, так как «инородцы» предпочитали

---

⁶³⁸ Пилсудский Б.О. Предварительный отчет о поездке к айнам о. Сахалина в 1902-1903 гг. Б. Пилсудского... С. 399.

⁶³⁹ Там же.

⁶⁴⁰ Пилсудский Б.О. Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалин Б.О. Пилсудского... С.91.

вести свои дела не с русскими, а со своими давними партнерами японцами, которые не только перекупали у них рыбу, но и активно снабжали снастями. Это привело к тому, что коренное население практически не интегрировалось в российское государство, а только больше и больше попадало в зависимость от «Страны восходящего солнца».

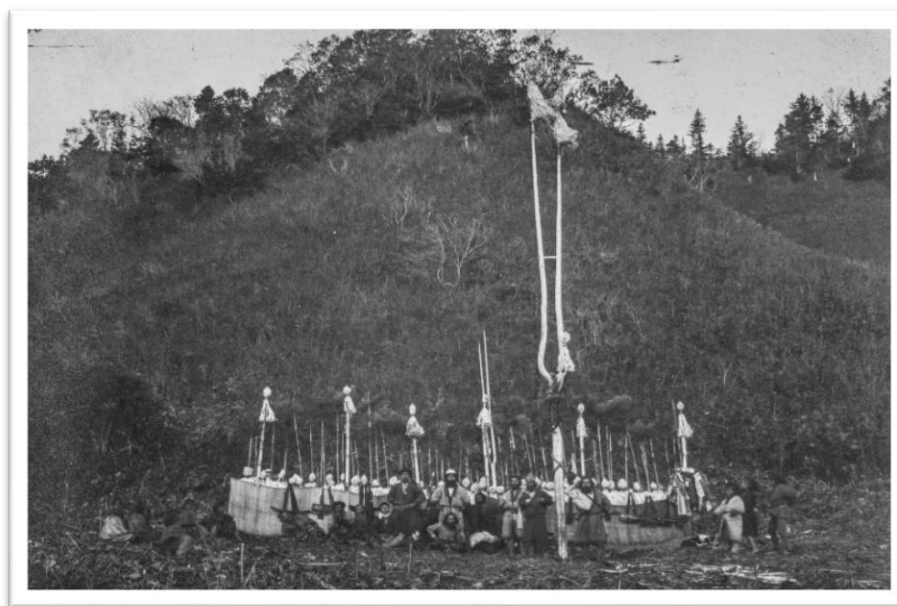
Образ коренного населения у русских ученых получился далеко не веселый. Складывается впечатление, что Российская Империя, присоединив эти территории не совсем отдавала себе отчет что же с ними надо делать. Какого-то четкого плана по отношению к «инородцам» не было выработано, что приводило к конфликтам и непоследовательным действиям, что только ухудшало отношения между колонистами и коренным населением. Конечно, были и положительные моменты, такие как проведение уроков для детей «инородцев» или повышения интереса мировой общественности к культуре айнов, ороков и гиляков, но почти все это было связано с инициативой энтузиастов, таких, как Л.Я. Штернберг, Б.О. Пилсудский, И.П. Ювачев и т.д., а не повелениями правительства. Одним из немногих примеров сотрудничества между властью и учеными может служить открытие первого сахалинского музея, которую в значительной степени составили собранные Львом Яковлевичем и Брониславом Осиповичем предметы быта айнов, гиляков и ороков. Этот факт был засвидетельствован сахалинским генерал-губернатором, который подчеркнул тот вклад, который внесли этнографы в создание коллекции музея⁶⁴¹. Однако подобных положительных примеров весьма немного. По итогам же создается впечатление, что штрафная колония только вредит «инородцам» и может навсегда уничтожить их самобытную культуру, если в ближайшее время не будут предприняты меры по изменению взаимодействия колонистов и коренного населения.

При реконструкции этого образа, созданного учеными и запечатленного в их текстах, есть возможность привлечения визуальных источников,

---

⁶⁴¹ *Сирина А.А.* Указ. соч. С. 56.

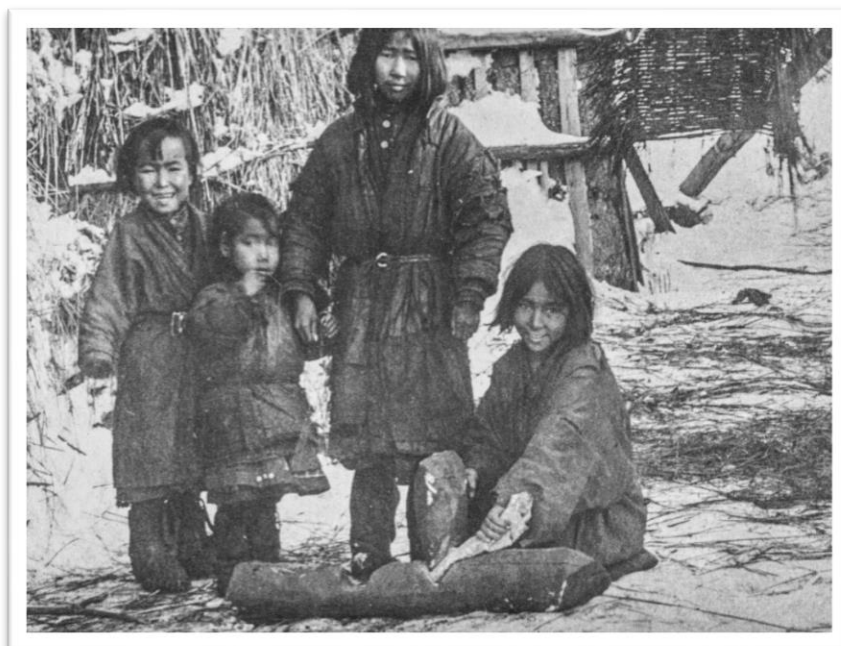
фото документов. Эти фотографии, собранные этнографами за время своих экспедиций, являются важным дополнением к их текстам. На них видно уникальное сообщество, которое может кануть в лету, если политика Империи по отношению к ним не будет изменена. Очень колоритно выглядит народ айнов, изучением которого занимались Л.Я. Штернберг и особенно Б.О. Пилсудский. В своей культуре они сочетают черты синто и шаманизма, что хорошо прослеживается на фотографиях. Так на первом и втором снимке виден народ в традиционных нарядах, напоминающих японское кимоно.

Илл. 17. ⁶⁴²

---

⁶⁴² URL: <https://www.perunica.ru/stfoto/9780-fotograf-bronislav-osipovich-pilsudskij-aborigeny-sahalina-ajny-kult-medvedja.html> (дата обращения 01.04.2023)

Илл. 18. ⁶⁴³

Илл. 19. ⁶⁴⁴

С другой стороны, помимо влияния Японии, видна и близость айнов с другими народами Сахалина. Об этом свидетельствует шкура медведя на последней фотографии, которая была получена во время проведения

---

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ URL: <https://indigen.libsakh.ru/korennye-narody-sakhalina/issledovateli/shternberg-lja/> (дата обращения 01.04.2023)

шаманских ритуалов. Все эти особенности отлично отражены в коллекциях снимков русских этнографов, что помогло им совершить не одно открытие в особенностях жизни сахалинских «инородцев»

Если подводить итоги по этой части главы, то стоит отметить, что образ острова в восприятии русских ученых весьма сложен и многообразен, однако для выявления всех его граней необходимо было воспользоваться разными видами источников, содержащих свою уникальную информацию. Наибольшие сведения по проблеме, содержались в монографиях и научных статьях и докладах ученых. Особенно это касается Д.Г. Тальберга, цель изысканий которого напрямую связана с разбором функционирования штрафной колонии. С этнологами все немного сложнее, хотя их труды являются неоценимым материалом по анализу жизни коренного населения, однако многие вопросы остаются за кадром. Поэтому встает необходимость обращаться к их дневникам и письмам, которые с одной стороны дополняют их научные труды, с другой проясняют многие моменты из жизни каторги. Особенно важно это в случае с Б.О. Пилсудским и Л.Я. Штернбергом, которые пробыли на острове в качестве ссыльных значительное время и не понаслышке были знакомы с особенностями местного быта.

Применение интерпретационных методов к анализу текстов ученых позволило отчетливо выделить три основных позиции касательно штрафной колонии. Первая, положительная, принадлежит И.В. Каргелю, но тут сразу стоит оговориться, что на Сахалине он провел лишь несколько часов, в силу чего не смог познакомиться со всеми аспектами жизни на острове. По большому счету Иван Вениаминович успел только спросить разрешение у администрации на распространение религиозной литературы и пообщаться с верующими каторжанами. Так как он встретил живейшие участие от тех и у других Сахалин запомнился ему достаточно в положительном свете и И.В. Каргель даже жалел, что не мог остаться на нем дольше.

Полностью противоположный взгляд принадлежит Д.Г. Тальбергу. Вся его статья преследует цель доказать бесперспективность освоения Дальнего

Востока в целом и Сахалина в частности. Это приводит к тому, что образ острова у него окрашен в максимально мрачные тона. Дмитрий Германович показывает, что, какой бы из вопросов ни начать рассматривать относительно Сахалина, везде найдутся весьма существенные проблемы, которые превращают даже его сильные стороны в недостатки.

Где-то между этими крайностями находится Б.О. Пилсудский и Л.Я. Штернберг. Так как в силу обстоятельств они были вынуждены прожить на острове достаточно значительное время, им удалось весьма подробно изучить разные стороны жизни на Сахалине. Хотя их образ острова нельзя назвать положительным, этнографы часто отмечают перемены к лучшему по тем или иным вопросам, а также отмечают правительственные инициативы, которые благотворно влияют на развитие региона. С научной точки зрения их выводы кажутся взвешенными, доказательством этому может послужить тот факт, что их взгляд на проблему коренных народов острова, во многом разделяют и иностранные исследователи, которые побывали на Сахалине.

4.3. Географические и инфраструктурные особенности острова в текстах иностранных ученых

После освещения взглядов российских ученых на Сахалин посмотрим, что же по этому поводу пишут их иностранные коллеги. Начнем с реконструкции из текстов источников оценки учеными-иностранцами возможностей и перспектив развития сельского хозяйства острова. Наиболее цельная концепция по этому вопросу, зафиксированная в тексте монографии «Русская каторга, остров Сахалин», принадлежит французскому этнологу Полю Лаббэ. Отправился он на Сахалин в 1903 году для исследования местных коренных народов (айнов, ороков и гиляков). Это была его не первая поездка в Россию, до этого Лаббэ уже побывал во многих городах Империи, в том числе, во Владивостоке, Уфе, Оренбурге. За это время он отточил знания русского языка, которые приобрел в студенческие годы во время своей учебы

в l'École des langues orientales, что позволило ему общаться с сахалинскими жителями без переводчика. Это дало ему возможность получить информацию о тяготах каторжной жизни непосредственно из уст заключенных, а не тюремного начальства⁶⁴⁵. То есть, в источниковедческом плане важно отметить, что в авторском тексте книги Поля Лаббэ содержится и информация так называемой «устной истории», то есть восприятия не просто очевидцев, а «инсайдеров», заключенных каторжан.

Однако, все-таки, надо отметить, что изучение пенитенциарных учреждений острова не входило в сферу основных интересов Поля Лаббэ, поэтому сахалинской каторге посвящена лишь треть от объема всей книги. Главной его целью было исследование коренных народов острова, чем он и занялся, причем с немалым успехом. Экспонаты, привезенные им из этой экспедиции, до сих пор входят в коллекции французских музеев, а имя Поля Лаббэ прочно вошло в историографию изучения народов Дальнего Востока. Однако, несмотря на то что основное внимание он уделяет «инородцам», Лаббэ рисует и определенный образ штрафной колонии, фиксирует и свое восприятие отдельных сторон жизни острова, в целом, перспектив освоения его как «исторического пространства» Российской империи. Касательно возможностей сельского хозяйства, ученый замечает, что освоение острова, согласно изначальным планам правительства, возможно, но лишь при правильной организации⁶⁴⁶. Последняя же сильно хромает и ссыльнопоселенцам не достает ни инвентаря, ни мотивации для правильной обработки почв. Решить эту проблему не помогает ни удобрение почв, ни подготовка участков агрономами, так как, по мнению ученого, каторжный элемент изначально плохо подготовлен к подобному труду и никаких работ для того, чтобы это исправить с ним не ведется⁶⁴⁷.

---

⁶⁴⁵ *Labbé P. Ibid. P. 47.*

⁶⁴⁶ Там же. С. 87.

⁶⁴⁷ Там же.

Схожую позицию по этому вопросу занимает еще один этнолог англичанин Чарльз Генри Хоуз, правда, выражена она у него чуть менее определенно. Сам Хоуз прибыл на остров в 1901 году. Это была далеко не первая его экспедиция, и он уже успел сделать себе имя, работая на Крите⁶⁴⁸. Сахалин же его привлек возможностью изучить культуру народов Дальнего Востока, особо его интересовало племя айнов, известное среди ученых своей самобытностью. Правда стоит отметить, что он был подготовлен к поездке хуже своего французского коллеги и не знал русского языка, и, хотя Хоуз во время путешествия немного его освоил, ему все равно приходилось пользоваться услугами переводчика⁶⁴⁹. Им стал один из политических заключенных, которого англичанин не называет, опасаясь за его судьбу на Родине. Переводчик поведал своему спутнику обо всех тех проблемах, которые существуют на каторге. Тот факт, что Хоуз получал «транслируемую» информацию о жизни на острове, следует учитывать при интерпретации его текстов с целью реконструкции его восприятия Сахалина. Этот способ получения сведений через личность переводчика, политического заключенного, оказал сильное влияние на восприятия Сахалина Хоузом и в его образе острова четко прослеживается влияние русских либеральных идей того времени. Например, когда речь заходит о сельском хозяйстве он, прямо ссылаясь на мнение политических заключенных, отмечает, что основная проблема заключается в отсутствии правильной организации, которая и ведет к низким урожаям⁶⁵⁰. Из-за этого поселенцы не заинтересованы в результатах своего труда и вынуждены питаться зерном, привезенным из Орегона. Справедливости ради надо отметить, что этнограф, изучая этот вопрос, опирался не только на мнение политических, но и сам пообщался с некоторыми хозяевами. Так он ссылается на слова одного успешного фермера,

---

⁶⁴⁸ Латышев В.М. Сахалинское путешествие Чарльза Хоуза // На восточной окраине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2003. С. 5–12.

⁶⁴⁹ Хоуз. Ч.Г. Указ. соч. С. 16.

⁶⁵⁰ Там же. С. 121.

которому удастся снимать огромные урожаи со своей земли⁶⁵¹. По его мнению, основная проблема кроется в лени и низком моральном духе самих ссыльных, которые не умеют работать и не стремятся исправить свое поведение⁶⁵². Далее же он приводит в пример себя и своих знакомых, которые отлично смогли организовать хозяйство на острове, приложив к этому немного усилий и трудолюбия. Видно, что Хоуз согласен с такой позицией. Примечательно, что у иностранных ученых прослеживается четкая идея индивидуальной ответственности каждого человека за свою судьбу, в отличие от литераторов, которые больше склонны винить во всем сложившуюся систему. Так, например, Хоуз, при всей своей симпатии к политическим заключенным совершенно отрицательно смотрит на уголовников и описывает их в таких негативных тонах. Становится понятно, что он совершенно не жалеет о том, что некоторые личности оказались на Сахалине.

Дополняет этот образ видения Сахалина «со стороны», глазами иностранцев, имеющиеся в распоряжении историка тексты, автором которых является еще один иностранный ученый Бенджамин Ховард. Его визит на остров датируется 1890 годом, и он был одним из первых иностранцев, который отважился отправиться на Сахалин⁶⁵³ для изучения созданной на нем штрафной колонии. К моменту своей поездки Бенджамин Ховард уже был состоявшейся личностью и довольно известным врачом. Его метод искусственного дыхания был известен даже на Сахалине, его идеи поспособствовали формированию службы «скорой помощи» в современном виде⁶⁵⁴. Помимо этого, он был истинным гуманистом, противником рабства и участником Гражданской Войны в США на стороне Севера. Но даже после победы над Югом Бенджамин Ховард продолжал интересоваться жизнью

---

⁶⁵¹ Там же. С. 122.

⁶⁵² Там же.

⁶⁵³ *Ховард О.О.* Предисловие // *Узники России.* Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2007. С. 29.

⁶⁵⁴ Там же. С. 25.

угнетенных слоев населения, в том числе и заключенных⁶⁵⁵. Его крайне занимали вопросы юриспруденции и права, а также устройство пенитенциарных учреждений в разных уголках мира. Поэтому он не мог ни обратить свое внимание на Сахалин, о котором в Англии и Америке ходили самые разнообразные слухи, доходившие до того, что на каторге практикуется клеймение людей каленым железом, как во времена Ивана Грозного⁶⁵⁶. Б. Ховард решил лично во всем убедиться, а не просто полагаться на свидетельства третьих лиц, как до него делали иностранные авторы. Для этого он отправляется на каторгу через Владивосток, где успевает обзавестись приятелями среди сахалинских чиновников. В их компании он и будет знакомиться с местной пенитенциарной системой. Видно, что это оказало на Бенджамина Ховарда определенное влияние и по некоторым вопросам он стал относиться к тюремной администрации более снисходительно, чем другие его коллеги. Стоит отметить, что его наблюдения относятся только к южной части острова, где условия жизни во многом лучше, чем на севере, что не могло не сказаться на сделанных им выводах.

Это видно и в его оценке сельского хозяйства. По его личному признанию до своей поездки на остров он был крайне скептически настроен по этому поводу, так как во всех статьях, которые были им, прочитаны ранее, писали о том, что получить хорошие урожаи на Сахалине практически невозможно⁶⁵⁷. Бенджамин Ховард, оспаривает это суждение и говорит о том, что он лично посетил тридцать хозяйств корсаковского округа и дела у них шли довольно неплохо. Справедливости ради, надо отметить, что ученый оговаривается, что это его личное наблюдение и общий тренд может быть иной, однако, в любом случае, говорить о полной невозможности вести сельское хозяйство на острове, ошибочно⁶⁵⁸. Он, как и другие авторы замечает, что проблемы с урожаем кроются не в земле, а в халатном отношении к ее

---

⁶⁵⁵ Там же. С. 27.

⁶⁵⁶ *Ховард Б.* Указ. соч. С. 83.

⁶⁵⁷ Там же. С. 283.

⁶⁵⁸ Там же. С. 284.

вспашке и освоению, которое производится спустя рукава без использования современных орудий труда и технологий⁶⁵⁹.

Можно сказать, что по вопросу о перспективах развития сельского хозяйства как фактора, во многом определяющего успешность освоения острова, иностранные ученые достаточно близки к госслужащим оптимистам поздней поры. Они не отрицают, что с производством злаковых на острове есть проблемы, но, по их мнению, это происходит не только из-за плодородности местных почв. Главным сдерживающим фактором являются сами арестанты, которые не хотят и не умеют правильно организовать свое хозяйство. В изложении Лаббэ, Ховарда и Хоуза идея организации на Сахалине сельскохозяйственной колонии представляется не столь безнадежной, но требующей серьезной корректировки во многих организационных вопросах.

Рассматривая вопрос о промысловой деятельности на острове, можно увидеть весьма неоднозначную ее оценку у зарубежных ученых. Так Поль Лаббэ безусловно признает наличие огромного запаса угля на Сахалине⁶⁶⁰. Однако он сразу отмечает, что при всем своем изобилии качество пароды вызывает вопросы. Так во время пребывания ученого на острове на лодке Сунгари случился пожар из-за воспламенения древесного угля, что свидетельствует об имеющихся у него изъянах⁶⁶¹. Что примечательно Поль Лаббэ, заинтересовавшись этим вопросом, сам лично спускался в шахты, чтобы оценить реальную картину природных богатств острова. Что примечательно угля было много, но состояния штолен оставляло желать лучшего, они были промозглы и выстроены на скорую руку без какого-то внимания к комфорту или безопасности рабочих. Но что еще интереснее этих самых рабочих в шахте не было⁶⁶². Дело в том, что за непредоставление каторжан для добычи угля государство платит компании неустойку, чем и

---

⁶⁵⁹ Там же. С. 286.

⁶⁶⁰ *Labbé P.* Ibid. P. 12, 18.

⁶⁶¹ Там же. С. 98.

⁶⁶² Там же. С. 101.

пользуются местные чиновники, которые сознательно не отправляют рабочих, деля с компанией эти деньги и обогащаясь буквально за свое бездействие. Понятно, что это не самым лучшим образом влияет на количестве производимого угля на острове.

Весьма интересным образом Поль Лаббэ подходит и к вопросу использования рыбных ресурсов острова. Он, как, в общем, все другие авторы, подчеркивает огромные богатства морей и рек Сахалина⁶⁶³. Но тут французский этнолог меняет угол обзора и знакомит читателя с позицией Японии по данному вопросу. Поль Лаббэ подчеркивает, что в плане экономического развития «Страна восходящего солнца» очень сильно зависит от добычи сельди и лосося, так как помимо того, что они идут в пищу, их используют для удобрения полей, где растут как зерновые, так и технические культуры, составляющие важную часть Японской экономики. Сахалин же является одним из важнейших регионов по добыче этих рыб, причем его значения из года в год только растет⁶⁶⁴. Причиной этому является то, что из-за ухудшения экологической обстановки сельдь и лосось стали менять пути своего нереста и все больше и больше смещаться в сторону территориальных вод России. Это послужило причиной миграции уже японских рыбаков к сахалинским берегам, где они имели разнообразные льготы от российского правительства. Но подобная активность не понравилась сахалинским властям и компаниям, которые хотели сами контролировать столь прибыльную отрасль. Однако из-за плохо организованной системы добычи не могли никак конкурировать с японскими моряками. Поэтому местные чиновники начали лоббировать проект по ограничению возможности для вылова рыбы для «Страны восходящего солнца». Поль Лаббэ подчеркивает, что для них это очень важный вопрос, так как это повлияет не только на доходы рыбаков, но и на хозяйства фермеров и в итоге может привести страну к серьезному кризису. Это понимает и правительство Российской империи, которое

---

⁶⁶³ Там же. С. 107.

⁶⁶⁴ Там же. С. 110.

стремится обменять свободу рыбной ловли у берегов Сахалина на свободу рук в Маньчжурии. Все это очень раздражает Японию и, по мнению Поля Лаббэ, может послужить одной из причин конфликта между двумя странами⁶⁶⁵.

Генри Хоуз дает немного другую картину возможного развития промыслов на острове. Он уделяет особое внимание нефтяным месторождением, исследованием которых, во время его визита на остров активно занимались местные геологи⁶⁶⁶. По их сведениям, Сахалин невероятно богат этим ценным ресурсом, потребность в котором растет день ото дня. Причем качество сахалинской нефти выше, чем где бы то ни было. В связи с этим Хоуз считает, что верным решением для правительства было бы направить для добычи «черного золота» каторжан, что дало бы возможность казне сэкономить на рабочих⁶⁶⁷.

Касательно рыбного промысла этнолог просто констатирует, что на Сахалине много рыбы, но какого-то глубокого анализа этой проблемы он не проводит⁶⁶⁸.

Бенджамин Ховард, в свою очередь, касается этого вопроса более подробно. По его мнению, именно рыбные ресурсы могут послужить отличной основой для развития острова. Ее количество поистине огромно, причем у берегов Сахалина встречается не только лосось и кета, но и киты, охота на которых может дать весьма солидный доход⁶⁶⁹. Главную же проблему в развитии рыболовства Бенджамин Ховард видит в отсутствии на острове нормальной системы портов, что усложняет вопросы логистики и торговли⁶⁷⁰.

Относительно же добычи угля и железной руды прогнозы ученого не столь радужны. Он отмечает, что качество и количество этих полезных ископаемых на острове сильно преувеличено⁶⁷¹. К тому же имеется целый ряд

---

⁶⁶⁵ Там же. С. 111.

⁶⁶⁶ Хоуз. Ч.Г. Указ. Соч. С. 190.

⁶⁶⁷ Там же.

⁶⁶⁸ Там же. С. 245.

⁶⁶⁹ Ховард Б. Указ. соч. С. 266.

⁶⁷⁰ Там же.

⁶⁷¹ Там же. С. 279.

серьезных логистических и организационных проблем, которые очень сильно влияют на конечную цену товара и делают практически не рентабельным его добычу. К этому добавляется и еще одно обстоятельство, которое может сильно ударить по востребованности сахалинского угля. Дело в том, что изначально считалось, что копи острова должны обеспечивать топливом российский Тихоокеанский флот. Однако с постройкой Транссиба эта необходимость отпадет, что еще сильнее ударит по востребованности сахалинского угля внутри Империи⁶⁷².

Подводя итог проведенной реконструкции оценки промысловой деятельности на острове иностранными учеными, стоит отметить, что она получилась достаточно пессимистической. Перспективность первоначальной ставки правительства на добычу угля почти все авторы поставили под сомнение и указывают на то, что администрации лучше присмотреться к вылову рыбы или нефтяным месторождениям. Вырисовывается картина негативного восприятия иностранными учеными развития острова, которое идет, по их мнению, в неверном направлении, и что даже имея перед собой огромное количество ресурсов, правительство Империи не может ими правильно распорядиться. Причем это весьма серьезно сказывается не только на экономических, но и на политических делах России. Так нельзя не отметить беспокойство Поля Лаббэ касательно конфликта интересов японских и российских рыбаков в акватории Южного Сахалина, что станет одной из причин столкновения этих двух стран в будущем.

Далее переходим к восприятию зарубежными исследователями инфраструктуры Сахалина. По этому вопросу среди них имеются весьма значительные расхождения. Самый показательный пример сказанного связан с оценками медицинских учреждений на острове. Так, Поль Лаббэ, осмотрев госпиталь в Александровском, находит его тесным и душным, что совсем не укладывается в актуальные на тот момент санитарные нормы⁶⁷³. К этому он

---

⁶⁷² Там же. С. 280.

⁶⁷³ *Labbé P.* Ibid. P.41.

добавляет весьма серьезную критику по отношению к медицинскому персоналу, который совершенно не интересуется здоровьем каторжных. Этот тезис он иллюстрирует рассказом об освидетельствовании ссыльных перед отправкой на Сахалин, где здоровыми признавались даже каторжные с симптомами туберкулеза⁶⁷⁴. Подобные наблюдения стали основой того, что у автора мемуаров сложилось впечатление, что на острове дела в области здравоохранения обстоят очень плохо, а найти на нем квалифицированную помощь очень проблематично.

С другой стороны, есть образ, созданный Бенджамином Ховардом, который кардинально отличается от восприятия француза. Так ученый указывает, что остался весьма доволен местным госпиталем. Причем он был там не как посетитель, а как врач, и даже на протяжении некоторого времени он имел возможность там поработать⁶⁷⁵. Медицинский персонал произвел на него весьма приятное впечатление.

Единственное объяснение такого сильного расхождения, которое возможно предложить, это то, что Лаббэ изучал госпиталь в Александровске, в то время как Бенджамин Ховард был в Корсакове, где условия могли быть намного лучше.

Похожая ситуация наблюдается и по вопросу дорожного строительства, хотя, конечно, чуть в более мягкой форме. Так, Поль Лаббэ, проехавший по значительной части Сахалина, достаточно критически отзывается о его путях сообщения: он жалуется на грязь и глину, по которой скользят лошади⁶⁷⁶. И хотя французский ученый написал по этому поводу совсем немного он снабдил свой рассказ весьма красноречивой фотографией, которая с первого взгляда дает понять, что ему предстояло испытать во время путешествия.

---

⁶⁷⁴ Там же. С. 31.

⁶⁷⁵ Ховард Б. Указ. соч. С. 225.

⁶⁷⁶ *Labbé P.* Ibid. P.78.

*Илл. 20.*⁶⁷⁷

Несколько слов о городской инфраструктуре можно прочитать у еще одного иностранного ученого Вашингтона Вандерлипа. В данном случае задачи и интересы, которые определили рождение текстов его воспоминаний «В поисках сибирского кландайка» достаточно отличаются от всех ранее упомянутых ученых. На остров Вандерлипа привлекал не интерес к истории и быту коренных народов или особенностям пенитенциарной системы, а вещи куда более материальные. Дело в том, что конец XIX века стал временем активного поиска золота в районе Берингова пролива, которое по одной из теорий должно было находиться там в огромных количествах. Для проверки этого предположения в Россию в 1898 выехал американский горный инженер Вашингтон Вандерлип, который во время своих поисков побывал и на Сахалине⁶⁷⁸. Об этой поездке он рассказал своему другу миссионеру, журналисту и историку Гомеру Г. Халберту, который помог Вашингтону издать свои воспоминания о ней в форме книги. Непосредственно о каторге автор пишет весьма немного, так как на Сахалине он был только проездом,

---

⁶⁷⁷ Там же.

⁶⁷⁸ *Лисицина Е.Н.* Вашингтон Вандерлип на Сахалине: впечатления американского горного инженера о пребывании в Корскакове // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2018. С. 30.

хотя его пребывание на острове и затянулось по той причине, что пароход «Космополит», на котором он плыл на материк, сел на мель, а Вандерлип был вынужден вернуться в Корсаков. Так как изучение каторги не входило в круг основных задач автора, то логично предположить, что он обращался за информацией к местным чиновникам. Об источниках информации, которой пользовался ученый можно судить, например, из приведенного, явно «заимствованного» Вандерлипом утверждения о том, что на Сахалине нет политических заключенных⁶⁷⁹, что противоречит действительности. Однако, несмотря на это, в книге есть наблюдения и самого инженера, которые представляют огромный интерес и могут помочь лучше понять жизнь карсаковской тюрьмы тех лет. Более того его подход немного отличается от остальных иностранных ученых: Вандерлипу не свойственны какие-то сложные размышления по проблемам освоения острова или будущего коренных народов, зато он старается точно фиксировать все, что он видит перед собой. В данном случае можно отметить, что авторская стилистика явилась весьма ценной для историков, так как тексты Вандерлипа по количеству деталей превосходят подобные сочинения других авторов, которые писали по этой теме. Это относится, в том числе, и к описанию населенных пунктов острова. Если обычно авторы ограничиваются, в лучшем случае описание географического положения и внешнего вида наиболее важных построек, то ученый описывает убранство улиц. Так он подчеркивает качество пешеходных дорог, которые поддерживаются в порядке и чистоте⁶⁸⁰. Из общественных зданий ученый побывал только в парикмахерской, которая, ничем не отличалась от подобных учреждений на материке, кроме того факта, что все процедуры по бритью и стрижке там выполняли каторжане, что немного нервировала Вандерлипа.

---

⁶⁷⁹ *Vanderlip W.B.* In search of a Siberian Klondike. New York: The Century Co, 1903. URL: https://www.gutenberg.org/files/41237/41237-h/41237-h.htm#Page_25 (дата обращения 14.03.2023)

⁶⁸⁰ Там же

Весьма примечателен образ дорог, который создает Генри Хоуз. Он весьма сильно напоминает ту картину, которая наблюдается у В.М. Дорошевича. Так англичанин, почти не уделяет внимание качеству дороги и обращает внимание на другие ее аспекты. Для него это в первую очередь источник опасности, так как на ней могут напасть местные бродяги, которые без всякого сожаления убьют зазевавшегося путника. Для подобных заявлений у Генри Хоуза имеются все основания, ведь он богатый иностранец и был под прицелом разнообразных жуликов и воров. На него даже совершили нападение во время поездки в гости, но благо он смог от него отбиться⁶⁸¹.

Конечно, есть примеры и не столь радикально полярных мнений. Тот же Поль Лаббэ весьма неплохо отзывается о здании сахалинской школы, которую он ставит в заслугу генерал-губернатору Ляпунову⁶⁸². Однако при этом он замечает, что весьма заметно ощущается нехватка педагогического состава. По этой причине уроки ведут добровольцы из каторжан, которые, по мнению француза, могут плохо повлиять на подрастающее поколение⁶⁸³.

Если же делать общий вывод по поводу оценки инфраструктуры Сахалина в трудах иностранных ученых, то можно отметить такую закономерность, что чем больше автор путешествовал по острову, тем более критически он его воспринимал. Это и понятно, так как вне крупных населенных пунктов, подальше от глаз начальства можно было, по мнению чиновников и администрации, и немного и сэкономить. Хотя стоит отметить, что при своих позитивных и негативных оценках, ученые более осторожны, чем русские пессимисты и оптимисты из чиновников. Видно, что они скорее описывают свои впечатления и не пытаются сделать какие-то серьезные общие выводы, так как это не относится к их специальности. Исключением, тут, наверное, можно считать только Бенджамина Ховорда, который весьма подробно пишет о корсаковском госпитале, так как сам отработал в нем

---

⁶⁸¹ Хоуз. Ч.Г. Указ. Соч. С. 120.

⁶⁸² Labbé P. Ibid. P.41.

⁶⁸³ Там же. С. 94.

некоторое время. По этой причине образ инфраструктуры острова в трудах иностранных ученых вышел весьма смазанный и скорее представляет лишь какие-то наблюдения, чем определенную концепцию.

4.4. Бытовые и морально-нравственные аспекты жизни каторжан, чиновников, ссыльнопоселенцев и коренных народов в оценках иностранных ученых

Теперь же перейдем к тому, какой сформировался образ ссыльнокаторжных в восприятии иностранных ученых. Так, в отличие от своих русских коллег, они дали гораздо больше информации по данному поводу, разбирая, как бытовую сторону вопроса, так и морально-нравственную. Начнем с первой. Весьма занятный образ жизни каторжан рисует в своей работе американский горный инженер Вашингтон Вандерлип. Ученый достаточно подробно описывает Корсаков и условия жизни в нем заключенных. Вот, например, что он пишет о своих первых впечатлениях по прибытию в город: «Улица была около пятидесяти футов в ширину, по обе стороны от нее были аккуратные дощатые дорожки. Все дома были бревенчатыми, но не такими, как привыкли ассоциировать с этим названием. Русский делает лучший бревенчатый дом в мире. Бревна обтесываются и тщательно подгоняются друг к другу. Окна в основном двойные, а дома, все одноэтажные, достаточно теплые, чтобы в них можно было жить. Улицы усеяны небольшими магазинами и магазинчиками. Все население, кроме чиновников, состоит из каторжников, большинство которых пользуется почти полной свободой в пределах города»⁶⁸⁴.

Весьма благоприятное впечатление на Вандерлипа произвели и тюремные камеры, которые он нашел чистыми и опрятными⁶⁸⁵. Вообще

---

⁶⁸⁴ *Vanderlip W.B.* In search of a Siberian Klondike. New York: The Century Co, 1903. URL: https://www.gutenberg.org/files/41237/41237-h/41237-h.htm#Page_25 (дата обращения 30.08.2021)

⁶⁸⁵ Там же.

городская жизнь ссыльных показалась ему достаточно сытой и привольной. Работники в мастерских, клерки и продавцы из каторжных, которых он встретил, жили обычной жизнью и не производили впечатления угнетенных людей. Единственную оговорку, которую сделал по этому поводу Вандерлип, это то, что каторжные работы в городе не идут ни в какое сравнение с каторжными работами в рудниках, которые и правда, производят ужасное впечатление⁶⁸⁶.

За исключением этого аспекта образ быта ссыльных представляется у Вандерлипа сугубо положительным. Особенно забавно выглядит, то, что он считает, что при обзаводстве хозяйством каждой семье, помимо коровы и лошади, выдают обязательно еще и самовар, так как никакое русское хозяйство не может обойтись без этой важной составляющей⁶⁸⁷. Кажется, причин для столь высокой оценки сахалинской штрафной колонии было у Вандерлипа несколько. Первая из них состоит в том, что он жил в Карсаковском округе, наиболее благополучной части всего Сахалина. Вторая причина состоит в том, что на острове он провел лишь несколько дней и не мог за это время полностью изучить все тонкости жизни каторжан, хотя и пытался это сделать. Ну и наконец, Вандерлип не владел русским языком, что усложняло его коммуникацию с местными жителями, и он был вынужден доверять словам сопровождавших его чиновников, которые могли утаить от него ту или иную информацию, на основе которой, тем не менее, и формировалась система его представлений о жизни каторжан.

Весьма примечательно в методологическом плане сравнить образ, созданный Вандерлипом с описанием быта каторжан Генри Хоуза. Подобное сравнение отлично демонстрирует, то влияние, которое может оказать «способ получения информации» и степень ее полноты на характер восприятия иностранного путешественника реалий сахалинской каторги и его оценка самим ученым. Так, Генри Хоуз повторяет тезисы Вандерлипа, что в

---

⁶⁸⁶ Там же.

⁶⁸⁷ Там же.

сахалинских камерах, которые он видел, было чисто и опрятно⁶⁸⁸. Однако дальше англичанин делает из этого весьма занятные выводы. Он указывает на то, что его повели лишь в новое крыло тюрьмы, а старое не показали, что свидетельствует о том, что ему не хотели открыть всей картины, а только пустить пыль в глаза. Далее же Хоуз ссылается на рассказы политических заключенных, которые противоречили тем сведениям, которые сообщали ему об этом пенитенциарном учреждении местные чиновники⁶⁸⁹.

Это история повторяется, когда англичанин останавливается в весьма обустроенном доме одного из ссыльных. При описании его он указывает, что изобилие, которое он там встретил это только исключение из правил и большей части каторжан остается только мечтать о чем-то подобном⁶⁹⁰.

Помимо подобных спорных моментов относительно степени достоверности получаемой иностранными учеными информации встречается в текстах книги Хоуза «На восточной окраине...» и однозначная критика местных порядков. Например, когда дело доходит до еды, которую подают в тюрьмах, этнолог указывает на ее отвратительное качество и однообразие, которое плохо сказывается на здоровье арестантов⁶⁹¹. Кажется вероятным, что и эту информацию он получил от своих друзей политических, так как дальше англичанин пишет, что подобный скудный рацион заставляет многих политических заключенных тратить деньги на улучшения пайка.

По вопросам быта ссыльных у Хоуза получился гораздо более негативный образ, чем у Вандерлипа. Если последний опирается только на свои впечатления и экстраполирует их на состояние всего острова, то Хоуз наоборот скорее доверяет не своим глазам, а словам своих друзей, которые, по его мнению, как люди, смотрящие на ситуацию, изнутри должны быть более компетентны в этих вопросах. Кроме того, для него характерно критическое отношение к получаемой информации, стремление ее проверить или

---

⁶⁸⁸ Хоуз. Ч.Г. Указ. Соч. С. 253.

⁶⁸⁹ Там же. С. 255.

⁶⁹⁰ Там же. С. 260.

⁶⁹¹ Там же. С. 273.

дополнить сведениями из других, незаинтересованных в приукрашивании картины быта, источников, например, от политических заключенных.

Поль Лаббэ старается подойти к этому вопросу с разных точек зрения, что ему легче сделать по той причине, что он владеет русским языком и может самостоятельно общаться как с администрацией, так и с заключенными. Тюремные помещения произвели на француза скорее негативное впечатление, но не столько из-за своего обустройства, а из-за переполненных камер, которые мешали нормальной циркуляции кислорода⁶⁹². Относительно же домов ссыльных Поль Лаббэ более благосклонен и отмечает, что жить в них вполне можно. Да и цена на аренду помещений весьма демократична, и он лично знал каторжанина, который без особых затрат смог снять себе несколько спален⁶⁹³.

Ученый отмечает, что пища в целом весьма хороша и тот паек, который ему дали, был неплох. Однако он тут же оговаривается, что заключенные сказали ему, что обычно их кормят хуже, а сегодня еду специально приготовили таким образом, чтобы впечатлить иностранного гостя⁶⁹⁴.

В общем можно сказать, что в этом вопросе французский этнолог находится где-то посередине между Генри Хоузом и Вандерлипом. Он показывает быт каторжан со своими плюсами и минусами и, хотя признает, что их положение оставляет желать лучшего, однако замечает и положительные стороны.

Остальные авторы не добавляют ничего кардинально нового к этим трем точкам зрения. Так Бенджамин Ховард, во многом повторяет оценки Поля Лаббэ, хотя и в чуть более положительном ключе⁶⁹⁵. Причиной этому служит то, что Ховард пытается провести мысль, что русская система каторги в своей основе превосходит английскую и американскую, так как позволяет заключенным заниматься созидающим трудом, а не просто заставляет

---

⁶⁹² *Labbé P.* Ibid. P. 50.

⁶⁹³ Там же. С. 60.

⁶⁹⁴ Там же. С. 54.

⁶⁹⁵ *Ховард Б.* Указ. соч. С. 284.

дождаться окончания срока, сидя в камере. Однако он будет ее отстаивать более полно именно в вопросе морально-нравственного состояния каторжан, а не в вопросах условий быта, которые он находит просто достаточно удовлетворительными, хотя и уступающими, конечно, аналогичным в Англии и Америке⁶⁹⁶.

Касательно же морально-нравственного состояния каторжан ученые-иностранцы констатируют наличие большего сходства, чем в случае сравнения условий быта. Дело в том, что практически каждый из них был в ситуации, когда его здоровье, имущество, а может быть и жизнь были подвергнуты опасности из-за действий ссыльных, в связи с чем ничего хорошего они практически не говорят. В этой связи можно обратиться к образу, созданному Генри Ланделлом, британским этнологом и священником, оставившим описание Сахалина. На самом острове он не был, но во время своей поездки по России от «Великобританского и иностранного библейского общества» он общался как с заключенными, так и с чиновниками, побывавшими в штрафной колонии⁶⁹⁷. Его восприятия каторжан были основаны не на личных впечатлениях, а на сведениях, полученных от самих заключенных. Даже учитывая этот способ получения информации, Г. Ланделл рисует каторжан, как опасных и жестоких людей, которые способны на разнообразные зверства⁶⁹⁸. Что примечательно, причину этого Г. Ланделл во многом видит в религиозном вопросе. Он указывает на то, что заключенные в российских тюрьмах лишены наставлений в вере, из-за чего их понимания добра и зла стирается. Более того, им даже запрещено посещать церковь, а без духовного окормления они достаточно быстро встают на дорогу

---

⁶⁹⁶ Там же.

⁶⁹⁷ *Коррадо III*. О евангельских христианах на каторжном Сахалине // Сахалинский вестник № 12, Южно-Сахалинск; Южно-Сахалинск 2012 С. 286.

⁶⁹⁸ *Lansdell H.* Through Siberia С. 661. URL:

<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=njp.32101073007385&view=2up&format=plaintext&seq=718> (дата обращения 19.03.2023)

разврата⁶⁹⁹. Таким образом, картина морального состояния каторжан получилась у него не самая лучшая.

И по большому счету этот образ разделяют почти все иностранные ученые. Они отмечают множество негативных черт каторжан, таких, как лень⁷⁰⁰ или почти звериная жестокость⁷⁰¹. И это понятно. Так, Генри Хоуз вообще чуть не стал жертвой разбойного нападения⁷⁰², а Поль Лаббэ был ограблен⁷⁰³. Понятно, что после такого ничего хорошего про уголовных преступников сказать не могли. На этот образ работает и фотография душительницы из книги французского этнолога, один взгляд на чьи массивные руки сразу дает понять, как она очутилась на каторге.

Илл. 21.⁷⁰⁴

---

⁶⁹⁹ Там же. С. 663.

⁷⁰⁰ *Vanderlip W.B.* In search of a Siberian Klondike. New York: The Century Co, 1903. URL: https://www.gutenberg.org/files/41237/41237-h/41237-h.htm#Page_25 (дата обращения 30.08.2021)

⁷⁰¹ *Ховард Б.* Указ. соч. С. 189.

⁷⁰² *Хоуз. Ч.Г.* Указ. соч. С. 120.

⁷⁰³ *Labbé P.* Ibid. P. 36.

⁷⁰⁴ Там же. С. 29.

Бенджамин Ховард уточнял, что помимо закоренелых преступников, которыми почти всегда являются бродяги и рецидивисты на каторге есть и люди, которые стремятся к искуплению. Главным образом это образованные люди, совершившие преступления под влияние страстей⁷⁰⁵. Они-то, по мнению Б. Ховарда, и являются образцовыми заключенными, но таких личностей на сахалинской каторге, по его наблюдениям, весьма немного. Имеет место в текстах ученых иностранцев и выражение особого отношения к политическим преступникам, которых, например, Генри Хоуз считал жертвами царского режима⁷⁰⁶.

Определенное оправдание иностранные ученые дают каторжанкам, которые занимаются проституцией на острове. Часто случается так, что их к этому буквально принуждают чиновники⁷⁰⁷ и у них просто нет другого выбора, как подчиниться. К тому же система сожительства на острове сильно способствует падению нравственности женщин, Поль Лаббэ даже называет ее скрытой проституцией⁷⁰⁸.

Иностранцы, в отличие от литераторов, гораздо меньше обвиняют систему в низком нравственном уровне каторжан и считают, что во многом, они сами виноваты в том, что попали на каторгу. Определенное исключение делается для политических и женщин, однако по поводу уголовных преступников все авторы более-менее придерживаются сходных позиций. Выделяется на их фоне только Бенджамин Ховард. Он согласен с невысокой нравственной оценкой ссыльных, но верит при этом, что каторжная жизнь может их исправить, в то время как остальные ученые скорее рассматривают Сахалин, как изолятор для наиболее беспокойных жителей Империи. Б. Ховард же в свою очередь утверждает, что занятие созидательным трудом

---

⁷⁰⁵ *Ховард Б.* Указ. Соч. С. 239.

⁷⁰⁶ *Хоуз. Ч.Г.* Указ. Соч. С. 16.

⁷⁰⁷ *Lansdell H.* Through Siberia С. 660. URL:

<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=njp.32101073007385&view=2up&format=plaintext&seq=718> (дата обращения 19.03.2023)

⁷⁰⁸ *Labbé P.* Ibid. P. 93.

крайне благоприятно сказывается на моральном состоянии заключенных⁷⁰⁹. В этом сахалинская каторга даже превзошла тюрьмы Англии и Америки, где арестанты просто вынуждены бессмысленно приводить в движение специальные устройства, единственным назначением которых является нагрузить физически заключенных⁷¹⁰. Это крайне негативно сказывается как на самих арестантах, так и на финансах государства, которые могли бы пополниться за счет дешевого труда. По этой причине Б. Ховарду так нравится концепция штрафной колонии, хотя он и признает, что реализация некоторых ее элементов весьма хромает⁷¹¹.

Далее перейдем к вопросу о том образе чиновников, который можно наблюдать у иностранных ученых. И с ним все достаточно просто: чем больше тот или иной автор общался с чиновниками, тем, в целом, у него к ним более позитивное отношение. Хорошим примером этому служат оценки, данные В. Вандерлипом и Б. Ховардом. Так в их описании жители Сахалина предстают весьма добрыми и хлебосольными хозяевами⁷¹². Хотя, конечно, и не лишены недостатков. Так, Б. Ховард, отмечал, что по отношению к заключенным работники тюрьмы ведут себя иногда чересчур жестоко⁷¹³. Однако, при этом, он оправдывает подобное поведение самим устройством каторжной тюрьмы. По его мнению, местные чиновники находятся в постоянной опасности быть убитыми ссыльными, так как из-за нехватки рабочих рук заключенные здесь выполняют практически всю низкоквалифицированную работу. В том числе, их нанимают в качестве домашней прислуги и, по большому счету, ничего не мешает им зарезать во сне своих патронов⁷¹⁴. Подобное положение вещей и порождает жестокость

---

⁷⁰⁹ Ховард Б. Указ. Соч. С. 309.

⁷¹⁰ Там же.

⁷¹¹ Там же. С. 206.

⁷¹² *Vanderlip W.B.* In search of a Siberian Klondike. New York: The Century Co, 1903. URL: https://www.gutenberg.org/files/41237/41237-h/41237-h.htm#Page_25 (дата обращения 30.08.2021)

⁷¹³ Ховард Б. Указ. соч. С. 206.

⁷¹⁴ Там же. С. 204.

среди чиновников, так как они всеми силами должны поддерживать дисциплину среди каторжан, ведь от этого напрямую зависит их жизнь.

Остальные авторы, рисуют сахалинскую администрацию в менее радужном свете. Так, Генри Лансделл, с одной стороны, говорит о том, что в российской пенитенциарной системе работает много честных людей, которые готовы для блага каторжных потратить личные средства, с другой же стороны, до него доходили слухи, что многие из чиновников не столь бескорыстны и даже заставляют женщин на острове заниматься проституцией⁷¹⁵. В этих подозрениях его поддерживает Генри Хоуз, который указывает на то, что работники администрации всю пользуются сложившимся положением вещей, заводя себе наложниц среди каторжанок⁷¹⁶. Вообще из текста, отражающего черты образа, рисуемого Генри Хоузом видно, что он не очень хорошо относится к местной администрации. Эту позицию, во многом разделяет и Поль Лаббэ. Ученые считают персонал штрафной колонии в большинстве своем грубым⁷¹⁷ и жестоким⁷¹⁸, что не лучшим образом влияет на обстановку на острове. Так, Хоуза поразили те жестокие телесные наказания, которые применяются против преступников на Сахалине. Применение плетей кажется ему бесчеловечным, и он осуждает русское правительство за использования подобных репрессивных мер⁷¹⁹.

Проведенный содержательный анализ текстов ученых - иностранцев позволяет сделать вывод о том, что чем больше он имел возможность поговорить с кем-то помимо чиновников, тем хуже у него отношение к последним. Сильно влияет и знание языка, которое позволяет получать информацию из разных источников, а не опираться лишь на слова госслужащих или политических. Таким образом, вновь подтверждается

---

⁷¹⁵ *Lansdell H.* Through Siberia С. 660. URL:

<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=njp.32101073007385&view=2up&format=plaintext&seq=718> (дата обращения 19.03.2023)

⁷¹⁶ Хоуз. Ч.Г. Указ. соч. С. 99.

⁷¹⁷ Там же. С. 21.

⁷¹⁸ *Labbé P.* Ibid. P.166.

⁷¹⁹ Хоуз. Ч.Г. Указ. соч. С. 271.

высказанный тезис о том, что из-за различий в источниках получения информации и степени ее полноты и достоверности в этих образ чиновников у иностранных ученых вышел весьма неоднородный, который варьировался в диапазоне от восприятия чиновников как энтузиастов своего дела до их оценки как законченных садистов.

В заключении обзора восприятия иностранцами острова Сахалин необходимо сказать несколько слов об их отношении к коренным народам острова. Тут видна та же проблема, что и в работах русских ученых по этой теме. Когда начинается рассказ об «инородцах» авторы главное свое внимание уделяют описанию традиционных культурных практик айнов, ороков и гиляков. Русское влияние их тоже интересует, но оно не является главным для их работы. Когда они о нем пишут, можно увидеть определенную позицию, которая прослеживается почти у каждого иностранного ученого, особенно у этнологов. Эту общую мысль достаточно четко выразил в заключении своей книги Поль Лаббэ. Он подчеркивает, что «инородцы», до этого не сталкивающиеся столь близко с цивилизацией, сохранили многие положительные черты, такие как доверчивость, мягкость, дружелюбие⁷²⁰. Однако с появлением каторги их культура и образ жизни с каждым днем все больше и больше разрушаются. Они приобретают такие пороки, которые не могли бы получить без вмешательства «колонизаторов» в их повседневную жизнь. Ситуацию осложняет еще тот факт, что коренное население контактирует с самыми худшими представителями «цивилизованного мира» – с убийцами и ворами, которые не могут положительно на них повлиять. Из этого французский ученый делает весьма примечательный вывод, который состоит в том, что российское правительство должно пересмотреть свое отношение не только к «инородцам», но и к каторжанам, чтобы последние не были брошены на произвол судьбы на острове, а могли получить помощь и поддержку в своем перевоспитании⁷²¹.

---

⁷²⁰ *Labbé P. Ibid. P. 271.*

⁷²¹ Там же. С. 272.

В итоге это могло бы привести к тому, что коренное население перенимало не только пороки цивилизации, но и ее дары, что могло бы положительно сказаться на их развитии. И до этого в тексте Лаббэ приводит пример подобного сотрудничества. Так он пишет, что политические заключенные занимаются с детьми «инородцев» и учат их писать и читать⁷²². Однако это лишь единичные случаи, а не централизованная политика государства. Пока же основной контингент, с которым общаются айны, ороки и гиляки – это каторжане и до тех пор, пока это не изменится, культуре коренного населения угрожает опасность. Надо отметить, что замечания во многом перекликаются с позицией по этому вопросу русских этнологов и в этом нет ничего удивительного, так из письма Б.О. Пилсудского Л.Я. Штернбергу следует, что он имел с французом весьма долгие разговоры о судьбе «инородцев» на острове⁷²³.

Очень схожие мысли высказывает и Генри Хоуз и к этому же он добавляет, что русское население не чурается всячески обманывать айнов ороков и гиляков и обменивать копеечные товары на добытые представителями коренных народов ценные меха. Причем, подобным обманом занимаются не только каторжане, но и служители церкви, которые выменивали тушки животных на спиртные напитки, что являлось нарушением законов Российской Империи⁷²⁴.

Генри Лансделл практически ничего не добавляет к этой картине. Об «инородцах» Сахалина он слышал только по рассказам. Однако он отмечает, что коренное население острова находится, во многом, не под русским, а под японским влиянием. Особенно это касается рыболовной отрасли, где айны находятся от них в полной зависимости⁷²⁵. Примечательно, что через 15 лет

---

⁷²² Там же. С. 268.

⁷²³ Пилсудский Б.О. Письмо Л.Я. Штернбергу от 1902 года // Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы ... С. 149.

⁷²⁴ Хоуз. Ч.Г. Указ. соч. С. 196.

⁷²⁵ Lansdell H. Through Siberia С. 650. URL:

<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=njp.32101073007385&view=2up&format=plaintext&seq=718> (дата обращения 19.03.2023)

практически о том же самом будет писать уже российский ученый Б.О. Пилсудский и поднимать такие же проблемы.

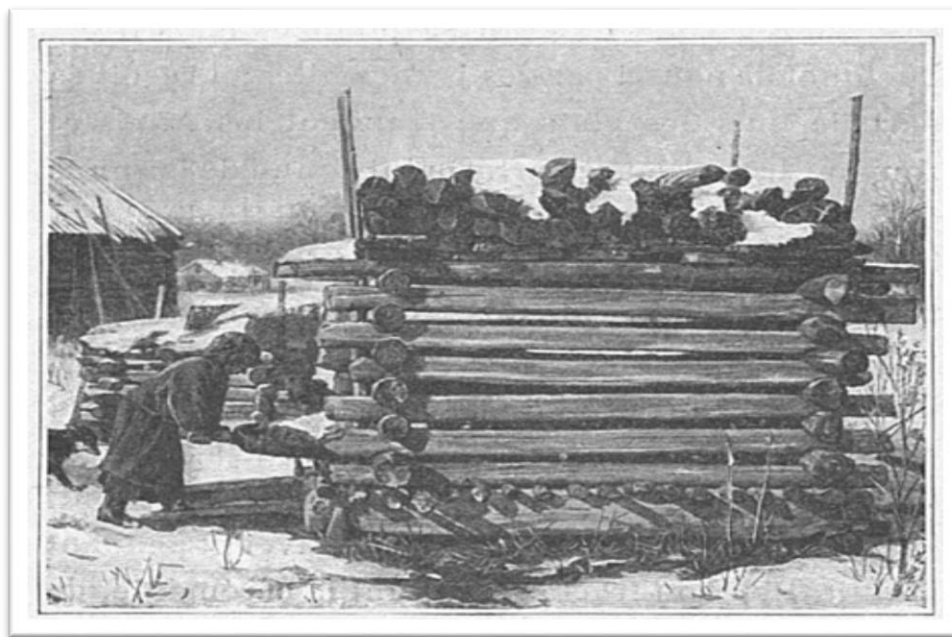
Стоит отметить, что именно для этого раздела в текстах иностранных ученых, посвященного коренному населению острова Сахалин, на подкрепление образа очень сильно работает иллюстративный материал, которого часто не хватает в работах их русских коллег. Когда речь идет о наблюдениях и замечаниях ученых этнографического характера, то стоит отметить, что в этом случае изобразительные источники играют особую роль. Дело в том, что, когда изучается культура и быт тех или иных народов может быть важна любая деталь костюма, любой узор на предмете культа. Словами же бывает тяжело передать все имеющиеся тонкости, что достаточно легко можно сделать при помощи фотографии.

*Илл. 22.*⁷²⁶

---

⁷²⁶ Хоуз. Ч.Г. Указ. соч. С. 198.

*Илл. 23.*⁷²⁷

То же самое относится и к проведению медвежьего праздника у гиляков. Без подобной фотографии было бы весьма сложно представить, то, как выглядит срубная конструкция, где содержится зверь и тот, как осуществляется процесс его кормления. Подобный изобразительный материал отлично подходит, чтобы понять всю специфичность культуры коренных народов Сахалина и необходимость ее сохранения, несмотря на освоение острова русским населением.

Если подводить итоги по образу коренного населения у зарубежных ученых, то надо отметить, что он очень похож на ту картину, которую можно найти у их российских коллег. Они объединены общей методологией, применение которой дало им сходные результаты по исследованной ими проблематике. Заключаются они в том, что «инородцы» сильно страдают от соседства с штрафной колонией. Если подобное негативное влияние продолжится, то они могут потерять свою уникальную культуру, что было бы серьезной потерей для науки.

Делая же общие заключение по образу Сахалина у иностранных исследователей, надо отметить, что сильное влияние на него оказывает то,

---

⁷²⁷ Labbé P. Ibid. 236 p.

какими науками занимался тот или иной ученый. Так, например, юриста Бенджамина Ховорда очень интересовала российская каторжная система, так как он считал, что она имеет много преимуществ над системой американской, поэтому он сконцентрировался на изучении конкретной тюрьмы и не предпринимал попыток отправиться вглубь острова. К тому же незнание языка и необходимость осмотра камер подтолкнуло его к тесному контакту с местной администрацией, что не могло не сказаться на его окончательном впечатлении. То же самое надо сказать и о Вашингтоне Вандерлипе, который получив все нужные ему сведения по геодезии рассматривал остров больше, как простой путешественник, и во многом полагался на слова чиновников, не вдаваясь в детали. Этнологи же были в другом положении, они, в силу своего научного интереса, должны были обследовать весь Сахалин и идти в глубокие дебри, чтобы напасть на след айнов, ороков и гиляков. Так как чиновники не могли, да и не хотели покидать для этого свои рабочие места, они давали проводников, причем часто из политических заключенных, поскольку только они могли свободно общаться с приезжим иностранцем. Таким образом, этнологи смогли не только посмотреть остров, но и услышать такую информацию, которую им точно не разгласили бы чиновники. Это справедливо даже для не доехавшего до Сахалина Генри Лансделла, так как собирая информацию об острове он общался не только с чиновниками, но и с каторжанами, а также частными лицами, которые могли предоставить ему другой взгляд на происходящее. По этой причине у этнологов общий образ сахалинской каторги получился более негативным, чем у других ученых.

Сравнивая же работы русских и зарубежных деятелей науки, можно выделить несколько весьма интересных наблюдений. Так видно, как общая интеллектуальная среда сближает, казалось бы, абсолютно разных по своей судьбе людей. Например, у этнолога Б.О. Пилсудского гораздо больше общих мыслей с французским исследователем коренных народов Полем Лаббэ, чем между двумя начальниками тюремного управления. И в этом нет ничего удивительного, так как методы, которыми пользуются оба исследователя

схожи между собой, что и предопределило близость полученных результатов. Еще одна важная деталь заключается в том, что, в отличие от литераторов, у зарубежных деятелей науки отмечается более комплексная картина острова. Конечно, сильное влияние оказал тут тот факт, что из-за цензурных ограничений российские авторы не могли затрагивать многих вопросов, касательно Сахалина, однако, на наш взгляд, причина тут не только в этом. После поездки Джорджа Кеннана по Сибири тема русской каторги стала очень популярна на Западе. О ней стали ходить самые дикие рассказы и слухи, особенно это касалось наиболее отдаленных, а значит наиболее мало изученных мест таких, как Сахалин. Люди науки не могли опираться только на слухи, поэтому они и ехали на остров, чтобы с одной стороны самим разобраться, что происходит, а с другой – разьяснить вопросы интересующейся публике. Так правовед Бенджамин Ховард откровенно пишет, что на Сахалин его, во многом привели те ужасные истории, которые он слышал о российской пенитенциарной системе⁷²⁸. Что касается русских ученых, то подобная задача стояла перед ними в меньшей степени, так как русскоязычной литературы по теме штрафной колонии было более чем достаточно. Они хотели заниматься именно научными изысканиями, хотя, когда это было необходимо, поднимали и актуальные проблемы. Так, Л.Я. Штернберг и Б.О. Пилсудский весьма много сделали для огласки Онорского дела и каторжный статус не стал им в этом препятствием. Можно сказать, что тут явно прослеживается разделение на «свой» и «чужой» взгляд на Сахалин. В России благодаря усилиям литераторов и госслужащих у общества более-менее выработалось представление об острове, на Западе же он все еще воспринималась как *terra incognita*, что видно и в итоговом образе иностранцев, у которого Сахалин представляется чем-то более диким и мрачным, чем у русских авторов.

---

⁷²⁸ Ховард Б. Указ. соч. С. 83.

Заключение

Подведем итог существующим образам Сахалина середины XIX – начала XX в. в источниках исторической памяти и посмотрим на их взаимосвязи и переплетения между собой. Начало этому процессу положило стремление правительства освоить остров для того, чтобы противостоять возможной иностранной агрессии, а также воспользоваться богатыми природными ресурсами Сахалина. Некоторое время господствующий образ острова не мог окончательно сформироваться, что видно по делопроизводственным документам 50-60-х годов, которые полны сомнений и противоречивых суждений о Сахалине. В связи с этим и отправляются комиссии на остров, которые и должны определить потенциал этого края для освоения. Именно с докладов чиновников из этих комиссий начинает формироваться позитивный образ Сахалина, который будет доминировать до 90-х годов XIX века⁷²⁹. Он строился на следующих главных представлениях, которые предопределили конкретные действия правительства в этом направлении. Вначале Сахалин представлялся местом богатым как природными ресурсами, так и пригодными для земледелия почвами, однако незаселенным и с неразвитой инфраструктурой. Для их решения планировалось создать на острове штрафную колонию, которая должна была обеспечить рабочими руками и жителями новый центр Дальнего Востока. Подобная идея в логике оптимистов помимо чисто практических соображений подкреплялась и теоретическими идеями о роли пенитенциарной системы, которая должна не только наказывать, но и исправлять нарушителя. В связи с этим приводилась даже история первого сахалинского каторжанина Ивана Лапшина, который попав на остров стал вести праведную жизнь и смог зарекомендовать себя, как честного человека. Все это, при нужных усилиях, должно было предопределивать быстрое развитие Сахалина, как в

---

⁷²⁹ Власов В.И. Краткий очерк неустройств, существующих на каторге. Указ. соч.

экономическом, так и в военном плане. Однако все эти рассуждения велись, главным образом, на страницах разнообразных правительственных докладов и не были известны широкой публике. Но в 90-х года начальник тюремного управления М.Н. Галкин-Враской публикует в газете свои впечатления от развития «сахалинского проекта»⁷³⁰. Он хочет привлечь к нему всеобщие внимание, поэтому отчитывается о целом ряде серьезных успехов, хотя и признает наличие проблем, которые мешают реализовать план правительства в полной мере. Эта статья является переломным моментом, когда позитивный образ острова еще превалирует над негативным, но с середины 90-х годов все начинает меняться. Уже у всех на слуху «Остров Сахалин» А.П. Чехова, а потом «Сахалин. Каторга» В.М. Дорошевича, да и другие авторы все критичнее и критичнее подходят к прогнозам касательно будущей судьбы острова. Поэтому теперь «оптимисты», особенно, среди чиновников оказались в роли обороняющейся стороны. Так вся книга тюремного смотрителя Ф.Н. Ливина была создана для того, чтобы ответить А.П. Чехову⁷³¹. Хотя стоит отметить, что в общей концепции положительного образа острова мало что изменилось. Его основа в виде природных богатств и нераскрытого потенциала все еще находилась на месте, правда небольшие изменения получил взгляд на благотворное влияние каторги на нравственность арестантов. Было признано, что на данном этапе штрафная колония не соответствует этому критерию, но причина этого кроется в том, что на остров свозят всяких бродяг и рецидивистов, которые негативно влияют на весь «сахалинский проект»⁷³². Если не везти на остров всех подряд, а ограничиваться лишь теми, кого на каторгу привела случайность или тяжелые жизненные обстоятельства, то все должно получиться. К этому все сильнее стала подчеркиваться стратегическая значимость Сахалина для того, чтобы доказать, что все потраченные правительством деньги на освоения острова были выделены не напрасно⁷³³. Но

---

⁷³⁰ Галкин-Враский. М.Н. Указ. соч.

⁷³¹ Ливин Ф.Н. Указ. соч.

⁷³² Панов А.А. Указ. соч. С. 103.

⁷³³ Там же.

стоит признать, что при всех ответах на критику пессимистов этот образ был направлен скорее в будущее, так как настоящее даже в представлении чиновников оптимистов было далеко от идеала.

И именно на это и обращали внимания чиновники пессимисты. Их восприятия острова достаточно сильно отличалось, от их более оптимистичных коллег тем, что они ставили под сомнения все основы «сахалинского проекта». Так ими высказывались серьезные сомнения в том, что местный климат позволит вести такое же хозяйство, как в центральной России⁷³⁴. Это ставит под вопрос идею освоения Сахалина посредством создания большого количества поселений в разных частях острова. Касательно природных богатств они были настроены весьма скептически, хотя пессимисты и признавали их наличие, но указывали при этом на тот факт, что без развитой инфраструктуры и правильного управления пользы, что от ископаемых, что от рыбных ресурсов не будет никакой. К этому стоит добавить, что после выхода произведений литераторов значительное внимание пессимистов было приковано к жизни обычных каторжан и тех страданиях, которым они подвергаются в штрафной колонии. На это повлияла, и целая серия скандальных происшествий самым известным из которых стало Онорское дело⁷³⁵. После этого речь шла не только о том, что финансирование Дальнего Востока эта бесполезная трата денег, но теперь дискуссия переходило и в нравственное русло, так как касалась жизни весьма значительного количества заключенных. Это приводило к столкновению мнений внутри сахалинской администрации, которая выливалась и на страницы печатных изданий⁷³⁶. Начали активно критиковаться пороки чиновников, что практически отсутствует в работах оптимистов. Стали называться конкретные фамилии тех, кто виновен в неудачах сахалинского проекта. Среди них часто упоминался М.Н. Галкин-Враской⁷³⁷ как главный

---

⁷³⁴ Новомбергский Н. Указ. соч. С 45.

⁷³⁵ Лобас Н.С. Онорское дело...

⁷³⁶ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 29.

⁷³⁷ Новомбергский Н. Указ. соч. С 41.

идеолог развития системы поселений на острове. Важно отметить, что после ряда публикаций ученых все больше внимания начали уделять коренным народам острова айнам, орокам и гилякам. При этом особо подчеркивалось то обстоятельство, что изначальная идея сделать их союзниками в освоении острова провалилась, а ошибки в действиях администрации стали причиной ряда конфликтов с «инородцами»⁷³⁸. Причем, что примечательно, в своей критике пессимисты рассчитывают донести ее до широкого читателя, поэтому, в отличие от оптимистов, большая часть их работы выходит в виде статей и отдельных книг, а не докладов. Стоит отметить, что и среди последних встречаются весьма важные для формирования негативного образа источники. Главный из них – это доклад начальника тюремного управления А.П. Саломона⁷³⁹, который практически по всем вопросам спорит с позицией своего предшественника М.Н. Галкина-Враского. В среде госслужащих складывается два противоположных лагеря: первый верит в будущее Сахалина, хотя и признает ряд проблем, требующих решения, вторые же настаивают на том, что по объективным причинам планы правительства реализовать не удастся. Особое же внимания они уделяют современному им состоянию острова и показывают, как впустую пропадают правительственные средства и страдает каторжное население, которое не только не излечивается от своих пороков, но все сильнее и сильнее падает в пучину разврата. Несмотря на усилия оптимистов, стоит признать, что пессимистическая точка зрения преобладала. Немало этому поспособствовали литераторы, которые привлекли внимание широкой общественности к проблемам сахалинской каторги. В этом контексте стоит сказать о А.П. Чехове, В.М. Дорошевиче и И.П. Ювачеве, каждый из которых внес немалый вклад формирования образа штрафной колонии. Они поднимали одни и те же проблемы, но способ их подачи был совершенно разный. «Остров Сахалин» А.П. Чехова стоит особняком в его творчестве и совсем не похож на его короткие рассказы. Это

---

⁷³⁸ Преображенский Н.А. Указ. соч. С. 67.

⁷³⁹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628.

комплексное произведение, которое даже стоит ближе к научному, чем к литературному тексту. Все свои выводы Антон Павлович делает главным образом из статистических сведений или документов, только подтверждая их личными впечатлениями.

В.М. Дорошевич идет по другому пути: для него главное – это эмоции и истории людей, его «Сахалин. Каторга» больше похож на публицистическое произведение в его традиционном смысле. Влас Михайлович для доказательства своих идей постоянно обращается либо к личному опыту, либо к истории одного или нескольких жителей острова, оставляя для статистики, главным образом географические аспекты Сахалина.

Где-то посредине находится И.П. Ювачев, чьи «Восемь лет на Сахалине» ближе по структуре к воспоминаниям, хотя там можно найти много статистических и этнографических сведений об острове. Это более личное произведение, которое позволяет взглянуть на Сахалин глазами Ивана Павловича. Особую ценность оно приобретает в связке с его письмами и дневниками, где он заполняет те пробелы, которые оставлены им в воспоминаниях.

Но при всех своих различиях общий образ, который создают трое литераторов имеет очень много схожих черт. Во многом он совпадает с образами госслужащих пессимистов и видно сильное вдохновение последних работами литераторов, особенно «Островом Сахалин» у которого заимствована общая структура повествования⁷⁴⁰. У А.П. Чехова, В.М. Дорошевича и И.П. Ювачева подвергается сомнению идея штрафной колонии, основанной на сельском хозяйстве⁷⁴¹, хотя надо отметить, что тот же Иван Павлович и допускает возможность получения хороших урожаев при правильной организации посадочных работ⁷⁴². Не вызывает у литераторов доверия и рассказы о промышленном будущем Сахалина, которое, по их

---

⁷⁴⁰ Лобас Н.С. Каторга и поселения на острове Сахалин...

⁷⁴¹ Чехов А.П. Указ. соч. С. 374; Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине... С. 111; Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга... С. 54.

⁷⁴² Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине... С. 114.

мнению, зарывается в землю некомпетентностью местных чиновников. Но успех у публики, созданный ими образ, конечно, вызвал по другим причинам. Именно литераторы обратили первые внимания на жизнь и страдания каторжан, ссыльнопоселенцев и показали, что они тоже люди и не должны страдать для реализации планов правительства. Причем сделано это было с разных сторон: со стороны науки – у А.П. Чехова, со стороны эмоций – у В.М. Дорошевича, со стороны личного опыта – у И.П. Ювачева. Это дополнялось рассказами о разнообразных злоупотреблениях на каторге, хотя усилия честных госслужащих нашли упоминания в этих работах⁷⁴³. Но несмотря на все оговорки, созданный литераторами образ отчетливо говорил о том, что сахалинская каторга нуждается если не в уничтожении, то в глобальном пересмотре всей своей концепции.

Эта идея была воспринята и более поздними литераторами, только была еще преломлена через идеологическую призму, которая была на западе или в Советском Союзе. Таким образом, из изначального образа литераторов были выброшены практически все положительные моменты, оставив только произвол чиновников и страдания каторжан. Причем с каторжан уголовных вектор внимания сменился на каторжан политических, которые пострадали от «кровавого царизма» защищая свои идеалы⁷⁴⁴.

Особняком в этом споре стоят ученые, так как хотя они оставили достаточно много работ о Сахалине, вектор их внимания к острову достаточно сильно отличался от госслужащих и литераторов. Ближе всего к их представлениям был юрист Д.Г. Тальберг, который пытался доказать пагубность курса правительства на освоения Дальнего Востока и Сахалина, в частности⁷⁴⁵. Причем, что важно это было одно из первых произведений в котором так публично ставилась под сомнение идея правительства по освоению острова. Но надо признать, что из-за своей сухой научной формы

---

⁷⁴³ Там же. С. 71.

⁷⁴⁴ Госткевич Г. Указ. соч. С. 187.

⁷⁴⁵ Тальберг Д.Г. Указ. соч.

изложения с цитированием документов и статистикой ему не удалось так всколыхнуть общественное мнение, как это сделал А.П. Чехов четырнадцать лет спустя. В этом плане весьма интересен взгляд русских этнологов, которые хотя и косвенно, смогли повлиять на восприятие Сахалина, причем не только в Российской Империи, но и за рубежом. Дело в том, что Б.О. Пилсудский и Л.Я. Штернберг открыли для широкого научного сообщества уникальную культуру айнов, ороков и гиляков. Причем в своих работах они рассматривали Сахалин именно с этого угла зрения, практически оставляя за скобками жизнь штрафной колонии. Для них остров, это в первую очередь место жизни коренных народов, а уже потом все остальное. Стоит отметить, что информация о каторге все равно просачивалась на страницы их монографий и статей. В них штрафная колония представляла тем фактором, который может нарушить привычный ход жизни инородцев и навсегда разрушить их самобытную культуру⁷⁴⁶. И хотя на этой проблеме не было особо акцентировано внимание, однако на Западе ей придали достаточно серьезное внимание. Это происходило потому, что здесь пересеклись два направления, которые были популярны за рубежом в то время. Первая из них – это внимание к «инородцам» России, вторая – особенности российской пенитенциарной системы, приковавшей всеобщие внимание после публикации труда Джорджа Кеннана, посвященного каторге. Причем он так и не добрался в своих странствиях до Сахалина, что только подогревало интерес к этому месту за рубежом. Свидетельством этого является визит на остров правоведа Бенджамена Ховарда⁷⁴⁷, писателя Гарри де Виндта⁷⁴⁸ и горного инженера Вашингтона Вандерлипа⁷⁴⁹. Их главной целью было понять настолько ли ужасна действительность сахалинской каторги, как ее изображают. Причем,

---

⁷⁴⁶ *Пилсудский Б.О.* Предварительный отчет о поездке к айнам о. Сахалин в 1902-1903 гг. Б. Пилсудского... С. 399.

⁷⁴⁷ *Ховард Б.* Указ. соч.

⁷⁴⁸ *Гарри В.* Указ. соч.

⁷⁴⁹ *Vanderlip W.B.* In search of a Siberian Klondike. New York: The Century Co, 1903. URL: https://www.gutenberg.org/files/41237/41237-h/41237-h.htm#Page_25 (дата обращения 14.03.2023)

что примечательно, они оказались во многом обмануты в своих ожиданиях и по ряду вопросов весьма комплементарно отзывались о штрафной колонии. Бенджамен Ховард, даже, как специалист по тюремной системе сравнивал пенитенциарные учреждения Англии, США и России, причем не редко высказывался в пользу последних⁷⁵⁰. Правда в этих случаях надо учесть, что не один из вышеуказанных авторов не знал русского языка, что делало их зависимыми от местных переводчиков, которые вполне могли исказить реальное положение дел на острове.

Следующая же группа иностранцев представлена этнологами, которые приехали на остров для изучения коренных народов. Большая часть их трудов посвящена «инородцам», однако при этом они активно поднимают вопросы, связанные с сахалинской каторгой. Ярким примером этому может послужить Поль Лаббэ, который ставил целью своей поездки исследования культуры и обычаев айнов и гиляков, однако название его работы переводится на русский язык, как «Русская каторга, остров Сахалин»⁷⁵¹, что не очень указывает на его заинтересованность «инородцами». То же можно сказать о Генри Хоузе и его книге «На восточной окраине»⁷⁵². Хотя значительная часть работы посвящена гилякам, основные рассуждения автора находятся в том ее разделе, где он описывает жизнь политических заключенных и те страдания, которые они испытывают в ссылке. Образ острова, созданный зарубежными этнографами, окрашен в более мрачные цвета, чем у других иностранных визитеров. Возможно, на это повлияло то, что в силу своих научных изысканий они были вынуждены забираться в самые глухие уголки Сахалина, в связи с чем имели возможность составить представление о всем острове целиком, а не только о самых развитых его населенных пунктах. Сказался тут и языковой вопрос, если Бенджамену Ховарду, Гарри де Виндту и Вашингтону Вандерлипу выделяли переводчиков из числа местной администрации, то Генри Хоузу

---

⁷⁵⁰ *Ховард Б.* Указ. соч. С. 309.

⁷⁵¹ *Labbé P.* Ibid.

⁷⁵² *Хоуз. Ч.Г.* Указ. соч.

дали в компаньоны политического, так как ни у кого не было желание ехать с ученым в малоизученные земли. Поль Лаббэ же сам знал русский язык и мог черпать информацию из разных источников. По основным вопросам, созданный ими образ пересекается с таковым у русских этнологов. Причем некоторые вопросы, которые касаются взаимодействия коренных народов и штрафной колонии, более четко артикулируются по той причине, что иностранцы не находились под столь значительными цензурными ограничениями. Единственное существенное различие сводится к тому, что в трудах зарубежных ученых видно весьма критическое описание уголовных каторжных. К ним не проявляется практически никакого сочувствия, их нахождение на каторге рассматривается, как вещь абсолютно нормальная. Для русских же ученых, а особенно литераторов, преступник рассматривается скорее, как жертва системы, не заслуживающий столь сурового наказания.

Весьма долгое время все эти образы существовали параллельно друг другу, и велась оживленная дискуссия насчет будущего «сахалинского проекта». Однако русско-японская война привела к его сворачиванию, что укрепило позиции пессимистов, так как надежды оптимистов на возможные преобразования, которые исправят имеющиеся на острове проблемы, стали нереализуемы. Эти процессы лишь усилились в советское время, когда по идеологическим соображениям многие положительные аспекты освоения Сахалина русским населением стали замалчиваться. Только в последние несколько лет стал виден курс на восстановление определенной исторической справедливости в данном вопросе, когда читателю представляется выбор из богатого набора источников и он сам может выбрать, какой из образов острова для него предпочтительнее.

Библиография

Архивные источники:

- 1.) ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д.174. Л. 237.
- 2.) ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2097. Доклад А.А. Панова правлению общества попечения о семьях ссыльно-каторжан, о необходимости заведения казенных продаж питей на о Сахалин.
- 3.) ГАРФ. Ф. 1099. Филиппов Третий Иванович, государственный контролер, общественный и литературный деятель. Оп. 1. Опись дел фонда Т.И. Филиппова. 1779–1913 гг. Д. 628. Доклад начальника Главного тюремного управления А. Саломона министру юстиции об условиях отбывания ссылки и каторги в Сибири и на острове Сахалине. Копия. Печатный экземпляр.
- 4.) ГАРФ. Ф. 1463. Оп.3. Д. 461.
- 5.) ГАРФ. Ф. Р 6398. Оп. 1. Д. 7. Остров Сахалин. /Воспоминания политического ссыльного/. Доклад. Машинописный экземпляр
- 6.) ИРЛИ. Ф. 377. Оп.7. Д. 2179.
- 7.) РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4178.
- 8.) РГИА. Ф. 398. Оп. 33. Д. 12143.
- 9.) РГИА. Ф. 398. Оп. 35. Д. 12505.
- 10.) РГИА. Научно-справочная библиотека. Коллекция печатных записок НСБ. №2800/1

Источники:

- 1.) Бронислав Пилсудский и Лев Штернберг, письма и документы (конец XIX – начало XX века) Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2011. 387 с.
- 2.) *Власов В.И.* Краткий очерк неустройств, существующих на каторге. // В.И. Власов, М.С. Мицуль, А.П. Кеппен. Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск: Изд-во Южно-Сахалинск, 2013. С. 26–57.
- 3.) *Галкин-Враский М.Н.* Записки начальника тюремного управления // Тюремный вестник. 1895. №5. С. 237–255.

- 4.) *Гарри В.* Поездка вглубь острова // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск. 2011. С. 222–233.
- 5.) *Госткевич Г.* Записки пролетариатца // Каторга и ссылка. М., 1926. Кн. 6. С. 122–150.
- 6.) *Дорошевич В.М.* Петербург (От нашего корреспондента). 24 января // Новости дня. М., 1890. № 2359, 26 января. С. 3.
- 7.) *Дорошевич В.М.* Сахалин: (каторга). В 2-х ч. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1903.
- 8.) *Дорошевич В.М.* Сахалин. Каторга. Южно-Сахалинск, Изд-во Южно-Сахалинск, 2012. 382 с.
- 9.) *Дорошевич В.М.* Как я попал на Сахалин. М., 1905. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Как_я_попал_на_Сахалин_\(Дорошевич\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Как_я_попал_на_Сахалин_(Дорошевич)) (дата обращения 29.09.22)
- 10.) *Дриль Д.А.* Ссылка во Франции и России. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1899. 175 с.
- 11.) *Еллинский Б.* Под звон цепей: роман из жизни сахалинских политических ссыльных / Б. Еллинский. – Л.; [М.]: Тип. Коминтерн, 1927. С. 151–192.
- 12.) *Ермаков А.И.* Два года на Сахалинской каторге // Каторга и ссылка. М., 1926. Кн. 6. С. 151–178.
- 13.) *Кеппен А.П.* Остров Сахалин его каменноугольные месторождения и развитие на нем каменноугольной промышленности // В.И. Власов, М.С.Мицуль, А.П. Кеппен. Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск: Изд-во Южно-Сахалинск, 2013. С. 325–444.
- 14.) *Ливин Ф.Н.* Записки сахалинского чиновника. Южно-Сахалинск: Корки'С, 2019. 111 с.
- 15.) *Лобас Н.С.* Каторга и поселения на острове Сахалин. (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии) со многими рисунками. Павлоград, 1903. 160 с.
- 16.) *Лобас Н.С.* Онорское дело // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Из-во Южно-Сахалинск. 2012. №19 С. 248–257.

- 17.) *Лобас Н.С.* Сахалинская каторга: (записки тюремного врача). Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2012. 391 с.
- 18.) *Мейснер И.И.* Остров Сахалин. Воспоминания политического ссыльного // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск. 2013. С. 143-165.
- 19.) *Мицуль М.С.* О произведениях лесоводства и лесных продуктов на Парижской всемирной выставке 1867 года. СПб., 1869. 127 с.
- 20.) *Мицуль М.С.* Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении // В.И. Власов, М.С. Мицуль, А.П. Кеппен Из предыстории Сахалинской каторги. Южно-Сахалинск, 2013. С.126–257.
- 21.) *Мицуль М.С.* Североамериканские земледельческие школы (Очерк). СПб., 1869. 55 с.
- 22.) *Мицуль М.С.* Хозяйственный плодовый сад. СПб., 1870, VIII, 350 с. С илл.
- 23.) *Новомбергский Н.* Остров Сахалин с приложением автобиографии и портрета убийцы Федора Широколобова. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1903. 251 с.
- 24.) *Панов А.А.* Сахалин как каторга. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. 234 с.
- 25.) *Пилсудский Б.О.* Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалин Б.О. Пилсудского // Записки состоящего под Августейшим Покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича. Общества Изучения Амурского Края. (Владивостокского отделения приамурского отдела Императорского русского географического общества). Т.Х. Владивосток., 1907.
- 26.) *Пилсудский Б.О.* Предварительный отчет о поездке к айнам о. Сахалина в 1902-1903 гг. Б. Пилсудского // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. №3. Южно-Сахалинск: Изд-во Южно-Сахалинск, 1996. С. 398–407.

- 27.) *Поддубский Л.В.* Заметки о Сахалинской каторге и ссылке // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 11. Южно-Сахалинск, 2004. С. 149–159.
- 28.) *Поддубский Л.В.* Сахалинские дети // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 11. Южно-Сахалинск, 2004. С. 159–170.
- 29.) *Преображенский Н.А.* Проклятая быль. СПб., 1909. 113 с.
- 30.) Путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток альбом к выставке. М.: Литературный музей, 2019. 83 с.
- 31.) *Рудановский Н.В.* Записки об острове Сахалин и его коренных жителях 1853–1857 гг. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2020. 165 с.
- 32.) *Сколков И.Г.* Рапорт генерал-адъютанта И.Г. Сколкова императору Александру II // Из предыстории сахалинской каторги. Приамурская комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова (1869–1870). Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск. 2015. С. 55–58.
- 33.) *Тальберг Д.Г.* Ссылка на Сахалин // Вестник Европы. Т. 3. СПб., 1879. С. 219–252.
- 34.) *Фон Фрикен А.А.* Записка инспектора сельского хозяйства на Сахалине // Тюремный вестник СПб., 1895. С. 262–272.
- 35.) *Ховард Б.* Узники России. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2007. 503 с.
- 36.) *Хоуз. Ч.Г.* На восточной окраине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2003. 355 с.
- 37.) *Чехов А.П.* Остров Сахалин. Южно-Сахалинск: Изд-во «Южно-Сахалинск», 1995. 520 с.
- 38.) *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. 740 с.

- 39.) *Штернберг Л.Я.* Дневник путешествия к восточным гилякам и орокам // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 5. Южно-Сахалинск, 2001. С. 216–283.
- 40.) *Штернберг Л.Я.* По Сахалину и Амуру. Дневники путешествий, письма (1889–1927 гг.) Белгород: Константа, 2019. 305 с.
- 41.) *Ювачев И.П.* Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. 287 с.
- 42.) *Ювачев И.П.* Собрание дневников в десяти книгах. Книга первая. Письма (1887–1891). Дневники (1890–1892). М.: Галеев-Галерея, 2016. 636 с.
- 43.) *Lansdell H.* Through Siberia URL:
<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=njp.32101073007385&view=2up&format=plaintext&seq=718> (дата обращения 19.03.2023)
- 44.) *Labbé P.* Un baigne russe l'île de Sakhaline. Paris: Hachette, 1903. 276 p.
- 45.) *Vanderlip W.B.* In search of a Siberian Klondike. New York: The Century Co, 1903. URL: https://www.gutenberg.org/files/41237/41237-h/41237-h.htm#Page_25 (дата обращения 30.08.2021)

Литература

- 1.) *Акидзуки Т.* Японо-российские отношения и остров Сахалин // Проблемы Сахалина, Курил и сопредельных территорий Южно-Сахалинск, 2002. С. 41–129.
- 2.) *Алпатов В.М.* О звуковых, письменных и визуальных способах передачи и хранения информации // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. М., 2019. С. 23–29.
- 3.) *Ананьев Д.А.* Сахалинская каторга в оценке современных англо-американских и немецких историков // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2019. № 1. С. 55–64.
- 4.) *Астахов И.В.* От АО «Добровольный флот» до АО «Дальневосточное Морское Пароходство» // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Выпуск 3. Флот и общество: люди, события, факты.

- Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300-летию Российского флота (17–20 октября 1996 г.). Владивосток, 1996. 73–77 с.
- 5.) Биографический метод и эго-источники в исследованиях российской истории XVIII-начала XX в. / отв. ред. А.Г. Голиков. СПб.: Алтейя, 2021. 210 с.
- 6.) *Баринова Е.П.* Женщина-дворянка начала XX в. в эго-источниках эпохи // Клио. СПб. №. 4 (64). 2012. С. 122–125
- 7.) *Борисов В.Г., Кан Чун Ди.* Политическая каторга и ссылка на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1979. 86 с.
- 8.) *Бучкин С.В.* В.М. Дорошевич. Творческая судьба. Мастерство. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. (10.01.01) / АН БССР. Ин-т литературы им. Я. Купалы. Минск, 1972. 23 с.
- 9.) *Воробьева О.В.* Профессиональная историография и историческая память: аспекты взаимодействия // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. М.: Аквилон, 2017. С. 9–21.
- 10.) *Высоков М.С.* Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток-Южно-Сахалинск, 2015. 847 с.
- 11.) *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., Наука. 1975. 235 с.
- 12.) *Гагиева А.К.* Делопроизводственные документы волостной администрации второй половины XVIII в. как источник по истории правосознания крестьян Европейского Севера России // Информационно-документальные процессы и технологии: история и современность. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. Вып. 3. С. 5–18.
- 13.) *Голиков А.Г.* Комплексное источниковедение с позиций учения об информации (по материалам периодической печати) // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Москва, 2006. С.217–228.

- 14.) *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История» и направлению подготовки «История». М.: Академия, 2012. 460 с.
- 15.) *Гонтмахер П.Я., Осипова М.В.* Айны историко-этнографические очерки (XIX-XX вв.). Хабаровск., 2009. 128 с.
- 16.) *Гридяева М.В.* «Возмущенный неправдой, проникшей в печать» // Ливин Ф.Н. Записки сахалинского чиновника. Южно-Сахалинск: Корки'С, 2019. С.9.
- 17.) *Гридяева М.В.* Дело о Сахалинском колонизационном фонде // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 2013. № 1 (20). С. 66–73.
- 18.) *Гридяева М.В.* Михаил Николаевич Галкин-Враской: «Большой тюремщик» или «просвещенный начальник» // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск. 2015. № 12. С.180–196.
- 19.) *Гридяева М.В.* Остров Сахалин во второй половине XIX – начале XX века: административное устройство и управление. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. 206 с.
- 20.) *Гридяева М.В.* Религиозность населения Сахалина в конце XIX-начале XX веков // История государственности и церкви на Сахалине. Южно-Сахалинск. 2001.
- 21.) *Дергачева Л.Д.* Источниковедческое исследование периодики и теория управления // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1996. № 4 С. 79–89.
- 22.) *Драгунова Л.В.* Православие и первые школы каторжного Сахалина // История государственности и церкви на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2001. С. 128–133.
- 23.) *Драгунова Е.* Федор Ливин: загадка жизни и судьбы. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2019. 139 с.

- 24.) *Дударец Г.И.* Первые сахалинские врачи // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. №16. Южно-Сахалинск, 2009. С.180–188.
- 25.) *Дударец Г.И.* Предисловие // Бронислав Пилсудский дневник 1882–1885. Белгород: Константа, 2019. С. 3–19.
- 26.) *Заяц М.О.* документах по истории Курильских айнов, хранящихся в Сахалинском областном краеведческом музее // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2003. № 10 С. 119–137.
- 27.) *Кабанов В.В.* Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века. М.: Институт Российской Истории. 2004. 281 с.
- 28.) *Кавин Н.М.* Летописей эпохи (вступительная статья) // Собрание дневников в десяти книгах. М.: Галеев-Галерея, 2016. С. 7–93.
- 29.) *Ким Чан Ок* «Не вступая ни в какие компромиссы...» (доктор медицины В.Г. Стандницкий на Сахалинской каторге) // XVIII Чеховские чтения Проблемы и перспективы сохранения чеховского наследия. Материалы научно-практической конференции 29–30 января 2015 года. Южно-Сахалинск, 2015. С. 123–135.
- 30.) *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 753 с.
- 31.) *Кораблин К.К.* Исторический опыт ссыльнокаторжной и ссыльнопоселенческой колонизации острова Сахалин (вторая половина XIX – начало XX столетия) // Успехи современной науки. Белгород. 2017. Т. 8. № 3. С. 163–171.
- 32.) *Кораблин К.К.* Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2005. № 2 (120). С. 72–82.
- 33.) *Кормилов С.И.* В.М. Дорошевич как неявный продолжатель и неявный оппонент А.П. Чехова в освоении Сахалинской темы // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина (Материалы международной научной

- конференции. 31 октября – 2 ноября 1991г.Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск, 1992. С. 105–111.
- 34.) *Костанов. А.И.* Архивы Сахалинской каторги // «А.П. Чехов и Сахалин» на пороге третьего тысячелетия». Южно-Сахалинск, 2001. С. 64–79.
- 35.) *Костанов А.И.* Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. 391 с.
- 36.) *Кудрявцев И.Г.* О книге А.А. Панова «Сахалин как колония» // X Чеховские чтения. Ориентиры сахалинского чеховедения в панораме XXI в. (К 60-летию образования Сахалинской области). Южно-Сахалинск. 2007. С. 38–44.
- 37.) *Латышев В.М., Дударец Г.И.* Государственный канцлер А.М. Горчаков и решение Сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск: Государственное учреждение культуры «Сахалинский областной краеведческий музей», 2015. 313 с.
- 38.) *Латышев В.М., Дударец Г.И.* Комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова в Амурском крае и на Сахалине (1869–1870 гг.) // Из предыстории сахалинской каторги. Приамурская комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова (1869–1870 гг.). Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2015. С. 7–35.
- 39.) *Латышев В.М.* Врач Л.В. Поддубский и его записки о Сахалинской каторге // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. №11. Южно-Сахалинск, 2004. С. 141–149.
- 40.) *Латышев В.М.* Вступительная статья // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2011. С.222–224.
- 41.) *Латышев В.М.* Предварительный отчет Бронислава Пилсудского // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея Южно-Сахалинск, 1996. № 2. С. 394–398.
- 42.) *Латышев В.М.* Сахалин после А.П. Чехова (Ревизия Сахалинской каторги генералом Н.И. Гродековым в 1894 году) // Вестник Сахалинского

- музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 2000. № 7. С. 157–163.
- 43.) *Латышев В.М.* Сахалинское путешествие Чарльза Хоуза // На восточной окраине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2003. С. 5–12.
- 44.) *Латышев В.М.* Суровый Генерал // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея Южно-Сахалинск. 1998 № 5. С. 97–104.
- 45.) *Лисицина Е.Н.* Вашингтон Вандерлип на Сахалине: впечатления американского горного инженера о пребывании в Корскакове // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинск, 2018. С. 30–36.
- 46.) *Линченко А.А.* Историческая наука как фактор демифологизации исторической культуры: философско-методологический аспект // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. М.: Аквилон, 2017. С. 21–40.
- 47.) *Магидов В.М.* Визуальная антропология и задачи кино-, фото-, фонодокументального источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко, 30 нояб. – 1 дек. 1998 г М.: РОССПЭН, 2000. С. 336–349.
- 48.) *Магидов В.М.* Истоки источниковедческого изучения фото- и кинодокументов в России // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на третьей Всерос. конф. 25–26 февр. 1999 г. М.: Научная книга. 1999. С.63–68.
- 49.) *Мазур Л.П.* Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2019. С.52–62 с.
- 50.) *Маленков В.В.* Особенности семейно-брачных отношений на Сахалинской каторге // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник

Сахалинского областного краеведческого музея. № 7. Южно-Сахалинск, 2000. С. 163–166.

- 51.) *Мейснер Б.И.* «Я не шпион». URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/3/ivan-ivanovich-mejsner-moya-rodoslovnaya.html> (дата обращения 15.04.2023)
- 52.) *Минаков А.С.* Губернский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел: Издательский дом «Орлик», Издатель Александр Воробьев, 2011. 488 с.
- 53.) *Назаренко К.Б.* Делопроизводственная документация как источник по истории Морского министерства России в 1905-1914 гг. // *Историография и источниковедение отечественной истории.* СПб.: «КРИСМАС +», 2002. С. 109–129.
- 54.) *Оларт. Е.* Проклятый остров. М., Дело. 1913. 127 с.
- 55.) *Орлов Э.Д., Шипова Т.Н.* О «Сахалинской» и этнографической коллекции А.П. Чехова: вместо предисловия // Путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток альбом к выставке. М.: Литературный музей, 2019. С.10–14.
- 56.) *Орлов Э.Д., Шипова Т.Н.* «Я был и в аду... и в раю»: путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток // Путешествие А.П. Чехова на Сахалин и на Восток альбом к выставке. М.: Литературный музей, 2019. С. 14–42.
- 57.) *Осипова М.В.* Айны о. Сахалин на страницах книг зарубежных путешественников и исследователей XVI–XIX вв. // *Культура: традиции и современность.* Сб. научн. статей. Под ред. В.В. Романовой. Хабаровск., 2006. С.136–144.
- 58.) *Осипова М.В.* Айны острова Сахалин: традиции и повседневность очерки обрядовой культуры. Хабаровск, 2008. 183 с.
- 59.) *Петрова О.С.* Гражданская война в России через призму эго-источников (на примере воспоминаний П.С. Уваровой «Былое. Давно прошедшие

- счастливые дни») // Гражданская война в России (1918-1922 гг.): [сборник]. СПб.: Алтейя, 2020. С.50–63.
- 60.) *Петрова О.С., Шимбирева О.А.* Комплексный подход к изучению визуальной и нарративной информации по истории современного женского движения (по материалам периодической печати) // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. М., 2019. С. 812–820.
- 61.) *Плотников А.А.* Сахалинская каторга. Хабаровск, 1992. 96 с.
- 62.) *Подшивалов И.* Анархия в Сибири. Ангарск, 2015. 299 с.
- 63.) *Поляновский М.* Сахалин после Чехова и Дорошевича. М., 1929. 94 с.
- 64.) *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. Москва, 1975. 281 с.
- 65.) *Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова. М., 2019. 892 с.
- 66.) Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. М., 2019. 1030 с.
- 67.) *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 2. С. 106–126.
- 68.) *Рубинзина З.М.* Проблемы исследования фотографии, как изобразительного источника // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. М., 2019. С. 758–774.
- 69.) *Святославский А.В.* Между вымыслом и реальностью: художественная литература и публицистика, как исторический источник // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. М.: Аквилон, 2017. С. 49–73.

- 70.) *Сенченко. И.А.* Из истории Сахалинской политической каторги. // Очерки социально-экономического развития и революционного движения в России. Сборник научных трудов. 1975. С. 323–348.
- 71.) *Сенченко. И.А.* История Сахалинских и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. И до установления Советской власти). М., 1966. 46 с.
- 72.) *Сенченко И.А.* Сахалин и Курилы – история освоения и развития. М.: Моя Россия, 2006. 512 с.
- 73.) *Серов Н.В.* Онтология между источниками визуальной и вербальной информации // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред А.Г. Голиков. М., 2019. С. 29–51.
- 74.) *Сирина А.А.,* Роон Т.П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., Наука. 2004. С. 49–95.
- 75.) *Старцев А.Ф.* Ороки – орочены, а не ульта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток., 2015. 161 с.
- 76.) *Теплинский. М.В. Бурятов. Б.Н. А.П.* Чехов на Сахалине. Сахалин, 1957. 97 с.
- 77.) *Теплинский М.В.* Влас Дорошевич – автор книги «Сахалин»// Сахалин литературно-художественный сборник. Южно-Сахалинск, 1962. С. 128–134.
- 78.) *Тэмина М.Г.* Изучение нивхов в дореволюционный период // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: российской и монгольской СПб., 2011. С. 256–262.
- 79.) *Федорчук С.* Поляки на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1994. 48 с.
- 80.) *Хексли Э.* Сибирская эпопея. Москва: Паулсен, 2021. 800 с.
- 81.) Центр и регионы, экономическая политика правительства на окраинах Российской Империи 1894-1917 / Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков (отв. ред.), А.А. Иванов, А.Э. Котов, В.Л. Степанов, А.В. Мамаев, Э.О. Сагинадзе,

- Е.О. Старовойтова, Б.А. Алимуджанов, Г.М. Слободзян. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2021. 660 с.
- 82.) *Цунэко М.* Исторический контекст путешествия Чехова // *Seberia and the Russian Far East in the 21st century*. Хоккайдо: IEDA Osamu, 2005. С. 13–33.
- 83.) *Чечулин Н.Д.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб.: Редакция журнала «Библиограф» (Н. М. Лисовского), 1891. 16 с.
- 84.) *Шнирельман В.А.* Социальная память вопросы теории // *Историческая память и российская идентичность* / под. ред В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С.12–35.
- 85.) *Щепкин В.* Айны глазами японцев. Неизвестная коллекция А.В. Григорьева. СПб.: Арка, 2022. 302 с.
- 86.) *Ackeret M.* In der Welt der Katorga. Die Zwangsarebeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgedehnten Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München: Osteuropa Institut München, 2007. 166 p.
- 87.) *Beer D.* The house of the dead: Siberian exile under the tsar. London: Penguin Books, 2017. 487 p.
- 88.) *Corrado Sh.M.* The end of the Earth Sakhalin Island in the Russia imperial imagination 1849-1906. Ph.D. dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign, Urbana, 2010. 189 p.
- 89.) *Gents A.A.* The institution of Russia's Sakhalin policy, from 1868 to 1875 // *Journal of Asian History*. 2002. P. 1–36.
- 90.) *Gents A.A.* Sakhalin as cause celebre: re-signification of tsarist Russia's penal colony. *Acta Slavica Iaponica*, Vol. 32. 2012. P. 32–72.
- 91.) *Stephan J.* Sakhalin. A history. Oxford: Clarendon Press, 1971. 235 p.